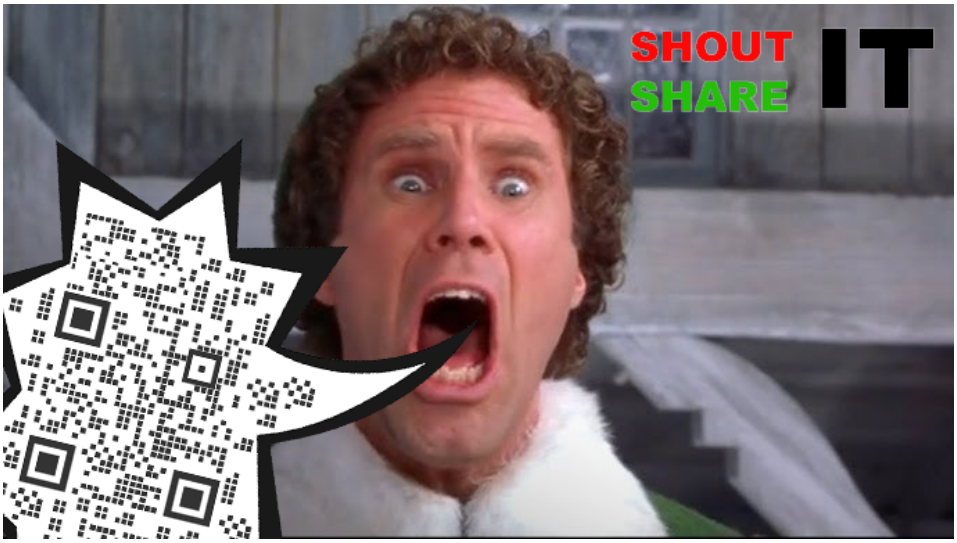
BrainStorm

АЛИНА КАТРАН-ШИЛЛИНГ

ОТ ПЕСОЧНИЦЫ ДО СТАДИОНА


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эта книга могла бы стать биографией группы, если бы у них был только BrainStorm. Но жизнь длиннее самой любимой песни. И четверо парней из Елгавы говорят с вами о главных вещах – Любви, Дружбе, Призвании, Успехе и всём том, о чём за 45 лет не рассказали даже друг другу. Вы можете не знать их песен, но вы поймёте, о чём они: эта книга про всех нас. Ведь каждому порой надо просто услышать: «Ты не один».В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

- Алина Катран-Шиллинг
  -
  - Предисловие
  - Начало
  - Дружба
  - Жизнь
  - Свобода
  - Призвание
  - Любовь
  - Характер
  - Успех
  -

Алина Катран-Шиллинг BrainStorm. Ты не один. От песочницы до стадиона

© Алина Катран-Шиллинг, текст, 2020
© Анна Солуянова, иллюстрации, 2020
© BrainStorm Records Company
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Предисловие

Раймонд Паулс, Лева и Шура Би-2, Илья Лагутенко, Александр Петров, Евгений Гришковец, Антон Корбайн, Влади, Михаил Козырев и BrainStorm всем составом: Ренарс, Каспарс, Янис и Марис – хороший был бы лайнап какого-нибудь культурного фестиваля или мегаредакция журнала о современной музыке, театре и кино. А будь это гестлист летней балтийской вечеринки – да на неё можно было бы вип-ложу продавать по цене машины, – все бы пришли. Но нет. Точнее, не совсем так. Всё вышеперечисленное обязательно состоится как спин-офф или сиквел этой книги. Между прочим, вы только что прочли список её авторов. Ведь так и пишется история. Представил сейчас себе книгу о Штраусе, в которой отметились он сам и его современники соответствующего размаха. Неплохой был бы бестселлер, но что-то не до книги ему было, а я бы прочел, эх, Иоганн… Проехали.

Мы всегда смотрим на современников, как на людей более обычных, чем те, что жили раньше, даже если знаем, что эти современники через несколько поколений станут легендами и займут места в хронологии нашего времени. Указанные мною займут, хотя с каждым столетием даже самые яркие из нас становятся миражами в пустыне.

Пройдет двести-триста лет, и кто-то скачает файл с названием «BrainStorm: Ты не один», начнёт читать, и, может, он или она… да вот хороший вопрос, а останутся ли он и она? Извините, отвлёкся, так вот, какой-то человек, так… ещё один вопрос, а человек-то останется? Допустим, останется. Итак, человек решит прочесть что-нибудь про начало XXI века, точнее про музыку этого периода, ну, не знаю зачем, в университете задание такое, и среди ряда текстов попадётся этот. Человек начнёт читать.

Я хочу вот к нему обратиться, к тому, кому дали задание написать что-то про наше время.

Ты правильно выбрал! Серьёзно, братан, сестра или кто ты там в будущем, это просто-таки охрененный выбор, тебе столько станет ясно про нас, тут такие люди собрались, ты таких в одной книжке попробуй найти. Они все жили по-настоящему, не стыдно за остатки выдышанного ими чистого воздуха этой планеты. И вот они все отдали часть уходящего как песок в часах времени на то, чтобы сказать, что они думают о музыке. Ты же понимаешь, если хочешь узнать что-то о времени, есть только один путь – слушать музыку этого времени. Всё остальное в том или ином объёме

содержит ложь, а в музыке не соврать, мы редко задумываемся, но ведь музыка – единственная материя, в которой нет места неправде. Скажешь, музыка бывает плохая и это хуже лжи? Не соглашусь: кто решает, хорошая музыка или нет? Она либо заставляет тебя дышать по-другому, либо нет. Кстати, не волнуйся, музыка, о которой написано здесь, заставит тебя дышать по-другому. Если нет – я верну тебе деньги, только прилети за ними в наш 2020 год. А я жадный, поэтому я в себе уверен, точнее, в них, в парнях из BrainStorm, и да, книга об их музыке.

Ты где-то ещё прочтёшь про эту книгу и там тебе скажут, что эти строчки не про ноты и мелодии, а про её авторов, точнее, в основном, здесь мысли и истории самих этих авторов, а также их друзей. Ерунда. Книга про музыкантов – это всегда книга про их творение. Вы там ещё верите в Бога или нашли что-то поинтереснее? Мы тут ещё пока верим, хотя оснований всё меньше и меньше, но одна из причин верить – музыка: если она есть, значит, старина Дарвин конкретно ошибся, и те, кто умеет складывать звуки в коды человеческих душ, умеют с этим самым Богом разговаривать или хотя бы слушать. Мне всегда было интересно, какие они, те, кто умеют слушать, кто они? Жрецы, шаманы, просто люди с даром? Прости, я даже как-то не подумал спросить… у вас там ещё есть музыка? Если вы до сих пор не разучились плакать и смеяться, значит, есть. Я бы хотел её услышать, но не судьба. Хотел бы прочесть тех, кто её пишет, и о тех, кто её пишет, но тоже не получится. А у тебя получится прочесть про музыку, которую слушаю я, и начинаю дышать иначе. Читай и слушай музыку, и ты начнёшь путешествие во времени. Поймёшь, как мы жили, как любили, думали и чувствовали. Это же очень просто: надо только перевернуть страницу, а дочитав, нажать кнопку «Play».

Александр Цыпкин

Начало

Как давно ты здесь не был
Кто же помнит тебя?
Этот двор, где ты бегал,
И окна в каплях дождя…

«Чайки на крышах», BrainStorm

800 лет назад лавина всадников в белых мантиях накрыла территорию будущей Латвии – языческую и непокорную. Земля дала отпор, и крестоносцы заложили здесь замок Митава, первый камень будущей Елгавы. Город-пряник с лосем на гербе, почти до основания сгоревший в годы Второй мировой, находится в получасе езды от Риги. Здесь некогда гостила будущая императрица Екатерина II, скрывался от французской революции Людовик XVIII, путешествовал Карамзин и выпускал машинки-рафики Советский Союз. Здесь родились и выросли BrainStorm – мальчишки, для которых городок казался огромным, как мир, и которые, увидев мир, все ещё считают себя елгавской группой.

Исторический камертон города – башня церкви Святой Троицы и смотровая площадка на её макушке. Отсюда видно среднюю школу № 1, где мальчуганы Янис, Ренарс, Каспарс и Марис строились на линейку, а теперь почетными гостями выступают на 100-летии училища. Детский сад «Земляничка» – зимой карапузы танцевали здесь «Парижское танго» под новогодней ёлкой, а летом облизывали круглые бумажки от пломбира в панамах из лопуха. Из местной музыкальной школы мальчишки с детским хором «Кузнечик» однажды отправились на большой концерт и выступили под аккомпанемент маэстро Раймонда Паулса – вдохновились и прыгнули далеко.

На цветущих пойменных лугах пасутся дикие лошади, а неподалёку раз в пару лет собирается весь город – домашними опен-эйрами BrainStorm открывают свои латвийские туры. Впереди виден Елгавский вокзал, до которого школьники Prāta Vētra (так называют группу на Родине) волоком тащили свои инструменты, а теперь во всех сувенирных лавках страны диски BrainStorm соседствуют с янтарём, балтийскими шпротами и Рижским бальзамом.

В опрятном скверике на главной улице Елгавы открыт новый памятник. Восемь зеркальных человеческих фигур держат на

головах пирамиды из валунов. Каждый камень – знаковое событие в истории города. В их числе и рождение группы Prāta Vētra в 1989 году.

Мощёные булыжником улицы Елгавы уводят в довоенную эпоху, фахверковые дома прячут внутри антикварные останки средневековья, а панельные многоэтажки до сих пор напоминают декорации к «Иронии судьбы». Куда же умчались те рыцари, где теперь слышны колокола взорванных церквей? Они звучат в каждом, кто вырос на той земле. Среда формирует нас явно и подспудно, каждому важна опора, корни, тыл – место, откуда можно расти и крепнуть. Рассматривая фундамент старой башни, зачастую можно увидеть и свой собственный.

Марис Михельсонс:

Когда мы были мальчишками, мы эту башню излазили вдоль и поперек. Она была разрушена, без крыши, можно было, задрав голову вверх, видеть небо. Наполовину она была засыпана песком – нас пугали, будто бы в нём закопан русский танк, но мы всё равно проводили там много времени. Я любил в детстве рассказы о приключениях, обожал Жюля Верна. Прочёл все книги в доме, и бывало даже, что в день по два раза бегал в библиотеку за новыми. Я мечтал о замках, рыцарских турнирах, представлял себя Робин Гудом. Меня увлекал этот мир.

Я очень четко помню момент из детства, когда разводились мама с папой. Был декабрь, ёлка стояла, игрушки на ней висели красивые. А родители очень сильно о чём-то поспорили, сейчас я уже могу предположить о чём, а тогда мне было 4 года, я ничего не понимал, но зато я помню, как мама взяла эту ёлку, распахнула окно и выкинула её с пятого этажа. Я был маленький, бежал вниз – какие-то игрушки уцелели, я пытался их собрать…

Моя мама Велта, папа Янис и старший брат Иво. А где же я? Я в коляске!

Тут мне даже годика ещё нет. Встречаю крёстных

Я очень стильный пятиклассник – волосы уложены водой с сахаром

Наша детсадовская АВВА! Даже в психбольнице однажды пели, было страшно, я постоянно забывал слова! На фото я справа

После этого с отцом я общался очень мало. Отрывочно я помню моменты – вот он появляется на мой день рождения, я выбегаю во двор, я очень рад…

В детстве это случалось очень редко. Сейчас-то я понимаю, что он не появлялся из-за того, что они не ладили с мамой, а не потому, что не хотел видеть меня. Но папа мог бы появляться чаще. Я сам сейчас в разводе и понимаю, что люди могут сильно поссориться, но нельзя своё недовольство партнером двигать через детей – это высшая степень эгоизма. Я не считал, сколько раз я встречал отца за свою жизнь, но это небольшое число. А месяц назад мой папа умер.

Были похороны, собралась вся родня, очень много людей, большинство из которых я не знал. И один крупный, активный мужчина подошёл ко мне и рассказал, что изучает наш род, откуда мы все вышли. Дал мне снимок, на нём самые первые имена нашей семьи – примерно сто лет назад, не так уж давно. Наша фамилия Михельсонс пришла из Швеции в XVIII веке. Кстати, у меня очень много родственников живёт в России. Они из Латвии, но больше ста лет назад, когда Латвия ещё была частью Российской Империи, латышским крестьянами даром давали участки земли в Псковской области, чтобы там поселиться и заниматься сельским хозяйством. Дедушка и бабушка моей мамы поехали, там у них родились дети, некоторые из них вернулись в Латвию, но большинство так и осталось там. Сейчас они разлетелись по всей большой стране – кто в Карелии, кто на

Урале.

Впервые я встретил брата своей бабушки в Челябинске три года назад, он пришёл со своими внучками на концерт. Странное, конечно, чувство – вроде бы твой родственник, но ты совсем не ощущаешь этого, ведь вы почти незнакомы, никакой связи по жизни нет. Вы не обязаны общаться, сближаться, делиться чем-то. Я вообще из тех, кто впечатления больше держит при себе. Я не очень люблю общаться с незнакомыми – мой круг общения довольно маленький. Это ощущение, наверное, осталось из детства – старший брат рано уехал из дома, мы остались с мамой вдвоем, и она долго не хотела меня отпускать, боялась… Но я, конечно, переехал, стал снимать квартиру. Я парень городской, но с возрастом и рождением детей понял, что мне хорошо на природе. Может быть, это память предков? Тех самых, из Псковской области.

Я знаю, что в России в стародавние времена всегда селились вдоль реки или улицы, большими и малыми сёлами. В Латвии не так – здесь дома находились сами по себе, на заметном расстоянии друг от друга. А мне хотелось иметь свой дом с историей, с корнями. Я нашёл такой в 150-ти километрах от Риги, полностью отремонтировал, кое-что переделал, покрасил в черный цвет с белой отделкой. А недавно перевёз ещё амбар с другого хутора. Ему около ста лет, пришлось его полностью разобрать, пронумеровать каждую деталь и потом собрать на новом месте, как конструктор. Некоторые доски прогнили, и дверь тоже – пришлось поменять. Крыши не было, всё перекошено – он долго стоял под углом. Но он всё равно мне очень нравится. Рядом находился ещё один дом в ужасном состоянии, я его недавно выкупил и тоже привожу в порядок. У меня теперь настоящее подворье, тыквы растут и много чего ещё. Мне очень нравится побыть одному в своей деревне, только я и природа. Это для меня важно. Я тогда хорошо себя чувствую – в тишине, гармонии и порядке.

Я помню это мамино платье! Коричневое с фиолетовым. Мы на фотовыставке в городе Цесис

Каспарс Рога:

Я вырос из абсолютного анархиста. Это началось в школе, из которой меня выгнали, как и Михельсона. Я вообще был не способен учиться в советской системе, с консервативным подходом, я очень быстро терял интерес. До третьего класса ещё тянул, был октябрёнком и барабанил в пионерском оркестре, а потом всё пошло под откос.

Каждый день после уроков я шёл в музыкальную школу, где учился до самого вечера. Я хотел быть гитаристом, но не было учителя, пришлось выбирать – саксофон или барабаны. Я, конечно, сразу сломал барабаны – так колотил, что лопнул пластик. Очень страшно было идти сознаваться, но как-то я выжил. Нагрузка была большая, и родители разрешили мне уйти из музыкальной школы при условии, что я всё равно буду учиться играть на каком-то инструменте. Так я шесть лет проучился на аккордеоне у частного учителя, очень смешно.

В средней школе меня не допустили к экзаменам. Я должен был написать дополнительную контрольную по алгебре, а это было самое трудное для меня, я вообще ничего не понимал. Но я написал. Учительница тогда посмотрела и сказала: «Каспарс, ты написал на три, но теперь ты должен пойти с родителями к завучу и умолять её, чтобы тебя допустили к экзаменам». Тут уже моя гордость взяла верх, я решил, что никому кланяться не буду.

Я пришёл домой и с порога заявил родителям: «Всё, меня выгнали из школы». Перед этим, правда, я зашёл в школьный туалет, думал, может, сейчас повеситься тут? Это теперь мы можем посмеяться, а в том возрасте всё серьёзно – ты одиннадцать лет учишься, чтобы получить бумажку, и вдруг всё обрывается.

Именно в этот момент что-то во мне сформировалось, я осознал, что могу делать выбор. Поступить, как мне велят, или остаться верным себе. Это очень важная вещь для каждого человека, очень трудная – быть ответственным за свою жизнь и поступки. Вся система вокруг работает на то, чтобы лишить тебя этого чутья, отобрать волю, осознанность. Я очень хорошо почувствовал это именно в тот день. Я думаю, что все остальные поступки в моей жизни продиктованы именно этим мотивом. Всегда есть выбор, и ты должен быть в сознании, должен иметь смелость принять своё собственное решение.

Дальше оставался лишь жест доброй мести. Мой друг Артурс Скрастыньш, который сейчас знаменитый латышский актёр, посоветовал сделать неожиданный ход и подарить школе картину моего отца. Папа тогда уже был известным художником в городе, его работы висели и в актовом зале школы (Улдис Рога награждён Орденом почёта Елгавы, – прим. авт.).

Я взял папину картину и явился на выпускной, где мне вместо аттестата должны были дать только справку о том, что я прослушал курс. И вот меня вызывают, а я им и говорю: «Аттестата у меня нет, а картина есть – и я дарю её вам». Весь зал аплодировал, ребята смеялись, все училки стояли красные – это был очень красивый ход.

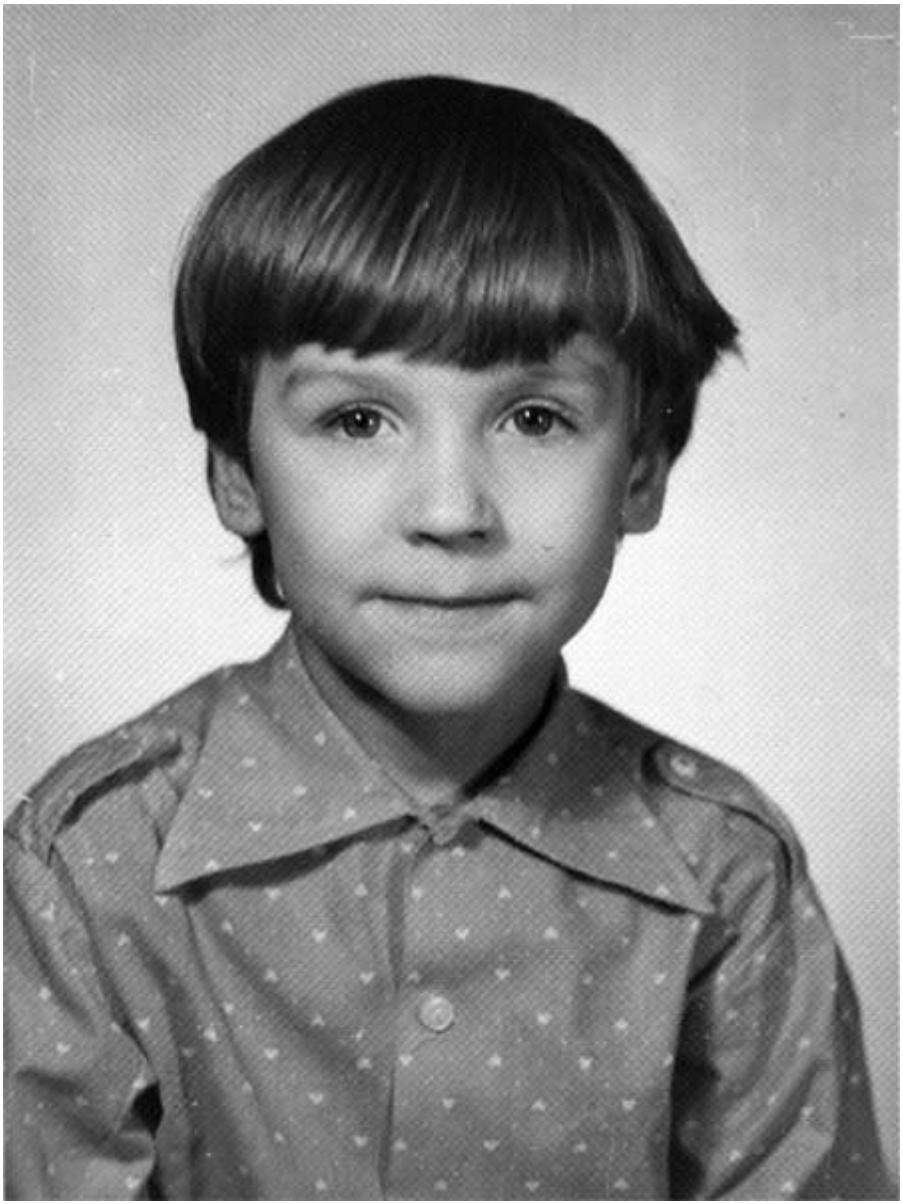
В детстве мне очень повезло, что у моих родителей была дача, буквально в трёх километрах от Елгавы. Я проводил там лето, это мои самые лучшие воспоминания, они дают силу. Рядом была речка, и мы с ребятами каждый день шли рыбачить. А потом ломали удочки, чтобы поиграть в индейцев – из самого тонкого сегмента удочки, если его хорошенько заточить, получалась идеальная стрела для индейского лука! Помню, однажды на даче был семейный праздник, а папин мопед «Рига 22», очень крутой, с двумя скоростями, стоял во дворе на подножке. Я был маленьким, но твердо решил его починить.

Только я залёг под мопед, как мама увидела это в окно и кричит: «Сын, а ну быстро вылезай оттуда, ты сейчас разобьёшься!» Я от этого испуга встрепенулся и – бабац, об выхлопную трубу отбил себе передний зуб. Тысячу раз мне предлагали его восстановить, но я говорю – нет, пусть это останется моей тренд-маркой. Кстати, позднее, когда папа купил себе «Запорожец», он мне отдал тот мопед, и я прилично на нём

гонял и падал. Возможно поэтому я спокоен теперь к мотоциклам, что, учитывая мой нрав, к лучшему.

Я хорошо помню себя маленьким. Мне было очень важно, чтобы в новогоднем конфетном наборе был мандарин, поскольку он встречался не всегда, и достать подарок без мандарина было катастрофой! Я вырос с двумя старшими сестрами, и они всегда гнали меня вон, когда к ним приходили парни. Если старшие меня и брали в игру, то я вечно был крайним или подопытным – например пациентом, которому делают операцию. Это всё, конечно, меня закалило в общении с людьми. Однажды бойфренд моей сестры принес к нам домой на сутки видеомагнитофон, что в ту пору было роскошью. Они гоняли все кассеты подряд без перерыва, и я попал на документальный фильм «Лица смерти» – было очень страшно, но я не мог оторваться. Странное такое, неприятное любопытство. Там были показаны казни людей, смерть животных на бойне, шокирующие и жуткие вещи. Мне было лет восемь, и мне кажется, что именно в тот момент во мне стало расти острое переживание за несправедливость в мире, которую мы сами причиняем друг другу и природе. Это чувство до сих пор никуда не ушло.

Зимний поход с отцом в районе дачи – наверное, первый класс



Я во втором классе, 1982 год

Я с той самой бабушкой, о которой ещё расскажу. Её имя Вилма. Мне 3 месяца

Семейное фото в Елгавском фотосалоне. Папа Улдис, мама Инта, сестра Индра слева и сестра Инга справа

Новый год в детском саду. Я в шапке гнома, оглядываюсь. А заяц позади меня – это Ренарс!

Я на даче. У меня уже сломан зуб от мопеда – это видно на фото

Ренарс Кауперс:

Каспарс – мой самый первый друг, мы знакомы лет с трёх. Я точно помню, как мне не нравились выходные, потому что я оставался совсем один. Я всегда очень ждал понедельника, чтобы пойти в садик и встретить там друзей. Моя мама работала в детском саду, и, конечно, я пользовался некоторыми привилегиями, например, мне разрешалось не спать в тихий час. Но я вам так скажу – одному гулять тоже мало счастья. Вышел, думаешь: «Ух, вот я сейчас тут!» А все друзья спят – ни в мяч поиграть, ни в казаки-разбойники – скучно одному.

У меня было прекрасное детство. Меня очень любили, баловали, поскольку я был единственным ребёнком в семье, был для всех особенным. Я рос в огромной любви, но параллельно всегда присутствовало большое одиночество. Я много времени проводил один в своей комнате – слушал сказки и музыку на виниловых пластинках, наслаждался общением с проигрывателем – сдуть пыль, аккуратно иголочку поставить. Я коллекционировал и очень любил маленькие металлические модельки машинок, у которых дверцы открывались – «Жигули», «Запорожец» и «рафики», которые собирали у нас на заводе в Елгаве. Ни кошек, ни собак, ни даже попугая у меня не было. Я рано научился читать, мне нравились книги. Мне кажется, я был похож на Малыша из «Карлсона» – ему не хватало друзей, он думал, что он особенный, не такой как все – но мы же знаем, что он был самым обыкновенным мальчиком. Вот и во мне жило это чувство – мне казалось, что я необычный, и что-то обязательно должно со мной случиться.

Мне было трудно сходиться с людьми, я был стеснительным, но в то же время стремился к новым знакомствам. Думаю, это до сих пор во мне так и осталось. Мне нравится встречаться с людьми, говорить, но иногда мне это даётся нелегко. Я всегда был осторожным ребёнком – не пугливым, но и не радикальным. Спокойным, послушным. Я рос в одиночестве, уюте и тепле – я был домашний котёнок.

Мои родители развелись, когда мне было шесть лет. Это был очень болезненный, тяжелый для меня период. Я отчётливо помню этот эпизод – мы были с мамой на картофельном поле, собирали картошку, и вдруг мама мне сказала: «Всё, теперь мы будем жить отдельно от папы». Я не сразу поверил и очень плакал тогда. С папой после этого мы общались редко, только на мой день рождения 1 сентября. В этот день всегда было радостно – все идут учиться, у всех праздничное настроение, много цветов, встреча с друзьями. После уроков 2–3 друга приходили ко мне домой – больших празднований у меня никогда не было. Торт мама покупала, а не пекла, это не её конек – зато она очень вкусно готовила горячее.

Помню момент, когда дедушка Карлис подарил мне на день рождения велосипед. Причем невероятным было всё – и сам ВЕЛОСИПЕД, и то, что мы с ним вместе поехали выбирать этот

велосипед, несмотря на то что я тогда приболел. У меня была температура, и обычно не могло быть и речи, чтобы выйти в таком состоянии из дома, а тут мне мама сказала: «Ладно, можешь поехать с дедушкой выбрать велосипед». Это было для меня чем-то совершенно невероятным.

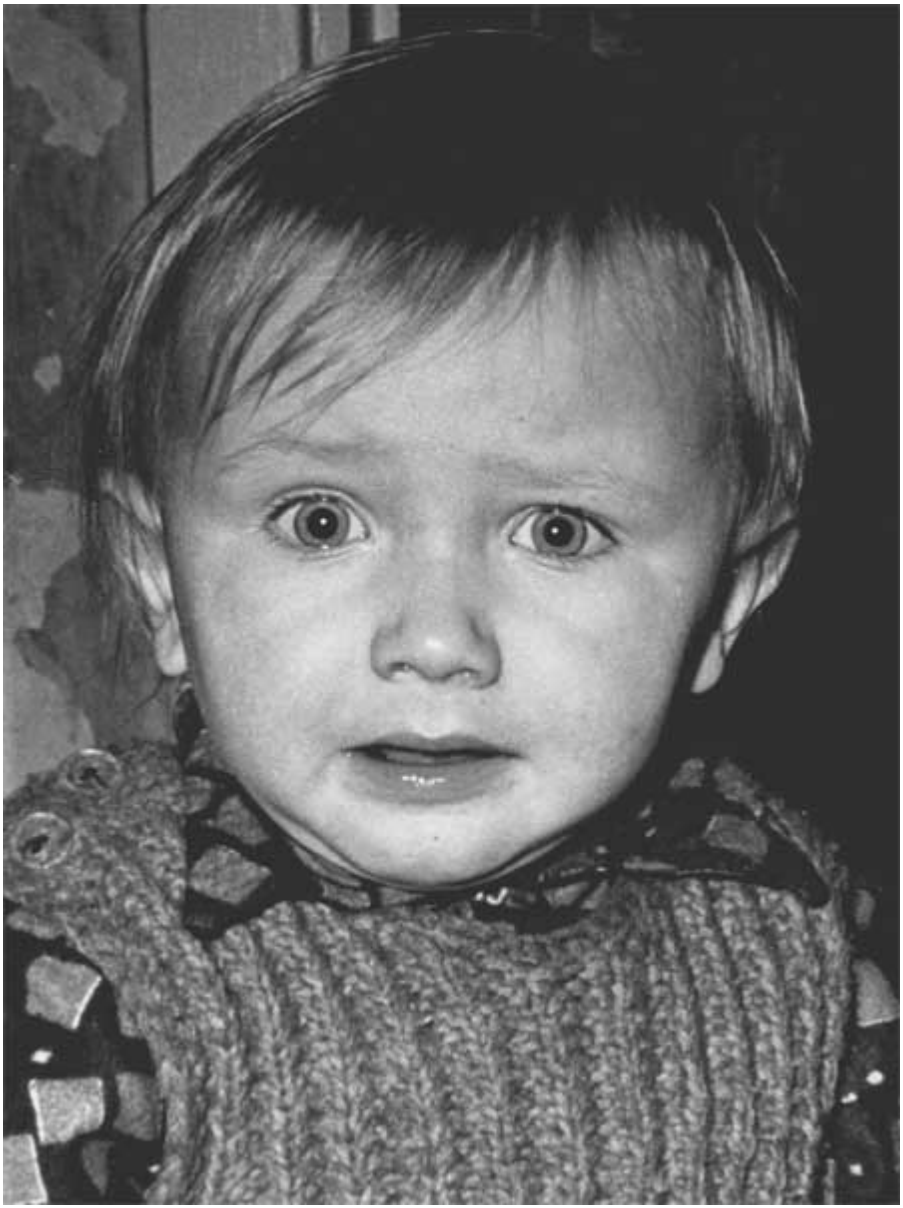
Папа обычно приходил и поздравлял меня сразу с двумя праздниками – днём рождения и началом учебного года. Я помню, как это было всегда неловко – ни я, ни папа не знали, что сказать, мучительный час. Но всё-таки мы удержали ниточку общения и сейчас у нас очень тёплые отношения, мы как истинные латгальцы всегда при встрече крепко обнимаемся и целуемся.

Раньше у родителей была большая обида друг на друга, а сейчас они с мамой могут даже ехать на одной машине и не закипать, это победа! Годы идут, раны заживают. У папы сейчас третья жена, но я так и остался единственным ребёнком и у мамы, и у папы. Помню, однажды папа приехал ко мне и моим сыновьям, его внукам. Мы хотели вместе что-то построить – папа всегда помогает, у него золотые руки. И вдруг зарядил дождь, настолько сильный, что мы засели дома. Я подумал: «Вот неудача, сейчас бы поработали на славу, а вместо этого дома торчим!» И тут же осёкся – вот мои любимые люди, папа и сыновья, мы все вместе играем в новус, разговариваем, смеёмся. Счастье здесь и сейчас, я прямо поймал тогда этот момент.

Это большая школа – научиться быть в настоящем. Я не очень анализирую прошлое, скорее мои мысли в будущем. Моих родителей объединяет целеустремлённость и трудолюбие, я перенял это, но стараюсь остановить в себе бесконечное «вставай, надо что-то делать!» Я учусь разрешать себе быть в покое. Иногда хорошо бы не замечать, что надо убрать комнату, сделать важные звонки, разложить вещи иногда важно просто насладиться моментом и не суетиться. Услышать себя.

Я жил в пузыре любви до того момента, как Каспарс меня вытащил на улицу. Это история про «мальчика в окне» – судьбоносная для меня, правда! Я жил очень отдалённую от жизни жизнь. Просто сидел у окна своей комнаты и смотрел, как по двору носятся ребята. Я очень хотел спуститься к ним, но меня останавливала застенчивость. Честно говоря, я даже не мог себе представить, что мог бы вот так с ними там бегать, это казалось настолько круто, как из другого мира. А потом вдруг Каспарс постучал в дверь, сказал: «Выходи!», и для меня изменилось всё, начался новый отсчёт.

Счастливый с мамой. Мне полгодика – вот ведь, уже сижу!



Маленький я. Испугался чего-то. Наверное, в гостях у бабушки… хорошее фото

Мне 6 лет, пора заканчивать садик – видно, как я из рубашечки вырос!

Янис «Мэджик» Юбалтс:

Я сейчас совсем не похож на себя маленького. В детском саду я был очень простым, как все. Обычный ребёнок, который родился в советское время – стрижка «полубокс», шорты с колготками, всегда зайчик или медвежонок на новогоднем утреннике. Из своего окна я любил смотреть на флюгер-петушка на красном шпиле лютеранского собора Святой Анны – это самое старое из сохранившихся в Елгаве зданий. По воскресеньям я просыпался от хорового пения солдат, которые маршировали из казармы в баню и обратно. В нашем районе «Жуковка» жили и латыши, и русские, мы вместе гоняли в футбол, бывали и драки, но я благодарен тому, что, пока я рос, я выучил русский язык, удивительно сложный, и он приоткрыл мне двери, о которых я даже не думал. Со временем молодое поколение латышей, которое изучает сейчас английский, тоже поймёт, что у нас есть соседи поближе и лучше уметь с ними общаться, потому что, как говорил индеец Джо, язык – это ключ к народу.

Я вырос во дворе, там была целая жизнь. Мы гоняли купаться на речку, играли в пекаря сломанными клюшками, в пинг-понг, в новус или «морской бильярд» – по легенде, эту игру придумали в прошлом веке латышские моряки. Чтобы сделать биту для игры в чику, мы постоянно брали с кухни поварёшки и плавили в них свинец, от матерей за это попадало, конечно. А как я обожал скейтборд! Помню, нас со школой отправили на практику на прядильный комбинат, и я там выпросил тридцать пустых пластиковых катушек от ниток конусообразной формы. Я их

покрасил и каждый день тренировался во дворе кататься слалом.

Однажды вышел мой папа, а ему было чуть больше, чем мне сейчас, около пятидесяти, и говорит: «Янка, дай-ка скейт, я тоже хочу научиться». Отец надел кеды и за неделю научился кататься. Прошло много лет, моей дочке было лет 14, и мы с ней как-то раз заехали в гости к друзьям, а там я увидел новые классные скейтборды. Я вдруг взял одну доску, подкинул, прыгнул на неё и покатил. Дочка просто остолбенела: «Пап, как это возможно, это же наш спорт, НАШЕГО поколения!» А я говорю: «Нет, понимаешь, всё идёт по спирали». Это она ещё дедушку на скейтборде не видела.

Моя семья – это самые важные для меня люди. Когда я родился, у моих родителей уже было два сына – десяти и шести лет, – поэтому, я думаю, меня не очень планировали. Мы говорили об этом с мамой: они хотели дочку, а получился я. Мне нравится русская поговорка о том, что три сына – это сын. Можно, конечно, ещё со сказочным Иванушкой-дурачком, младшим из трёх братьев, сравнить. Я теперь сам это вижу на своих детях: первый ребёнок родился – ты ему всё самое лучшее даёшь, показываешь, учишь, как надо. Второму уже меньше, а третий вообще сам вырастает. Бывает, идёшь по улице, видишь деревья на старых домах и удивляешься – как эта берёза могла вырасти в водосточной трубе или на балконе пятого этажа? Да так же, как те дети, которые появляются и развиваются как бы сами по себе. Хотя, безусловно, я всегда чувствовал любовь большой семьи.

Дедушка со стороны папы делал крыши из дерева, был кровельщиком высшего разряда. В то время зарплату в колхозе выдавали в бутылках, и он много пил. А второй дедушка не пил, не курил, но была у него одна страсть – он выращивал и сушил табак, причём сам его не нюхал. Я хорошо помню, как у нас на летней веранде всегда висел душистый табак, и деду очень нравился этот аромат. Именно этот дедушка – Янис, как и я – привил мне любовь к труду. Он учил меня всему, что можно делать руками – косить траву, доить корову, кроличью кожу выделывать. Он клеил большие альбомы с вырезками из газет о том, что происходит в мире, интересовался современностью. У нас было много кроликов, и я помню, что в то время ничего нельзя было купить, но у нас у всех в семье были пыжики – так мы называли ушанки. Я когда русских спрашиваю: «У вас есть пыжики?» они удивляются: «Что это такое вообще? А, ушанки! Конечно, есть».

Всё, чему научили меня дедушки и родители, остаётся со мной до сих пор, я живу этими уроками. Эти люди дали мне огромное благословение к жизни, любовь к труду. В школе, когда

мы с ребятами только создавали группу, я подрабатывал сторожем и плотником – я верил, что можно всего добиться через свой труд. Я родился не в богатой аристократической семье, у меня другой стержень, другие понятия – честные, рабочие.

Мой папа многое умеет делать своими руками, но особенно он любит электронику, например разбирать и собирать магнитофоны. Мы поэтому с братьями даже дали ему прозвище – Хитачи. Папа Хитачи нередко выражался поговорками, житейскими мудростями. Например, как-то мы задумали рыть колодец на даче, и папа сказал: «Хорошо придуманное дело – уже сделано наполовину!» В тот раз мы прорыли лопатами 17 метров в глубину, пока не уткнулись во что-то твёрдое и не признали, что затея провалилась. Правда, на такой случай у папы была другая поговорка для нас с братьями: «Как бы плохо в жизни ни было, лопатой копать вы всегда сумеете!»

Отцы и деды понимали жизнь по-своёму, потому что они прошли долгий суровый путь между двумя войнами, вернулись с ранениями. Бывало и так, что русские заходили в Латвию и брали себе солдат из одной семьи, а следом приходили немцы и брали из той же семьи парней уже для своих отрядов. Так родные братья воевали с разных сторон друг против друга. Это страшная история, и в моей семье это было. Поэтому, говоря о политике, я никогда не занимаю ни одну из сторон. Уверен лишь, что Родина – это не только место, где ты родился, это нечто большее, с чем ты навсегда и крепко связан. Одно из самых светлых воспоминаний детства – как мы встречались с нашими родственниками в Литве. Лето, все сидят под яблонями, накрыты столы с белыми скатертями, звучат пластинки с музыкой. Мы, дети, с трепетом ждём новых гостей с полными корзинками конфет. Это волшебное чувство семейственности. Для меня до сих пор то чувство, с которым я возвращаюсь домой, неописуемо. Это корни, которые трудно вырвать, и они помогают крепко стоять на ногах.

1975 год, апрель, мы поехали в первый раз в жизни на папином белом «Москвиче» за грибами

Еду от маминой работы в Карелию на автобусе «Икарус»!

Старшая группа в 12-м детском саду, через год пойду в школу!

Моё самое первое лето у бабушки с дедушкой!

Историческое фото. Свадьба кузины моего дедушки. Слева от жениха мой прапрадед Янис. 1931 год

Старший брат Алдис уходит в армию, мы зашли в фотосалон. Средний брат Дзинтарс, папа Модис, я и мама Майя. 1982 год

Раймонд Паулс:

Я родился в 1936 году, был мальчишкой, когда в Латвии началась война. Ночью бомбили, а мы бежали прятаться в бомбоубежища. Форма на улицах менялась в течения дня – утром идёт Красная армия, а вечером уже немцы. Недалеко от нашего дома гнали колонну евреев с желтыми звёздами на одежде. Напуганные, несчастные люди. Помню, когда вели пленных советских солдат, родители пихали нам в руки хлеб, чтобы мы украдкой им передавали. После войны на площади вешали фашистских генералов, а толпа бросилась стаскивать с них лаковые сапоги, это было жуткое зрелище.

Мы были мальчишками, нас интересовали патроны, гранаты, и ужас в том, что всё это было легко найти. Многие мои товарищи потеряли руки, глаза. Меня однажды тоже сильно хватило по пальцу, ещё бы пару миллиметров – и оторвало бы, тогда вся жизнь сложилась бы иначе. Шрам до сих пор остался, а тогда я крепко получил по шее от отца.

Мои родители были простыми рабочими, возможно поэтому их не трогали, когда людей высылали в Сибирь в 1949-м. В школе учительница нам говорила: «Дети, постарайтесь сегодня подольше задержаться и не идти домой». Некоторые мои одноклассники, когда возвращались, уже не встречали своих родителей. Это было страшное, тёмное время.

После войны всё стало постепенно оживать. Я стал студентом

консерватории и увлёкся джазом. Мы слушали втихаря американскую чёрную музыку, до сих пор мои кумиры – Оскар Питерсон и Дюк Эллингтон. Фильм «Серенада солнечной долины», где играл джаз-бэнд Гленна Миллера, оказал на меня огромное влияние.

Мы были в восторге от Фрэнка Синатры и Эллы Фицджеральд. Мы росли на той музыке, она звучит и сейчас, хотя про неё говорят не так много, как о Prāta Vētra.

В Лондоне появились четыре пацана, The Beatles, и в моду вместо саксофонов вошли гитары, а вместо джаза – рок. Это разлетелось по всему миру, и в Латвии тоже появились свои последователи. Началась новая эра в музыке, в новом поколении родились эти ребята – Prāta Vētra. Поначалу их никто не замечал, а мне запомнился один концерт в деревне под проливным дождем, где эти мальчишки скакали по лужам как безумные с песней «Lidmašīnas». Они использовали в ней фразу из песни «Листья жёлтые» – моего первого шлягера, с которым я вышел на российскую эстраду. Хорошо обыграли, молодцы. Прошло много лет, и недавно они позвали меня вместе исполнить «Lidmašīnas», когда собрали уже 60 тысяч человек и не прыгали по лужам. Мы выступили вместе, и приятно, что их публика принимала меня великолепно, хотя я по возрасту для них уже дед.

Молодёжь в восторге от Prāta Vētra, они очень популярны, и это заслуженно. Они добились своего, доказали, что они не однодневная группа, каких много. Prāta Vētra уже много лет держится, несмотря на то что мода быстро меняется. В конце года Prāta Vētra всегда побеждают на музыкальных опросах, а каждый их концерт – значимое событие. Я говорю про Латвию, у нас тут рынок небольшой, как я называю – толкучка, но всё же. Prāta Vētra делают фильмы, пишут музыку для пьес, они знают, когда вовремя подбросить дров в огонь. Я наблюдаю, но не вмешиваюсь – знаю, что дела у них идут нормально, голова у них варит, они хорошие бизнесмены и умеют себя продать, это немаловажно. Но главное, что у них есть своя манера, свой стиль, и ребята они очень приятные, не из жлобов. Однажды пришли меня поздравлять с днём рождения, совсем ещё юные – позвонили в дверь, подарили картину, просто от души.

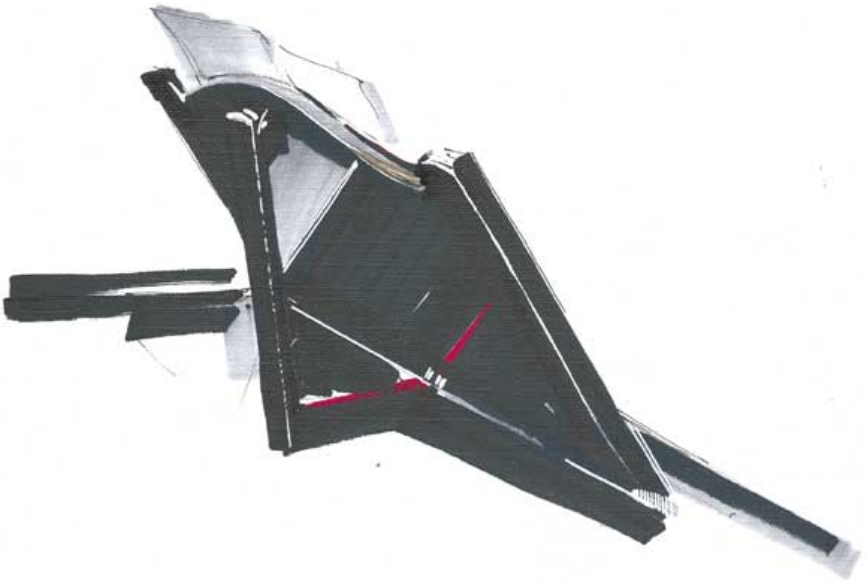
В развитии Prāta Vētra есть один интересный момент. Поначалу все молодые исполнители хотят петь на английском, это модно, даже название у них появилось – BrainStorm, хотя я всегда называю их именно Prāta Vētra. А что оказалось? Оказалось, что пробиться на англоязычный рынок не получается, Америка очень далеко, я даже не слышал, чтобы там кто-то из наших добивался успеха. Если ехать с концертами – то это только для эмигрантов. Вот и Prāta Vētra, я считаю, сделали правильный ход, что пришли в Россию. Я всегда говорил – не надо ссориться, надо грамотно использовать наше соседство. Латвия очень маленькая, а в России тебя может услышать в десятки раз больше людей.

Мне нравится, что Prāta Vētra не ушли в электронику, как это обожают в Москве. Стандарт аранжировки, который считается современным, делает всех одинаковыми и скучными. Я такому

однообразию удивляюсь, а Prāta Vētra умеют звучать по-своёму, они чувствуют, как нужно это сделать. У них своя лирика, свой юмор, своё лицо. Эти мальчишки умеют себя держать на сцене, вести программу – это не так-то просто. Кауперс, конечно, настоящий любимец публики, в нём есть то, что называется харизма. Подчас это даже важнее голоса – он выходит на сцену и мгновенно возникает контакт со зрителем.

Время покажет, как долго будут жить их песни. У всех артистов есть хиты, которые всегда будут требовать зрители на концертах, сколько бы ты потом ни написал нового. Сложно создать что-то лучше, повторить большой успех. Я знаю это по себе – я на сцене уже 60 лет, а все по-прежнему хотят «Миллион алых роз». Но знаете, что я думаю? Счастье – это то, что я могу выйти на сцену, но самое главное, что я могу ещё и уйти с неё. Не люблю слово наркотик, но это он и есть. Если ты уже раз вышел на сцену – это уже на всю жизнь. Дай Бог, чтобы у Prāta Vētra эта жизнь была очень долгой.

Наш большой концерт в Межапарке. Поём вместе с Раймондом Паулсом «Lidmašīnas», на которую Маэстро нас и вдохновил. Круг замкнулся! Epic moment!



Дружба

Скользкие улицы, иномарки целуются,
Помятые крылья несчастной любви.
Минуты отмечены случайными встречами,
Но никто не ответит, что ждет впереди.

«Скользкие улицы», Би-2/ BrainStorm

К приморскому городку Вентспилс мчится автомобиль ГАЗ-М20 мышиного цвета, известный в СССР как «Победа», а в узком кругу ласково наречённый Alnis – Лось. Скачет серый Лось короткими и героическими перебежками, а в остальное время утопает в белом пару, кашляет едким дымом, перегревается и спотыкается. Внутри на кожаных диванах и восточных коврах хихикают шестеро школьников – музыканты и менеджер группы Prāta Vētra. Под задним стеклом куплетами Кино, Depeche Mode и Green Day вибрирует магнитола «Рига-310-стерео», прикрученная проводками от детского конструктора. За рулём гитарист Янис, в его кармане права старшего брата, своих пока нет – милиция, к счастью, так и не поймает. Каждые двадцать минут Янис останавливается и ныряет под машину, чтобы разобраться в очередной поломке, пока остальные парни прикручивают Лосю рога из сломанных в лесу веток. Эту машину BrainStorm только что купили по объявлению в газете, вскладчину с первых гонораров за концерты. Они держат путь на рок-фестиваль, где с ними расплатятся копчёными куриными ножками и куда вместо двух часов они доберутся за семь. А вокалист Ренарс и барабанщик Каспарс ещё умудрятся прокатиться на крыше «Победы», чтобы поддержать светскую беседу с барышнями из автобуса.

На обратном пути у победного Лося расплавятся те самые провода, питавшие магнитолу, и салон вместо музыки быстро наполнится гарью. Ребята выбьют ногами заклинившую дверь, выволокут спящего басиста Муминьша и нырнут в канаву на обочине. Затаив дыхание, они с ужасом представляют, как сейчас взрывом разнесёт машину и сгорят все их инструменты в

багажнике. Обошлось. Но стоит Prāta Vētra заехать в небольшой городок Кулдига, как у машины напрочь отказывают тормоза, и она катится под горку ровнёхонько к центральной площади. По счастью, народу там совсем немного, и ребята кружат вокруг универмага до полной остановки своего драндулета. Уже на подступах к Елгаве у «Победы» лопнет шина. Клавишник Марис, который опаздывал на вступительный экзамен, не выдержит и прыгнет в рейсовый автобус, а друзьям помогут с колесом добрые трактористы. Прихрамывая на одну ногу (колесо оказалось большего размера), Серый Лось триумфально вернется домой.

Пройдёт много лет, каждый из членов BrainStorm сменит не одну иномарку и преодолеет с полмиллиона километров, но то путешествие юных музыкантов на своей первой машине хранится в гараже памяти у каждого. Ведь тогда для них открылась ещё одна трасса, путь по которой куда важнее, чем транспорт и пункт назначения. Это магистраль дружбы.

Янис «Мэджик» Юбалтс:

Если сравнивать BrainStorm с машиной, то поначалу мы все менялись ролями и по очереди были водителем, штурманом, пассажиром и даже мягким креслом. Сейчас Каспарс – наш навигатор и мотор, Ренарс за рулём, а мы с Марисом универсальные солдаты. У каждого своя роль, но цель одна – сделать так, чтобы наша машина ехала дальше.

Мы все родились в одном роддоме, учились в одной школе, и я вижу, как из мальчиков мои друзья превращаются в отцов, оставаясь при этом теми же ребятами. Ренарс в школе был очень правильный, застенчивый – классический такой отличник, ходячая пятерка. Если надеть ему галстук – всё, он готов к труду и обороне. Марис тоже был стеснительный и тихий, но всегда со своим взглядом на вещи. Забавно, что в своём классе он был одним из двух парней – остальные человек двадцать пять девчонки, так что его положение обязывало держаться! Каспарс был озорной, шут и паяц, умел так рассказать анекдот, что все хохотали. Это был его способ выжить в среде, ведь юношество никого не щадит – там много пыла, агрессии, эмоций, и поэтому каждый должен приспособиться.

Я старался по-своёму – всегда был за командное дело, не овца в стаде, конечно, но я ещё во дворе с этим сросся и так жил – если кого-то трогают, все заступаются. Ренарс и Каспарс слушали Depeche Mode, были в том стиле, а мы с Муминьшем любили Nirvana и носили кожаные сапоги. Ещё в то время была группа Midnight Oil, я их просто обожал и был уверен, что, когда заработаю денег, поеду на их концерт в Австралию. Я заработал –

а они распались.

В детстве с друзьями тебя сводит среда, обстоятельства – ты ведь не выбираешь, с кем рядом жить, с кем учиться. Если потом, повзрослев, ты снова выбираешь тех же людей, потому что у вас общие интересы и взгляды, то это идеально, тогда вы становитесь по-настоящему близки. Это наш случай с BrainStorm.

Я считаю, что в дружбе очень важно не ставить барьеров, условий. Нельзя дружить ради чего-то, нельзя врать. Всё это с годами разрушит дружбу, она просто порвётся по швам. В дружбе важны поступки, а не только слова. Самое дорогое, что у нас есть – это время, нам всегда его жалко, всегда не хватает. Настоящей дружбе надо уделять много времени, надо быть готовым в любое время года и суток сорваться на помощь другу, если ему тяжело, отдать ему свои силы и внимание, сколько потребуется – иначе какой ты друг.

Я бы сказал, пусть даже это звучит помпезно, но настоящая дружба требует жертв. Я надеюсь, что я такой друг своим друзьям, а они такие для меня.

Впрочем, есть один случай, когда мне показалось, что я предал BrainStorm. Это случилось больше десяти лет назад, в декабре. Нам надо было лететь всей группой в Польшу на съёмки телешоу, исполнить пару своих песен. И накануне я загулял. Утром рейс, а я сплю как убитый. Ребята мне все обзвонились, но никак не могли разбудить. В конце концов, когда я проснулся, оказалось, что вся группа уже улетела в Варшаву. Я был в ужасе! Мы ведь команда, есть правила, есть обязательства, уважение друг к другу – а я всех подвёл!

Весь день я искал какие-то рейсы, способы добраться до них, но цепочка не складывалась. Тогда я решил, что подожду два дня и встречу их как следует.

Разумеется, я позвонил им, искренне извинился, разузнал, каким рейсом они вернутся в Ригу, и сел ждать. Я взял пятиметровый рулон обоев и написал на нём большими буквами: «ДРУЗЬЯ, ПРОСТИТЕ МЕНЯ!» Договорился со знакомыми барменшами, они нарядились в платьица, у меня тоже был костюм, мы все нацепили заячьи ушки и приготовились плясать с этим плакатом. Для пущего эффекта я купил целую коробку фейерверков. Подъезжаю к рижскому аэропорту и спрашиваю охранника: «А можно, я тут на стоянке, машин-то мало, поставлю в уголочек салют?» Он мне: «Давай, не проблема!» Сейчас такое, конечно, уже невозможно представить.

И вот ребята прилетели, я поджёг фейерверк, он начал бомбить как бешеный, весь аэропорт в густом дыму, грохот, вспышки – тут выходит группа BrainStorm и видит меня

прыгающим в трико с заячьими ушками и плакатом. Я был реабилитирован. Но тут со всех сторон уже мчатся полицейские машины с мигалками, в аэропорту объявляют чрезвычайную ситуацию, и я думаю: «Ой, что я натворил…».

С самолётами и дружбой есть ещё одна история. Мы с BrainStorm летели в Грецию и попали в снежную бурю. Поначалу была просто сильная турбулентность, а потом вдруг раз – и самолёт пошёл вниз, мы падали. Стюардессы разбежались, их тележки с грохотом укатились, из них всё попадало, и в салоне образовалась, извините, гробовая тишина. Всё затихло, никто не орал… Я сидел в одном ряду с Рогой, между нами была какая-то немецкая фрау, которая вцепилась Каспарсу в руку до крови, чуть не сломала. Мы с ним переглянулись, и я подумал тогда: «Боже, неужели сейчас вот так всё и кончится – наша жизнь, наши концерты, всё». В ту же секунду самолёт стал выравниваться, и все будто ожили – начались крики, молитвы, всхлипывания, как будто кто-то отжал кнопку «пауза». В жизни ведь то же самое – когда ты падаешь вниз, всё трудно, неоткуда взять помощь, ты опускаешь руки, замолкаешь. Но как только появляется надежда, ты становишься храбрее, живее, ситуация меняется. Я после этого ещё лет десять очень боялся летать, и всякий раз, как попадал даже в небольшую турбулентность, у меня сразу ноги забивались стрессом, было плохо. Каспарс тоже боялся, и он всегда перед вылетом смотрел видео про разные авиакатастрофы, мы это обсуждали, и я думал – блин, что у нас в головах творится? Но сейчас я понимаю, что таким чёрным юмором мы друг друга подбадривали, чтобы помочь, почувствовать силу. Если бы кто-то просто бухтел: «Ребят, всё будет нормально, не бойтесь!» – это бы не подействовало. А мы были искренними друг с другом и смогли справиться. В тот день мы приземлились в Греции и сели в автобус, который нас встречал. Мы все были как под гипнозом, всё вокруг казалось нереальным, и вдруг водитель обернулся и так буднично спросил: «Парни, а вы курите? Так курите, что ж вы!» Это было парадоксально – мы чуть не погибли только что, прощались с жизнью, а теперь вот можно простым движением достать сигарету и закурить… Я тогда отчетливо осознал, что нечто очень важное мы сейчас пережили с моими друзьями, и это сплотило нас ещё сильней.

Мы с Ренарсом первый раз гуляем по Москве. Отстояли огромную очередь, чтобы увидеть Ленина. Дружба крепкая, радость истинная, момент прекрасный!

Новогодний концерт в нашей школе. Мы с Ренарсом юные, стройные и ещё с волосами, суперчуваки!

Дания, наша первая поездка за границу. Гостим у девушки из нашей школы, которая по обмену учится здесь и живёт в семье пастора. Даже концерт сыграли в датской школе!

Наш выпускной 12-го класса. Хоть Каспарс и не закончил школу, отмечаем вместе

Волшебная фотография, одна из самых радостных у нас. Сделана Антоном Корбайном перед нашим концертом в Лондоне. Тут видно нашу группу из песочницы! Мы – песочная банда

Марис Михельсонс:

Песня Би-2 «Мой рок-н-ролл» – это прямо про нашего Мэджика! В 1998 году мы целых три сезона играли спектакль «Швейк» в рижском театре Дайлес – было около 130 спектаклей! Мы исполняли на сцене песни, а также были железнодорожниками, тюремщиками, психопатами и даже девушками лёгкого поведения. Каждый раз мы приезжали в театр часа за два, чтобы порепетировать, настроиться, войти в образ… и вот все на месте, а Мэджика нет. Звоним – недоступен. Саундчек прошел, зрителей запускают в большой зал, аншлаг, а Мэджика всё нет – очевидно, его накануне опять засосала опасная трясина рок-н-ролла. Тогда мы с Муминьшем судорожно делим гитарные партии Мэджика, наспех переделываем аранжировку, учим и бежим играть. Волновались дико, нам самим казалось, что это полная ж*па, но выбора не было, show must go on! В антракте примчался запыхавшийся Мэджик, на него жалко было смотреть!

Он взволнован, ему дико стыдно – а все ржут. Каждый понимал, что это могло случиться с любым из нас, мы просто были рады, что наш товарищ нашёлся и он в порядке!

Вообще, мы хоть и можем жёстко подшутить, но очень друг друга любим. В день 40-летия Мэджика мы проводили финал любительского чемпионата по футболу «Mītava Open», который BrainStorm организует уже много лет. Родная Елгава, церемония награждения, играет духовой оркестр, пляшут красивые девчонки из группы поддержки, а Мэджик ни в какую не хочет отмечать свой юбилей, потому что это плохая примета. Тогда мы с парнями решили, что всё равно устроим ему праздник. Церемония завершилась, все попрощались и будто бы поехали по домам. Мэджик приезжает к себе – а его на поляне у дома, как настоящего барина, встречает духовой оркестр! Он был в полном шоке, восторге и очень рад!

Ещё мы арендовали баню на плоту, и она подплыла по реке прямо к дому Мэджика. Мы все там сидели почти до утра – в парилке был люк прямо в воду – и так нам было весело и хорошо друг с другом! Здорово, когда из ничего рождается момент, который потом надолго остается в памяти дорогих тебе людей.

Весь BrainStorm родился летом: Рога 19 июля, я 3 августа, Муминьш 18 августа, Мэджик 24 августа, и последний Ренарс 1 сентября. Часто в эти дни у нас концерты, и я до сих пор краснею, когда в какой-то момент Ренарс со сцены говорит: «Сегодня у нашего доброго друга Мариса большой день, давайте поздравим его!» И тогда вся группа вместе с публикой поёт традиционную латышскую песню, наш аналог «Happy Birthday To You».

Мне всегда в этот момент очень приятно – будто на твой день рождения пришли не только лучшие друзья, но и ещё несколько тысяч человек. Я очень смущаюсь, но с годами учусь любоваться моментом.

Вообще, я про Мэджика рассказал, а сам тоже хорош! В дикие девяностые в Латвии был очень популярен стритбол – любительские матчи на улице. Однажды такой фестиваль стритбола проходил в центре Риги, в Верманском парке, и нас позвали там сыграть. Мы в ту пору жили ещё в Елгаве, парни поехали пораньше, а я решил доделать свои дела и отправиться на электричке. Приезжаю в Ригу за час до выступления: прекрасный жаркий летний день, я шагаю пешком от вокзала к парку, там всего минут 15 ходьбы.

Подхожу ближе и думаю – надо же, какая приятная знакомая музыка звучит, кто бы это мог быть? Захожу в парк и понимаю – блин, да это же BrainStorm!

Я рванул вперед, но вокруг толпа людей, у меня в руках

тяжелый аккордеон, я еле протиснулся! Наконец вижу перед собой красивенькую деревянную сцену, эстраду, как в старых парках. Я закидываю на неё чемодан с аккордеоном, вскарабкиваюсь сам и как ни в чём ни бывало присоединяюсь к ребятам. Пару песен ещё успел сыграть!

Я бы хотел сказать, что настоящих друзей в жизни у меня четверо. Но как на самом деле – я не знаю, если честно. Друга от доброго знакомого отличает то, что вы готовы помочь друг другу в любой ситуации, несмотря ни на что – не могу, не сейчас, потом, неудобно, неинтересно – всё равно, если чувствуешь, что ты нужен, то приходишь и делаешь.

Ещё я думаю – мужчинам нечего делить. Да, мы можем сравнить дома, машины, часы друг друга, но не делаем из этого выводов, кто дурак, а кто молодец. Плюс есть некое внутреннее ощущение – ты встречаешь своего друга и можешь просто с ним помолчать, посидеть в общей тишине и хорошо при этом себя чувствовать. Бывает также необъяснимое желание просто увидеть этого человека, побыть рядом. Это не любовь, это всё дружба! И главное в ней – не предать. Но, если свою вторую половинку тоже можно назвать другом, то вот там было у меня и предательство со стороны девушки. Меня тогда очень сильно это ударило. Я бы хотел думать, что тот опыт я оставил в прошлом и не переношу на новые отношения. Если тебя предали один раз, это не обязательно повторится. Время лечит, это правда, и надо переживать трудности просто продолжая жить. С верой в друзей.

Радостное фото, полное солнца и любви. Мы делали его для Китая, нужны были новые снимки группы. Мы просто вышли из офиса, гуляли по парку и фотографировались

Это мы в том самом спектакле «Швейк»! Играем женщин легкого поведения и поём озорную песню про солдата, которого мы любим

Это мы с Ренарсом зашли в гости к Роге после школы

У меня рубашка «Adidas», а это значит, что только что вышел наш первый альбом! Позади нас школьный экран для диафильмов. 1992 год

Это ранний BrainStorm. Одноклассник Ренарса работал в местной газете и смог нас поснимать. Наши первые представления о настоящей рок-фотосессии!

Каспарс Рога:

Теоретически я могу представить себе жизнь без друзей. Я очень самодостаточный. Мы приходим в этот мир одни и уходим одни. Даже если вы падаете с кем-то в самолёте, смерть у вас будет всё равно индивидуальная. Любая привязанность – это наш выбор, наш эгоизм. Иногда это помогает жить, мы радуемся, что есть друзья, но сама идея, что они вам чем-то обязаны, рождает все проблемы. Это хорошо заметно на экскурсиях с друзьями – вам легко и весело ровно до того момента, пока один не захочет пойти в Эрмитаж, другой – гулять на набережную, а третий – обедать в кафе: и никто не обязан отказываться от своих интересов ради тебя. Другое дело, если случается настоящая беда – тогда вы обратитесь именно к друзьям, на которых можно положиться. Но никто не обязан жить твою жизнь, ты должен жить её сам. Это касается и детей, и любимой женщины, хотя я тут рискую быть неправильно понятым, скажут: «Ты псих!» Получается, что и предательства как такового нет, оно невозможно. Впрочем, мы все очень смелые на словах.

В мае 2019 состоялась премьера моего первого фильма – «В поисках мистера Каулиньша» («Meklējot Mr. Kaulinu»). Как режиссёр я хотел навести зрителя на размышления о настоящей дружбе. Каулиньша хорошо знают все ребята из BrainStorm, а я могу назвать его одним из своих лучших друзей, он многому научил меня. Мы сошлись, когда он был успешным банкиром с безлимитными средствами, а я – рок-н-ролльным фриком с длинными немытыми волосами и в шапке с помпоном. Закрутились в коктейль шик, эстетика, анархия девушки и богема – а в один момент Каулиньш обанкротился и исчез.

Сгорели все деньги BrainStorm, которые лежали в его банке, нам нечем было расплатиться с продюсером альбома «Four Shores». Из ямы нас тогда вытащила Айя Аушкапа, заняв у отца несколько десятков тысяч долларов. Это не помешало мне потом снова поверить Каулиньшу и разделить с ним бизнес. Я понял, что главный вопрос у многих людей – как можно доверять другу, если он тебя предал. А понимаете – это неважно. В какой-то момент всё материальное, бытовое становится вторичным – есть ценности, которые намного выше. Если говорить в терминах любви, то настоящую дружбу можно назвать безусловной любовью. Ты просто принимаешь человека таким, какой он есть.

Многие считают, что Каулиньш – настоящий мерзавец, но я вижу, что он хороший. После банкротства он не ездил на Bentley, он сидел на лавочке в одном носке. Единственное, в чём его можно упрекнуть – ему не хватило храбрости признаться в своём провале всему BrainStorm.

Мне кажется, он всю жизнь хотел быть музыкантом и романтическим поэтом, а я – бизнесменом и банкиром. Когда в твоём друге есть то, чего недостаёт тебе самому, вы вместе становитесь совершенством. Так и в BrainStorm мы все дополняем друг друга. Например, у Муминьша была в природе тихая гармония. А я, наоборот, очень быстрый, вспыльчивый, темпераментный. Я могу быть резким и ультимативным, даже если неправ.

Со временем я учусь дистанцироваться, чтобы мои ежовые иглы не выскакивали так часто. В Ренарсе меня восхищает целеустремлённость и способность учиться – он был первым из нас, кто выучил английский, занимался пением, он всю жизнь прилежно и успешно учится. А я нет.

Я плыву по течению, беру всего понемногу от жизни, не умею заниматься с педагогом. Если бы мы были Spice Girls, то Мэджик был бы «спортивной перчинкой».

Он очень хозяйственный, ему хорошо даются все виды спорта – сёрфинг, лыжи, плавание, прыжки с парашютов, с вертолётов – это всё его. Меня это радует, но самому мне вполне хватает базовой гимнастики, просто чтобы оставаться в форме. А Марис меня удивляет своей способностью скрупулёзно трудиться, создавать дизайн, основательно подойти к делу. Он даже покупает журналы интерьеров, это поразительно!

Я думаю, что ребята про меня знают всё – как и я про них. Раньше мы вчетвером очень много и глубоко обсуждали личные темы, но сегодня между нами царствует дипломатия. Каждый прекрасно понимает, как именно нужно разговаривать с другим, куда залезать – а где промолчать. Но споры творческого плана у нас до сих пор разгораются, и пока они есть, с нами будет всё в порядке.

Помню, когда мы только собрали группу, у нас был внутренний уговор не жениться, карьера на первом месте. Полугода не прошло, как приходит Ренарс и заявляет: «Всё, парни, такое дело – у меня будут близнецы, я женюсь». И тут мы все как коты, облитые холодной водой: «ПРЕДАТЕЛЬ!» Это был шок. Хорошо, что у нас хватило ума посмеяться над этим и пойти дальше. Ренарс умудрился круто всё совмещать – и молодую семью, и юношеские клятвы, – теперь у него замечательные сыновья, это была судьба. Человек предполагает, а бог располагает.

Много лет перед концертом у нас есть один ритуал: мы особым образом соприкасаемся кулаками, обнимаемся и потом складываем ладони в центр круга. Я думаю, что это наше обещание друг другу – неважно, что произошло перед этим, на

сцену мы выходим как одно целое, это очень важно. Иначе сыграть концерт не получится, надо оставлять проблемы за сценой, как повседневную одежду на вешалке в гримерке. Это помогает каждому из нас собраться, если всё надоело или просто плохо в данный момент. Даже если у нас тридцатый концерт за месяц, мы не можем его сыграть с холодным носом, нет у нас такого права перед людьми. Зрители чувствуют моментально, есть стопроцентная отдача или нет.

Конечно, Ренарсу тут бывает тяжелее всех, ведь он на передовой. Я помню время, когда он был деспотом. Ему хотелось, чтобы группа была идеальной, а поскольку мы были непрофессиональными музыкантами, у нас часто не получалось, он сразу выдавал огневую реакцию. Как солист он пережил огромное испытание властью. Я думаю, что из всего BrainStorm именно Ренарс – тот человек, кто больше других себя перелопатил. Мы там, где мы есть, благодаря ему. В течение всей жизни Ренарс странным образом дисциплинирует меня одним своим присутствием рядом, своей моделью жизни. Когда мы вместе, мы оба будто надеваем военную форму – спина сразу выпрямляется, появляется осанка, присутствует глубокое взаимное уважение… Однажды, правда, он залепил мне сильную пощёчину. А я не ответил ему тем же. Я такой чёрт, что сразу понял – я теперь в выигрышной ситуации. Мне очень жаль Ренарса, он потом очень страдал, а ведь я сам его довёл. Я тогда был настоящим гондоном.

Мы стоим на фоне моей машины. Антон Корбайн снимает и говорит, что это вторая такая холодная съёмка после U2 и «New Year’s Day»

Это Рига, красивая аллея недалеко от Памятника Свободы. За полчаса до этого кадра мы заехали с Антоном Корбайном в секонд-хэнд и купили эти нарядные пижамы, мы в них потом и выступали!

На первом плане мой друг Артурс Скрастыньш, ныне известный актёр! В шляпах Ренарс и Марис, а я в белом

Одна из первых фотосессий группы – на школьной лестнице под финиковой пальмой

Тут мы играем в игру, что в объектив смотрят только те, кто в шляпах, и дружат с детского сада!

Ренарс Кауперс:

Дело было в Германии, где мы записывали альбом. Ночью мы с Каспарсом вдвоем брели по тёмной улице из студии, я был истощен и сильно не в духе. Каспарс упорно мне что-то рассказывал, в чем-то убеждал, доставал вербально. Он был как муха, жужжал-жужжал мне в ухо, это было невыносимо, и тут я взорвался и сильно ударил его по лицу. Я сам был шокирован – это совсем на меня непохоже, очень нетипичная реакция. Мне было невероятно стыдно. В тот вечер Каспарс со мной не говорил, и все ребята были на меня обижены. Конечно, я очень переживал, извинялся… Постепенно эта рана затянулась, но это был тяжёлый и нехороший урок. Если честно, я до сих пор переживаю, ведь Каспарс – судьбой мне посланный человек, который с детского сада присматривает за мной.

Я бы не мог жить без друзей, это точно. Всё, что я делаю – я делаю коллективно, с кем-то. Даже если я появляюсь на троне один – рядом всегда команда. С BrainStorm мы сейчас как четыре колеса автомобиля, а сколько нам дано свыше топлива – не знает никто. Вот The Beatles, ливерпульские ребята, начали играть в своём городе, потом поехали дальше, стали суперзвёздами, прожили в группе очень интенсивную жизнь. Каждый из них не смог бы прыгнуть так высоко, не будь рядом трёх остальных. Возможно, кто-то из них был чуть больше лидером, но именно вместе они выросли как личности.

Я думаю, что с BrainStorm та же история – мы стали самими собой, шагая вместе. Лично я точно не набрался бы смелости зайти так далеко без этих ребят. Есть три кита, на которых держится BrainStorm – дружба, музыка и бизнес. Мне кажется, мы очень хорошо балансируем на этом треугольнике – не зря ведь говорят, что трёхногая табуретка гораздо устойчивее четвероногой… или четырёхногой? В любом случае, именно это три основных коня, которые тянут упряжку.

Наше путешествие началось очень давно, и я вижу, как каждый из нас растет, меняется. В школе Мэджик учился в параллельном классе, он был очень крутой парень, шустрый, стильный, красивый. Очень эмоциональный, даже вспыльчивый, но всегда позитивный и добрый. Баскетболист – нравился всем девушкам! И мне нравился, но, конечно, в другом смысле. Помню, была у нас мода кидаться ластиками в школьных коридорах, и однажды Мэджик попал в глаз одному парню, которого тоже звали Ренарс. Все тогда суетились, переживали за него, потому что правда очень серьёзно ему в глаз прилетело, и я тоже тревожился, но за Мэджика. К счастью, кончилось всё для всех хорошо.

Наша дружба с Марисом укрепилась в тот момент, когда мы

сидели у него дома и придумывали, как бы нам стать популярными.

Марис у нас мастер на все руки, он хозяин в широком смысле. Я этот талант очень ценю, хотел бы его иметь – а уж как моя жена бы этого хотела, ух! Марис если что-то делает, причём неважно, дом или песню, он делает это не спеша, основательно, обдуманно – на века! Я думаю, что мы с Каспарсом более импульсивные, и этим иногда бесим Мариса с Мэджиком, но спасибо им, что терпят. Вообще, у нас в группе демократия, но есть моменты, когда каждый может топнуть ножкой и сказать: «Не буду!» Каспарс, например, наотрез отказывается летать на некоторых моделях самолётов. Иногда я могу высказаться ультимативно, потому что мне как солисту чаще приходится выражать мнение группы, а если лично я его не разделяю – то и говорить не буду.

Каспарс в школе ходил в забавной серой кофте, у которой рукава были длиннее, чем нужно, он ими смешно размахивал. Помню, родственники привезли ему из Германии джинсы и кассетный плеер «Walkman» с оранжевыми наушниками – о, как я ему завидовал!

На этом плеере он и дал мне впервые послушать альбом Depeche Mode «Music for the Masses», когда мы вырубали кусты в канаве учебного электрического полигона. Это была фантастика! Музыка, конечно, не кусты. Каспарс в юности жил весьма богемной жизнью, и он сильно изменился, ведь сейчас он прагматично руководит стратегией BrainStorm, вместе с Айей выводит группу на новый уровень. В нём соседствуют искреннее великодушие и въедливая педантичность. Он в своё время ввел в BrainStorm штрафы за опоздание, по евро за минуту, – и это реально научило нас пунктуальности! Хотя иногда я не понимаю, как можно так сильно любить весь мир и при этом загонять товарища в угол из-за малейшего нарушения дисциплины. Я восхищаюсь его талантом видеть вещи сверху, общую картину.

Когда мы в любом обсуждении заходим в тупик, приходит Каспарс и говорит: «Ха! Спокойно, я всё вижу кристально чисто!» Каспарс внимателен к природе, он всегда любую букашечку, которую увидит в квартире, возьмёт и на улицу вынесет, чтобы не пострадала ни одна живая душа просто потому, что кого-то бесит, как она жужжит. Вот я скорее прихлопну комара – не могу лгать, много я в своей жизни букашек погубил, эх! И мне кажется, Каспарс иногда преувеличенно это делает, но это всё равно трогательно.

Он санитар кармы каждого из нас и BrainStorm! А ещё он большой идеалист. Ему очень нравится песня Джона Леннона

«Imagine» – в ней есть тот идеальный мир, к которому он стремится. И я желаю ему и нам всем в этом только успеха!

За что я хватаюсь, когда трудно держаться? За гитару и за друзей. В прямом смысле, потому что, если я не в духе или напряжен, я беру гитару и полчаса могу играть, петь, музыка гармонизирует меня. Я счастлив, что у меня есть эта возможность. За друзей я тоже хватаюсь буквально. Был момент в Берлине – мы записывали альбом «7 Steps Of Fresh Air», и однажды утром я пошёл в парк размяться, побегать. Обратно решил пройти короткой дорогой, через детскую площадку. А она была застелена специальным покрытием, мокрым от утренней росы. Я поскользнулся, нога пошла вперед, я услышал «кряк» – и упал. «Ай, – думаю, – вот как бы сейчас полсекунды обратно отмотать!» Но как всегда в жизни – никак. Так и лежу со сломанной ногой на детской площадке, больно очень, встать не могу, и телефона у меня с собой нет. Вокруг стали собираться детки, что-то лепетали на немецком, смешили меня, зайчата.

Наконец подошла их воспитательница, и я попросил у неё телефон – хорошо, что я знаю номера друзей наизусть! Набрал Мэджика, и они с Марисом тут же прибежали. Подхватили меня, и я, прямо как на войне, обнял их за плечи и на одной ноге допрыгал до отеля. Потом они повезли меня в больницу, там мне сделали рентген, зафиксировали ногу… Это реальная ситуация в жизни – никакой философии! Вот он я, у меня трудный момент, у меня сломана нога, я не могу идти один. Но у меня есть друзья, я хватаюсь за них, потому что они рядом и готовы поддержать. Иногда ты можешь не замечать этого в обычной жизни, не ценить, как это важно, иметь настоящих друзей, но потом раз – и поскользнёшься на улице, не дай Бог. Забавно, что песня «Скользкие улицы» хоть и не об этом, но мы поем её с группой Би-2, а их я тоже могу назвать настоящими большими друзьями.

Фестиваль окончен. Кажется, всё на ура!

Фотосессия в Петербурге за 15 минут – простая и милая, как улыбка Мэджика!

Ни малейшего понятия, где это! Ах, память… Может, Каспарс знает? Рога и рога

Легендарное фото – наш третий концерт в школе и первое исполнение «Lidmašīnas»! Позади Каспарса знак выпускников – мы играем для них

Я со шваброй и двумя Марисами – у одного в руках огнетушитель, у другого – отвертка. Видно, что серьёзная фотосессия с глубоким смыслом! Школа, 1987 год

Лёва и Шура Би-2:

Лёва Би-2: Наша дружба с BrainStorm началась со скандала.

Шура Би-2: Мы познакомились с ними в Риге в начале нулевых. Был большой фестиваль, где играли BrainStorm и Би-2, причём мы, как ни странно, были хедлайнерами на их территории. И вот BrainStorm уходят со сцены, а наши резвые техники мгновенно выдёргивают все провода и ставят сетап Би-2. И тут BrainStorm возвращаются, чтобы спеть свой суперхит «Maybe», и видят…

Лёва: Они не видят, а слышат, что у них не работают ни инструменты, ни микрофоны. Парни как-то выкрутились и малыми средствами исполнили «Maybe», но скандал был грандиозный и вполне мог перерасти в международный.

Шура: Мы с Лёвой решили загладить свою вину и предложить ребятам песню. Помню, мы позвали Мэджика с Ренарсом в гостиницу, Лёвчик взял гитару, и мы напели «Скользкие улицы, иномарки целуются…» Ренарс с Мэджиком тогда ещё не так хорошо говорили по-русски, у них был сильный акцент и недопонимание, и я очень смеялся, когда Ренарс сказал: «Хорошие слова… вот только иномарки – это такие марочки, которые ты кушаешь, и тебя вставляет, да?» Мы говорим – нет, Ренарс, в России так называют иностранные машины. И с этого

момента пошла наша дружба. А песня выстрелила так, что мы и не ожидали. Насколько я помню, она больше двадцати недель была в национальном топе Латвии. А на концерте BrainStorm, где они собрали 60 тысяч человек, мы никак не могли перестать играть «Скользкие улицы» – сыграли раз, потом снова, опять – нас просто не отпускали зрители. Каждое исполнение этой песни с BrainStorm – огромное событие и удовольствие. Недавно мне стукнуло 50 лет, и парни в полном составе прилетели из Риги в Москву на один день ко мне на день рождения – мы и там её спели. Вечеринка у нас была в стиле 1970-х – надеюсь, в книге будет фотография!

Лёва: Для меня с этой песней вообще очень много связано. Она появилась в тот момент, когда я познакомился со своей супругой – она родом из Риги, и эта песня отчасти о том, что произошло лично в моей жизни. Очень серьёзная перемена – знакомство с человеком, с которым я живу уже очень долгое время, 18 лет, у нас растут дети… «Скользкие улицы» – своеобразный символ наших отношений с ней, моих отношений с Ригой, дружбы Би-2 и BrainStorm. Для меня BrainStorm – это всегда праздник. Находиться с ними на одной сцене – сплошное удовольствие. Это вообще огромная редкость, когда две группы могут искренне дружить и существовать на сцене, не пытаясь постоянно перетянуть одеяло на себя.

Шура: Конкуренции у нас нет, действительно. Просто удивительно, насколько у Лёвчика с Ренарсом голоса сочетаются – Ренарс вообще может спеть всё что угодно. Мы никогда не репетируем эту песню, она сама видоизменяется и в нашем, и в их варианте. Я вижу, как BrainStorm с каждым альбомом прогрессируют – кроме того, что они пишут феноменально прекрасные песни, они постоянно что-то изобретают. Первое шоу на постсоветском пространстве, исключая ДДТ, стали делать именно они, и уже потом Би-2 пошли по этому пути. Ещё мне очень нравится, что BrainStorm выпускают альбомы сразу на трёх языках – латышском, английском и русском. Это очень круто. Возможно, кстати, это мы стали тем трамплином, подтолкнули их, чтобы петь на русском языке. Это может показаться нескромным, но всё ведь началось со «Скользких улиц», а затем была целая история с песней «Выходные». Ребят с этой песней позвали в фильм «Мечтать не вредно». Они её перевели, как могли, и помню, Ренарс заходит на «Наше Радио» – а мы сидели там большой компанией: Миша Козырев, Дима Гройсман, Макс Виторган, Квартет И – и зачитывает такую фразу: «И когда мы по уши в грузон, мы уходим в выходные». Мы говорим: «Ренарс, пардон, а что такое "в грузон?"». Он такой: «Ну, это когда тебя

загрузили! Нет?..» И вот мы всей большой компанией за одну ночь помогли ребятам написать текст «Выходных» – это был полный брэйнсторм. Утром парни поехали записывать песню в студии, а вечером сниматься в кино. Ещё у нас был проект «Нечётный воин» – кстати, спасибо моему дяде Михаилу Карасёву за песню «Ты не один», теперь она и в названии этой книги. В моём последнем проекте «Куртки Кобейна» ребята тоже поучаствовали – с ними просто кайф работать вместе.

BrainStorm – это дух, свет. Когда слушаешь их песни, даже грустные, в них очень много света, чистоты, мелодичности. А уже когда лично знаешь парней, то этот свет просто накрывает тебя. Для меня это одна из самых светлых групп. И одна из немногих, которую мы можем назвать своими настоящими друзьями. В любой момент мы готовы поддержать их – а они, я уверен, нас. Когда мы встречаемся, мы много говорим о жизни, а когда мы выступаем на одних мероприятиях, то из двух гримерок сразу делаем одну! Они же schoolband, как и мы.

Мы с Лёвчиком учились в разных школах, но познакомились, когда мне было 16, а ему 14. Мы ходили в одну театральную студию, и я там считался самым умным, потому что мой дядя мне подкидывал «продвинутые» книжки. Однажды Лёвчик подошёл ко мне и показал несколько стихотворений – это, говорит, мой сосед по лестничной клетке пишет. Я почитал и сразу понял, что это он сам. И говорю – что ты мне голову морочишь, это же твои стихи, и они классные. Вот так мы сдружились.

Лёва: Студия вскоре развалилась, и мы решили, что, значит, театр – это не наше, лучше сделаем рок-группу. Хотя театром мы были увлечены по-настоящему, у нас были революционные постановки – Борис Виан, Сэмюэль Беккет. Но главное, мы с Шуриком сразу поняли, что творчески друг друга дополняем. Сначала мы думали, что следующий наш общий шаг – это снять кино, но на тот момент видеокамера стоила, как квартира! А парни с гитарами очень привлекали девушек – это был решающий фактор.

Шура: Прошло уже много лет, но каждый раз, когда Лёвчик показывает мне первому свою новую готовую песню, для меня это всегда событие, потому что я думаю – ну куда уже круче опять? А вот есть куда, мой друг может. Мы можем долго шутить о том, что наш тандем сложился потому, что у нас разные вкусы на женщин, но дело не в этом. Мы дополняем друг друга. Недавно именно Лёвчик подсказал мне единственно верный путь, я очень признателен ему за это. Я всегда прислушиваюсь к нему и не могу вспомнить между нами серьёзных кризисов. Мы никогда не ссорились, нам повезло.

Лёва: Это большая работа. Любые отношения – и личные, между мужчиной и женщиной, и дружба. Если ты не будешь прилагать усилий, они могут зайти в тупик. Это закон жизни, ты должен развиваться, иначе начнёшь деградировать. Когда у тебя есть друг, с которым ты можешь мотивировать самого себя на то, чтобы стать лучше – это бесценно. Чем дольше живёшь, тем больше понимаешь, что вокруг поле битвы, это бесконечная война. Я могу сказать даже так – я по жизни человек очень неуверенный в себе, я постоянно в чём-то сомневаюсь, и я думаю, что та степень поддержки, которую с самого начала нашей дружбы я всегда чувствовал со стороны Шурика, уверенное твёрдое плечо, это просто определило всю мою жизнь. Наверное, я бы просто не пришёл к этой точке, в которой мы сейчас находимся, без поддержки Шурика.

Шура: С моей стороны всё то же самое. Всё, что у нас произошло, у нас произошло вместе. Дружба переросла в нечто большее – мы стали как родственники, как братья. Я думаю, кстати, то же самое произошло и у BrainStorm. Эта история, когда погиб их басист и они не стали официально брать нового пятого человека члена группы – ведь это уже семья. Поэтому нам так близки BrainStorm – наши судьбы, наши истории, наши жизни чем-то очень похожи.

Лёва Би-2, Ренарс Кауперс, Шура Би-2. Концерт BrainStorm в Crocus City Hall, декабрь 2019

Жизнь

Ты уходил, не успел проститься.
Так далеко, только мне всё равно не получится забыть.
Ты не один, ты мне будешь сниться.
И видит Бог, что в плену у дорог одному не стоит быть.

«Ты не один», BrainStorm/ Би-2

В начале пути их было пятеро. «Мы пять пальцев, а вместе – кулак», – так говорили про себя Янис, Ренарс, Каспарс, Марис и Гундарс, которого все звали Муминьш. Трогательный, тихий, застенчивый парень в больших очках, отзывчивый и необыкновенный, любил изюмный компот и творожную запеканку. Он действительно был похож на персонажа мультфильма о Муми-троллях, ведь Mumiņš по-латышски Муми-тролль и есть. Именно на концерт группы Мумий Тролль отправились BrainStorm в полном составе 22 мая 2004 года. Насладившись музыкой, ребята попрощались и разъехались по домам каждый своей дорогой. На следующий день стали созваниваться – но Муминьш не отвечал. Больницы, полиция, даже экстрасенсы – никто не знал где он, что с ним случилось. Его искали почти два дня. И больше не увидели живым.

В ночь на 23 мая машина Муминьша «Audi 80» мчалась на скорости 126 км/ч, а затем вдруг резко свернула влево через двойную сплошную, пересекла встречную полосу и, сделав несколько кувырков, улетела в торфяные болота. Гибкие молодые берёзки, растущие вдоль дороги, не сломались и на рассвете стояли как новенькие, потому ещё сутки никто не замечал машину в глубоком кювете. Только один пассажир высокого автобуса скользнул взглядом по чёрным тормозным шрамам на асфальте, последнему автографу Муминьша. Ему было 29 лет.

Свою тайну 11-й километр трассы Рига-Елгава не раскрыл до сих пор. Что там случилось – на дорогу выпрыгнул зверь, машину Муминьша таранили завистники BrainStorm, дождь залил лобовое стекло? Что это было – несчастный случай или сознательный

поступок? Скорее всего, парень просто заснул на мгновение. Одной секунды вполне достаточно, чтобы потерять руль, вдавить газ и улететь.

BrainStorm похоронили друга, но не группу. Они смогли выстоять, ухватившись за ремесло. Ингарс Вилюмс стал их новым басистом и играет с BrainStorm уже 16 лет. А Муминьш, их «небесный участник», всегда остается рядом, звучит в унисон. «Я бы хотел научиться общаться с друзьями на расстоянии и передавать музыку телепатически», – сказал однажды Муминьш. И, кажется, научился.

Смерть часто делает взмах своей косой в миллиметре от каждого из нас. Почему один выживает в самых чудовищных испытаниях, а другой гибнет до того, как погаснет его сигарета. Эти вопросы не имеют ответов, но о них обязательно стоит рассуждать, ведь на обратной стороне этой карты – жизнь, самый удивительный и необъяснимый дар, который не принадлежит нам, но который нужно использовать на 100 %.

Янис «Мэджик» Юбалтс:

24 мая, когда мы уже вовсю искали Муминьша, я ехал на машине из Елгавы в Ригу и вдруг увидел на дороге много полицейских машин, скорую помощь, толпившихся людей… В голове сразу промелькнуло, что это может быть он, но ведь такие мысли всегда стараешься прогнать. Я остановился. Меня увидел брат нашего одноклассника Оскара, он работал в бригаде скорой помощи. Он подошёл ко мне, сел в мою машину и сказал: «Янис, ты туда лучше не ходи. Да, это Муминьш. Мы везём его в морг».

Я остолбенел. Когда немного пришёл в себя, обзвонил всех наших, рассказал. Дальше надо было звонить родным Муминьша. У его мамы не было сил ехать на опознание, поэтому поехали его брат, сестра и я. Всё казалось нереальным. Когда я зашёл в морг, было очень трудно не упасть, ноги не держали, земля качалась. Это состояние до сих пор чувствуется, даже когда я рассказываю об этом. В гробу был наш Муминьш, как будто он спал и видел грустный сон. Всегда не хочется верить, что смерть может прийти за твоими друзьями. Но если она приходит, мир навсегда меняется, жизнь уже никогда не станет той, что была.

Когда я слышу имя Муминьша, я всегда сразу вижу его лицо. Очки, волосы… Я знал его в школе с первого класса. Мы сдружились, вместе росли, играли в футбол. Муминьш всегда был очень отзывчивым, любил спорт, а в его душе и сердце звучала прекрасная музыка. Он умел держать своё слово, был человеком коллектива, никогда не тянул одеяло на себя. Любил философию, эзотерику, всё необъяснимое – в 90-е это было непопулярно, а он

уже интересовался тем, как устроена Вселенная.

И в то же время он был позитивный пофигист, мирный панк. Мы были простыми елгавскими ребятами. Если бы он остался с нами, BrainStorm был бы другим. Много есть версий, что же на самом деле с ним произошло, но правда только одна – его жизнь закончилась.

Два месяца мы не знали, как выйти из этого ступора. Но внезапно нас позвали выступить вместо одной группы, которая не приехала на фестиваль, и мы решили: «Встаём и идём!» Вскоре к нам присоединился Ингарс, а спустя два года вышел наш альбом «Four Shores», и я думаю, это один из наших самых мощных альбомов. Эмоционально, музыкально и энергетически он ещё на той волне, которую мы чувствовали после Муминьша. Думаю, ему бы этот альбом очень понравился.

Я не знаю, почему так случилось, что наш друг ушёл. Почему вообще кто-то умирает вот так вдруг. Один раз в детстве я бежал по двору и не заметил натянутый, как струна, железный трос. Со всего маху я на него налетел, споткнулся, упал и потерял сознание.

А в другой раз я пошёл в гости к однокласснику в квартал, где жили Каспарс с Ренарсом. Зашёл в подъезд, темно, я хотел включить лампочку, тыкаю пальцем с размаха – а там кнопки нет, и мне как даст 220 в руку! Или вот мы с друзьями играли в карты, сидя на железном мосту. Каждый раз, когда мимо с грохотом шёл поезд, мы обнимали руками перекрытия моста, чтобы не упасть. Тот, кто проигрывал, прыгал в воду – а там торчали деревянные сваи от старого моста, мы были в сантиметре от несчастья. Но в детстве об этом не думаешь, не соображаешь, просто всё время испытываешь судьбу. Я думаю, мы не осознаём, как близко идём с этой параллельной реальностью – смертью.

Когда у меня родились дети, появился животный страх за них, за их жизни. Ведь я помню, как они пришли в этот мир – я оба раза присутствовал при рождении. И оба раза это была чехарда с BrainStorm! Когда должна была родиться моя старшая дочка, нас с Каспарсом позвали ведущими на церемонию вручения музыкальных наград в Риге, это вроде как «Золотой граммофон» в России.

Мне надо было выучить свой текст, отрепетировать, а с другой стороны – мой первый ребёнок вот-вот родится, и я понятия не имел, как всё будет происходить! Я отвёз жену в роддом, начинается церемония, а я весь на нервах. Рога меня успокаивает – не волнуйся, всё будет хорошо! У него самого, главное, тогда ещё не было детей, а он уже всё знал. И тут как у Гришковца – всё поехало одноврЕменно или одновремЕнно. Каким-то чудом я всё успел, и дочку на руках подержал первым… И со второй дочкой было весело, тут я уже немного ориентировался в процессе. Говорил жене «дыши, дыши», смотрел на датчик у неё на животе. Доктор спрашивает меня, какой промежуток между схватками, а я ему: «Доктор, порядок, уже совсем часто, сейчас родим!» Это, конечно, неописуемое чувство, его трудно словами передать, это что-то из неземного. И забавно, что как только Одри родилась, звонит Ренарс и говорит: «У меня концерт недалеко от роддома, приходи, что ж ты там будешь

сидеть!» Я сыграл с ним несколько песен и понял, что это очень крепкая связь – обе мои семьи, домашняя и BrainStorm, идут параллельно. Это моя жизнь.

Это 1 апреля в школе. Развлекаем всех, как всегда

Фотография Антона Корбайна… Мне кажется, я похож на Ленина

Школьные годы, примерно 1993 год

Фотосессия, где мне не нравилось, как я одет

Дорога нас всегда зовёт

Муминьш с банджо в Елгаве недалеко от своего дома

Поздравляем всех, как и каждый год – с Новым годом и Рождеством!

... Муминьш, тебе понравилась наша книга?
Знаешь, ты не выходишь у меня из головы.
Я о тебе думаю до сих пор, иногда вижу
в своих снах. Я был бы так рад сыграть
снова с тобой вместе и сочинить какую-то
песню, как это было с нашей самой
первой песней "Резинка" (Ластик).
Помню, в юности мы каждый день с
тобой искали то зажигалку, то пепельницу,
то сигарету, чтобы покурить - теперь всё
есть, но нет тебя. Я бы очень хотел
с тобой сейчас выкурить сигарету,
хоть и не курю уже очень много лет.

- Наук -

Каспарс Рога:

Ближе всего к смерти я был в Африке, когда просто глотнул воды не из той бутылки и подхватил кишечного паразита по имени Шистосома Мансона. Этот гад изъедает тебя изнутри, дырявит насквозь всю пищеварительную систему, кишечник, все органы. Ты сутками не выходишь из туалета, из тебя хлещет кровь, но поскольку нормальный мужик всегда сам себе доктор, первое время всё село спокойно лечило меня от малярии. Я раз пять уже болел малярией, это не так уж страшно, если есть лекарства. Но когда я потерял 10 килограммов, превратился в мумию и уже не мог подняться, мы сообразили, что это ненормально. Повезло, что в Сьерра-Леоне была клиника, где работали русские доктора с постсоветского пространства: сейчас она уже закрыта. Доктор дунул в какую-то старую склянку на

столе и велел мне сдать анализы. Вернувшись с результатами, он сказал: «Ну, мужичок, повезло тебе! Еще два дня – и был бы кирдык». Он выписал мне какие-то таблетки и велел погулять по берегу океана. Через неделю мне стало гораздо лучше, и я полетел в Ригу. Но я рано радовался.

Дома я проснулся часа в 4 утра и сразу понял, что я умираю. Это ни с чем не спутаешь – жуткий холод и орут все инстинкты, как сигнализация. Я примчался в больницу, меня сразу на стол – это было воспаление аппендицита, привет от паразита. После операции доктор сказал: «Я такого никогда не видел. У тебя все кишки в рубцовой ткани. Паразит их основательно пожрал, и они срослись, как черепаший панцирь».

Меня очень трудно напугать, я в разных ситуациях бывал, где рядом смерть. Ещё в детстве, маленьким, я тонул. Мои старшие сестры плавали, отец был на берегу, а я бегал по пирсу и упал в воду. Помню это как сейчас – когда ты ещё не умеешь плавать, ты не закрываешь глаза в воде. Я смотрю вокруг и вижу прямо перед своим лицом огромные пузыри: они идут вверх, а я вниз. Я коснулся дна, оттолкнулся, и вскоре второй раз стал опускаться, воздуха уже не хватало… Тут меня отцовская рука схватила и вжик – вытащила.

Помню, мы были с Айей на корабле, который горел – дым, сирены, пожарные бегут. Повезло, что это было уже в порту, а не в открытом море. Однажды я ехал в поезде, он резко затормозил, и вскоре из передних вагонов появились люди с разбитыми лицами. «Ну, подрались опять», – думаю я. А оказалось, что из-за морозов рельсы разошлись, и локомотив на полметра врылся в землю. Ещё помню, в юности мы как-то раз ехали из ночного клуба на «Оке», в этой капсуле смерти, я впереди, за рулем девушка, а сзади ещё один пацан. И тут девушка увидела своего бывшего парня с другой девчонкой, её переклинило, и она помчалась за ними. Мы гнали на полной скорости, врезались в зад той машины, пролетали под красный. Весело, все пьяные, но я всё же понял, к чему это идёт, и уперся обеими ногами в переднюю панель. И тут же мы на полном ходу врезаемся в бетонный столб. У парня, что сидел сзади, порван подбородок – во время удара его подкинуло до лобового стекла и обратно. У ревнивицы выкручена нога. А у меня ни царапины. С тех пор я всегда пристёгиваюсь.

Меня спасает сильная интуиция, если что не так, я энергетически это чувствую и стараюсь выйти из ситуации. Я не знаю, чувствовал ли Муминьш, что есть опасность, но за год до трагедии он заболел. Он был душой BrainStorm, впитывал всё, что происходит, но не делился, не выпускал обратно. Это его и погубило. Синдром выгорания – о нём в те времена почти не

знали.

Врачи выписывали ему мощные антидепрессанты и седативные препараты, предлагали лечь в клинику. Мы – дерзкий коллектив, отпускали саркастические шуточки, но в какой-то момент осознали, что ему нужен серьёзный отдых. Мы купили Муминьшу и его любимой девушке Карине билеты на Канарские острова, и вдруг Антон Корбайн соглашается на нашу первую фотосессию, ровно в даты путёвки. Муминьш решил, что никуда не поедет, такую возможность для группы упускать нельзя, он себе не простит. Я думаю, это был ключевой момент, когда судьба могла повернуться по-другому.

В гроб мы положили ему лимон с зубочистками – это Пуки пай. Странный образ, его последняя шутка, мы очень хохотали тогда над ней. Лимонный ёж. Он вообще был довольно забавный, наш Муминьш. Однажды заснул в кресле с сигаретой между ног, она прожгла глубокую дыру, но, слава богу, пожара не случилось. В другой раз, ещё в школе, заснул на батарее и всю задницу себе спалил. Мог свои очки, без которых ничего не видел, потерять прямо где стоит, а мог кувырнуться с лодки в речку и вынырнуть с очками на носу.

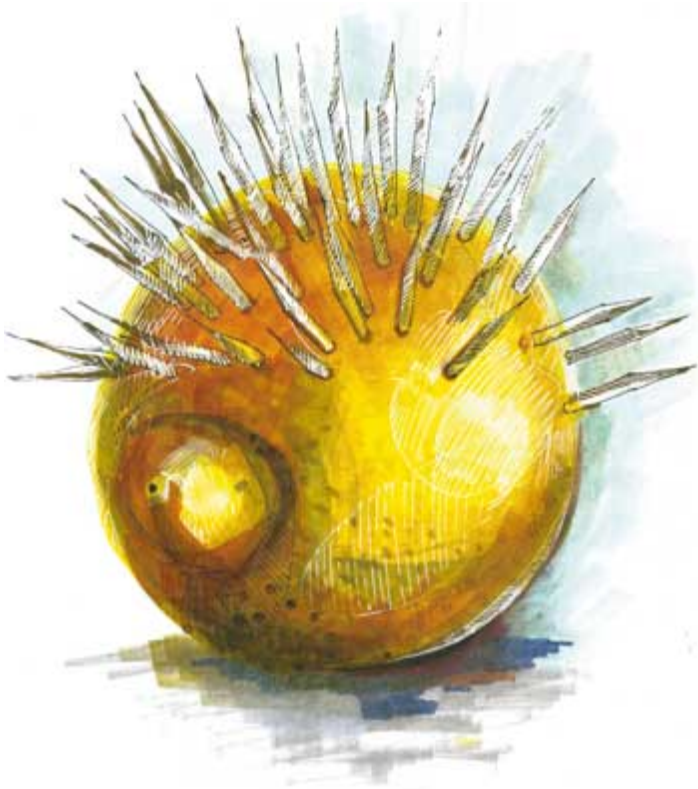
Похорон у меня случалось много в жизни, и у меня нет никаких эмоций от них. Я склоняюсь к тому, что тело – это просто оболочка, одежда, самой сущности там нет. Я уже своим всем сказал, чтобы меня кремировали, мне не важны ритуалы, я не хочу занимать землю. Пусть я останусь в воспоминаниях, а остальное неважно. Я на кладбища не ездок. Этот мир для живых – у мёртвых свой мир. Чем меньше мы пересекаемся, тем лучше. Если человек уходит трагически и внезапно, его сущность может долго мотаться между мирами, потому что его время ещё не пришло. Но это всё гипотезы – а так мне очень интересно будет увидеть, что же произойдёт на самом деле, когда я свои копыта отброшу. Вот у Мэджика есть версия, что, когда ты умираешь, твоя лампочка выкручивается и всё. Но я не согласен. Я верю в закон сохранения энергии, поэтому после смерти мы переходим в другое состояние, как вода, но не исчезает совсем.

Антон Корбайн поймал меня за сценой концерта в Межапарке. Это было большое событие для BrainStorm. Мы первая группа в Латвии, которая собрала стадион… волнение в тот день зашкаливало

Продюсер наших синглов Алекс Сильва держит в руках платиновый диск альбома, где есть песня «Выходные» и ещё несколько хитов. Мы встретились в Берлине и специально привезли ему эту награду

О! Шотландская шляпа! Я в то время в ней ходил постоянно и даже на сцене за барабанами сидел. У меня ещё был пиджак шотландский – в такой форме я достаточно долго выступал

Очень грустная и одновременно легендарная фотография. Кадр поймал Антон Корбайн, который вместе с нами был на выступлении группы Мумий Тролль в Юрмале. Это последняя фотография, где с нами Муминьш… после этого концерта он попал в автокатастрофу



Я бы хотел, Нутиньш, чтобы ты прочел эту книгу. Надеюсь, ты рад, что мы продолжили наше дело, Brainstorm. Странно звучит, но это придает и некий смысл твоей смерти. Ведь ты пожертвовал тогда ради важной съемки своим благополучием - а может, и жизнью - в то время для нас всех Brainstorm был целым миром, не было ничего кроме.

К. РОГА

Марис Михельсонс:

Я помню, как мы с BrainStorm ехали однажды на автобусе из Риги в Таллин – раннее утро, темно, зима. Трасса шла на искусственном возвышении через поле – огромное пустое пространство, холод и сильный ветер. На длинном повороте водитель пошёл на обгон, выскочил на встречку, и тут я понимаю,

что он потерял управление. Автобус стало мотать и закручивать. Это асфальтовая дорога, гололёд, а с обеих сторон глубокие канавы: если машина туда опрокинется – покатится колбаской, всем конец. Но в тот момент ты уже ничего не можешь сделать. Я подумал – ну, всё. В голове промелькнул сразу самый страшный сценарий. Помню, это было леденящее странное чувство – ты просто сидишь и ждёшь, что будет с тобой, ты понимаешь, что сейчас твоя жизнь может закончиться, но ты совершенно бессилен что-либо изменить. Встречная машина, дерево, овраг, пожар – произойти может всё, что угодно, ты не в состоянии вмешаться. Время тянулось неестественно медленно, но на самом деле прошло всего несколько секунд. Как сказал Мэджик: «Я просто чихнул – а когда открыл глаза, уже стоял ногами на боковом стекле». Автобус упал на левый бок, проскользил ещё пару метров и затормозил о снег. Мы все повалились в кучу, больше всех досталось Муминьшу – он сидел у окна. Я приземлился на него, кто-то, кажется, на меня… Рога единственный был пристегнут, и повис, невредимый, на ремнях, как парашютист. Нам очень повезло тогда, ещё пара метров – и автобус упал бы в котлован с бетонными кольцами. Мы вылезли через заднюю дверь, как-то добрались с пересадками до пункта назначения – крошечного финского островка с маяком, где мы и сняли клип «Waterfall». А могли бы и не снять, получается. Это всегда рулетка.

Надо понимать, что как бы ты ни распланировал свою жизнь, у неё всё равно могут возникнуть свои планы. Невозможно всё предугадать, всегда будет нечто, что нам неподвластно.

С возрастом ты понимаешь, что злиться на это бессмысленно. Непросто переступить своё внутреннее эго, но надо. Отчетливо помню, как впервые я это осознал – Ренарс тогда попал в больницу с пневмонией, и нам пришлось первый раз отменить концерт BrainStorm.

Я помню момент, когда Мэджик мне позвонил и сказал, что Муминьш погиб. Из меня прямо вырвалось: «Мэджик, не пи*ди!» Я вообще редко ругаюсь, и понимал, что такими вещами не шутят, но это была защитная реакция. В тот миг я осознал – всё, друг пропал. Первая мысль была о том, как же ему было больно и страшно, как это всё нелепо, несправедливо, рано. Потом я подумал про его родителей – какой это ужас, терять своего ребёнка…

Помню, как лет в 16 мы все зависали на квартире Муминьша: он первым из нас стал жить отдельно, а его мама работала в кулинарии и каждое утро приносила нам всем какую-то еду: «Гундаринш, ребятки, вот, покушайте!» И тут я задумался о нашей группе, об этом живом организме, сможет ли он выжить

после такого ранения.

Муминьш и я учились на одном курсе в Сельскохозяйственном университете, и поскольку он ещё раз в пять стеснительней меня, я помню, как на экзамене он не мог сказать ни слова – пил воду, наливал, проливал, потел, краснел, мычал – хотя очень хорошо был готов и всё знал! Просто такой человек, сложно ему было общаться.

Его смерть научила меня быть внимательней к близким. Мы ведь замечали, что с человеком непорядок, но всегда сложно найти эту грань, где вмешаться, а где нет. Да, ему нельзя было управлять автомобилем, и, конечно, мы могли бы силой вытащить его из машины, когда видели, что он садится за руль – но, с другой стороны, это дикость, он взрослый человек. У меня нет правильного ответа. Я допускаю, что это могло быть самоубийство, но я бы не хотел, чтобы это было так.

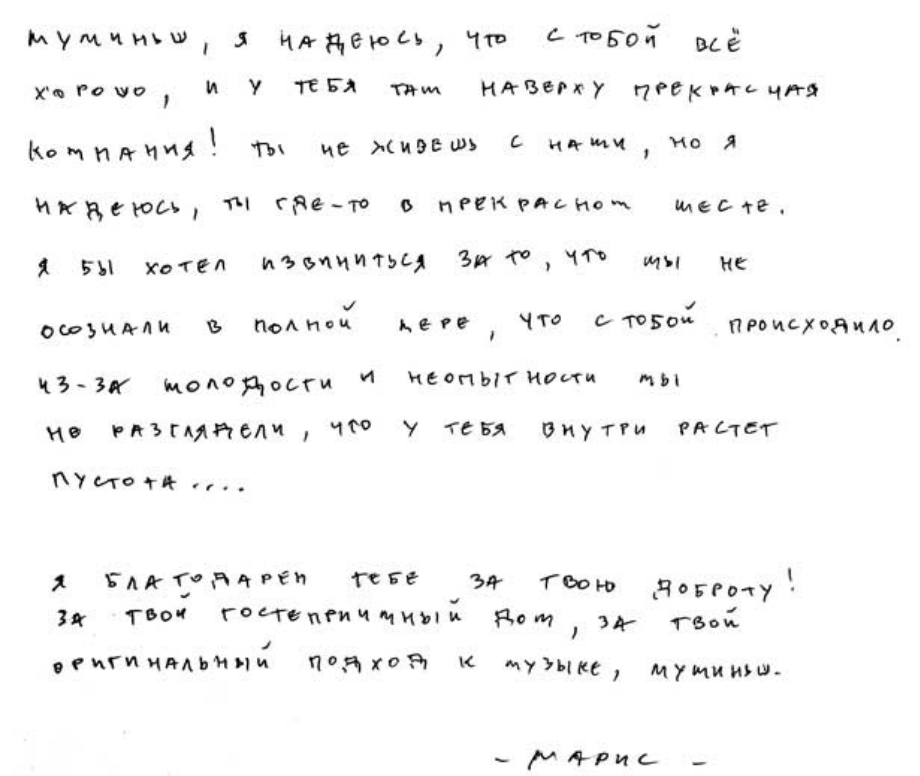
Одна из наших первых съемок с Антоном Корбайном в Риге. Мы поехали кататься на картинг, и Антон придумал сделать такую фотографию в шлемах

Судя по панамке Муминьша, мы едем из Польши, куда часто приезжали для участия в разных эфирах, концертах и съёмках. Дорога весёлая, всё у нас хорошо;)

Это начало BrainStorm, у Мэджика футболка с обложкой нашего первого альбома «Vairāk nekā skaļi». Кажется, это наше выступление на корабле, который плыл по маршруту Рига-Швеция. 1992–1993 г.

Юрмала. Утро. Я после пробежки. У Алдиса в руках конверт. Полная готовность двинуться дальше на следующий концерт

Через пять дней наш первый стадионный концертов Риге (стадион Skonto) в рамках тура «Day before tomorrow», 2003 года


Муминьш, я надеюсь, что с тобой всё
хорошо, и у тебя там наверху прекрасная
компания! Ты не живешь с нами, но я
надеюсь, ты где-то в прекрасном месте.
Я бы хотел извиниться за то, что мы не
осознали в полной мере, что с тобой происходило.
Из-за молодости и неопытности мы
не разглядели, что у тебя внутри растет
пустота....

Я благодарен тебе за твою доброту!
За твой гостеприимный дом, за твой
оригинальный подход к музыке, муминьш.

- Марис -

Ренарс Кауперс:

В 33 года я переживал очень трудный период своей жизни. Была изнурительная запись альбома «Шаг», затем тур по Сибири на автобусе – мы тогда ещё не могли позволить себе самолёт. В сутках было всего несколько часов света, остальное – темнота, холод и монотонность. Я загнал себя, перешёл какую-то грань, и организм просто стал отключаться от реальности. Мне было трудно читать, буквы прыгали перед глазами, телевизор казался невыносимо ярким, я не мог удержать взгляд на одном предмете. Внутри росла беспрерывная тревога, я каждое утро с ней просыпался и не мог понять, отчего она. Позже я узнал, что такое состояние называется вегето-сосудистая дистония. При этом со стороны это почти незаметно – я говорил потом с женой, она сказала, что я не сильно изменился в то время. Но чувствовал я себя ужасно, и когда пытался с кем-то поделиться, слышал в ответ: «Да что такое, всё нормально с тобой! Руки-ноги на месте, температуры нет, не выдумывай!» А мне казалось, что жизнь кончилась, никто мне не поможет.

Мне повезло, что рядом был Каспарс. Он сам прошел через подобное состояние, поэтому сразу почувствовал, что со мной происходит. Каспарс нашёл очень хорошего доктора в Юрмале,

который ставит иголочки в правильные точки на ушах, а научился он этому в концлагере, китайцы ему показали принцип с помощью рыбьих косточек. Очень был славный доктор, бытовой психолог, его сама жизнь научила. Ты приезжаешь к нему со своей проблемой, говоришь: «Доктор, выручайте, я в большой тревоге!» А он тебе начинает рассказывать, как он в тридцатые годы часы на цепочке чистил. Ты слушаешь и думаешь: «Ну, доктор, камон, а как же я и моя тревога?» А потом вдруг понимаешь, что это он тебя так уводит – ты заслушиваешься и успокаиваешься. Долгое время мы с Каспарсом ему звонили перед концертами, он настраивался на нас, и, можно верить или нет, но за пять минут уходил огромный стресс перед концертом. Может быть, это эффект плацебо, но я Каспарса спрашиваю: «У тебя тоже так, да? Не могу поверить!»

В тот момент мне нужна была дополнительная опора, и я пришёл к вере. Моя семья не была религиозной, только бабушка была очень верующей, и я хорошо помню её уголок с иконами над кроватью, чётки и как она приносила мне гостию из католического храма. А тут мне в руки попала книга «Первые шаги в медитации христианства», и я был очень удивлён – оказывается, и правда отцы уходили из роскошных храмов в пустыни искать истину. В какой-то момент, читая эту книжку, я почувствовал, что хочу креститься. Я пошёл с этим чувством к священнику, он сказал: «Раз так, следуй ему». Три месяца я ходил на подготовительные курсы, изучал Библию, а потом меня крестили. Так я стал лютеранским христианином, десять лет очень активно молился, посещал храмы, читал религиозную литературу. Но вот уже год как я очень редко хожу в церковь. Только иногда в России захожу в православные храмы, ставлю свечки.

Мне и самому необычно осознавать, что эта внутренняя потребность исчезла. Может, это на время? Ведь я по-прежнему люблю Библию и смотрю на Христа как на большого учителя. Но что-то меняется во мне. Ведь если ты идентифицируешь себя только с чем-то одним, значит, считаешь, что все остальные не правы, начинаешь смотреть с упрёком. Я на этом себя поймал. А ведь Мать Тереза говорила: «Если вы осуждаете людей – у вас не остается времени любить их». Постепенно я прихожу к тому, что бог один, и не стоит враждовать из-за того, каким его представляет та или иная культура. В любом случае, вера дала мне дополнительную поддержку и силу в то время, когда это было необходимо.

Я думаю, что у нашего Муминьша было похожее состояние, некое расстройство нервной системы, как позже случилось у меня

и Каспарса, но тогда мы не смогли ему помочь. Быть может, его психологические проблемы были врождёнными – сейчас это уже не важно.

Мы долго не раскрывали его историю до конца, но прошли годы, и всем нам нужно выговориться. Ходят разные слухи, но никакой тайны там нет, история Муминьша не связана ни с наркотиками, ни с криминалом. Он был прекрасным человеком, добрым и светлым, и такой же чистой осталась память о нём.

Муминьш всегда был самым тихим из нас, а не зря говорят, что тихая вода глубока. Если я назову его «плюшевым мишкой», это будет не совсем правильно, ведь он был сильной воли и энергии человек. И всё же в нём было много мягкости, смирения и трогательного комизма. Он был знаменит тем, что постоянно что-то забывал и терял. Например, мог ехать на велосипеде с бас-гитарой, остановиться завязать шнурок и поехать дальше уже без бас-гитары. Он был настоящий мечтатель! Он не заботился о

материальном, ему было важнее душевное благополучие своих друзей. Между нами – Мэджиком, Марисом, мной и Каспарсом всегда существовала здоровая конкуренция, попытка выделиться, а Муминьш никогда не участвовал в этом соревновании.

Если говорить совсем откровенно, именно мы с ним не были уж совсем близкими друзьями, не случилось у нас двоих своего собственного периода, как у остальных ребят, но Муминьш, безусловно, мне очень дорог.

Однажды мы с ребятами придумали, что у каждого из нас своя стихия: Каспарс – земля, Муминьш – вода, Мэджик – огонь, я – воздух, а Михельсон у нас пятый элемент, как Мила Йовович. Когда Муминьша не стало, мы много говорили о том, что такое энергия группы, как она складывается из пяти потоков и как больно, если один пропадает. Я верю, что нас ведёт тот самый школьный дух, на основе которого создавалась группа, и мы обязаны его хранить. Мы начинали вместе и вместе продолжаем, несмотря на то что один из нас теперь играет наверху. Для нас это свято.

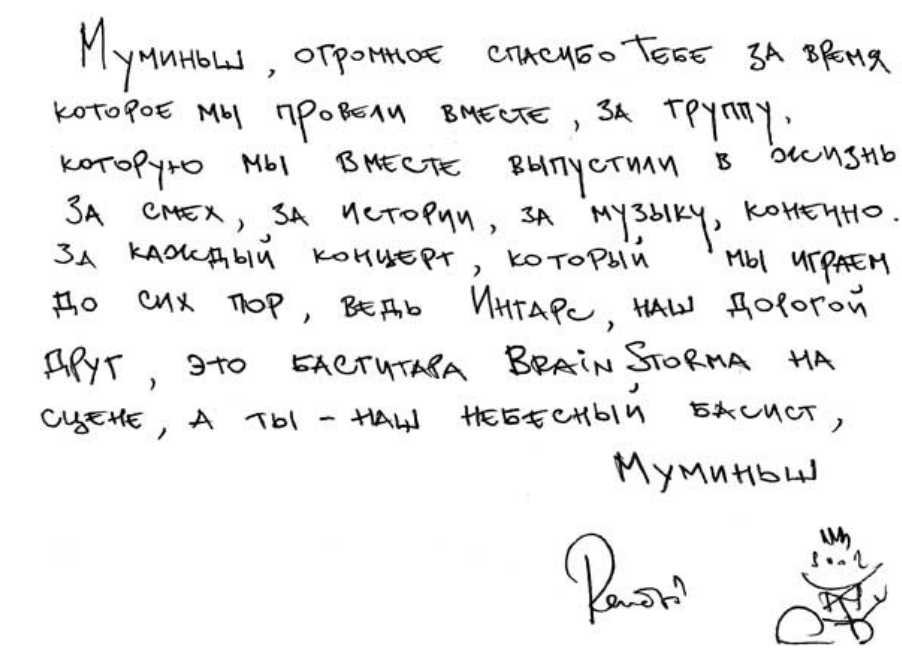
Фотосессия с Антоном Корбайном в гостинице Старой Риги. Готовились к альбому «A Day Before Tomorrow»

Увлеклась молодёжь фотосессией, а за ними НЛО приземлился. Или всё-таки локатор неподалеку от Вентспилса? Это следует уточнить

Времена «My Star», однозначно! Как же по рубашкам, кепкам можно определить период, забавно

Работа в студии. Мэджик смотрит на Каспарса и явно хочет поднять темп и настроение происходящего. Я только что с тенниса

Еще одна фотосессия с Антоном! «А что, если бы вы чуточку подвигались, пританцовывая?», – спрашивает талантливый голландец


Муминьш, огромное спасибо тебе за время,
которое мы провели вместе, за группу,
которую мы вместе выпустили в жизнь.
За смех, за истории, за музыку, конечно.
За каждый концерт, который мы играем
до сих пор, ведь Интарс, наш дорогой
друг, это бас-гитара Brain Storma на
сцене, а ты - наш небесный басист,
Муминьш

Илья Лагутенко, Мумий Тролль:

С Prāta Vētra у меня связано очень много светлого и жизнеутверждающего, но был и трагический случай, который навсегда остался в душе. Я знаю, что именно после нашего концерта в Юрмале по пути домой разбился на машине их бас-гитарист Муминьш. Мы про себя всегда шутили, что ему с таким именем играть бы в Мумий Тролле. Такие вещи никуда не исчезают, они навсегда остаются внутри. Это тяжёлые, печальные воспоминания. У меня до сих пор есть какое-то чувство вины за это. Я не знаю, что с этим делать. Я знаю, насколько Муминьш был близок всем ребятам в группе, и, может быть, в какой-то момент именно это событие наложило отпечаток на то, что мы несколько отдалились друг от друга, стали меньше общаться. Я думаю, что все мы уже давно это пережили, но я помню это до сих пор.

Впервые о Prāta Vētra я услышал во время гастролей Мумий Тролль в Латвии, это было в 1997 году. После первого нашего концерта в Риге мы вернулись, чтобы снять клип на песню «Ранетка» по приглашению ребят из Vilks Studija, и я их спросил, а что сейчас есть интересного в прибалтийской музыке. Мне посоветовали послушать Prāta Vētra. Кстати, тогда я узнал и о дословном переводе названия группы, что-то похожее на Brainstorm по-английски. Оказалось, что у них была версия их хита на русском языке «Улетели самолёты», и мы её поставили в наш сборник актуальных артистов постсоветского пространства

«У1», он вышел на нашем лейбле «Утекай звукозапись» в 1998 году.

Prāta Vētra (и я их до сих пор называю по оригинальному названию, мне это принципиально) по своёму духу были такими, как я всегда себе представлял Мумий Тролль. Дело в том, что у нас гастролирующий состав был искусственно создан из призывников группы, а у Prāta Vētra всё было органично и честно. Это была компания друзей детства, образ настоящей рок-группы, который всегда мне импонировал, но, к сожалению, в моём случае не сложился. Те, с кем я начинал, по разным причинам не дотянули до того времени, когда группа стала делом всей жизни. У Prāta Vētra своя команда, вплоть до техников, это большая семья, и я всегда уважал такой подход, понимал, что это рискованный путь и совершенно, может быть, неоправданный, но по себе знаю, что если его не пройдёшь, то потом обидно будет – эх, почему же я не сделал этого.

Даже в Америку на шоукейс-фестивали, где зачастую нет никакой финансовой отдачи, Prāta Vētra прилетали все вместе, в то время как Мумий Тролль поступал ровно наоборот – нам помогали местные друзья.

Помню, как нас с Prāta Vētra сплотило «Евровидение». Парни это уже прошли, а ровно на следующий год Константин Эрнст из ОРТ пригласил Мумий Тролль. У меня были неоднозначные чувства насчет этого конкурса, тогда я жил в Англии и знал эту телепередачу на один вечер, где можно посмеяться над каждым исполнителем и наутро всё забыть. А Prāta Vētra доказали, что необязательно быть поп-группой однодневкой, можно круто заявить о себе многомиллионной европейской аудитории и дальше удерживать внимание. Мы встретились с Ренарсом, он разложил мне всё по полочкам, и я переменил решение – Мумий Тролль представил Россию с песней «Lady Alpine Blue». Ренарс оказался прав, у нас потом действительно заладилось сотрудничество с европейскими лейблами. В свою очередь, я поделился с Ренарсом уверенностью в том, что Prāta Vētra нужно двигаться на Россию, ведь мы с советских времен привыкли, что каждая республика имеет своего яркого персонажа, который вроде как поёт на русском, но с акцентом, со своим колоритом. Русский человек это любит – экзотику на родине, вроде своё, но по-другому! У Prāta Vētra для этого было достаточно и обаяния, и харизмы, и крепких поп-песен. Они повернулись в сторону восточного соседа, и время показало, что это было верное решение.

Когда мы встречаемся с Prāta Vētra, с ними всегда светло, они несут огромный положительный заряд энергии. Я никогда не

видел их хмурыми даже после долгой дороги, у них всегда есть шутки и приободрялки для себя и всех окружающих. Однажды в Юрмале они выступали на небольшой пляжной вечеринке, и Ренарс сказал мне: «Илья, а давай вместе споем Кино?» Я ответил: «Давай, конечно, только я кроме "Малыша" слов не помню». Откровенно говоря, я и свои-то тексты забываю, всегда вожу с собой и держу под рукой на концерте. В тот вечер Ренарс подсказывал мне на ухо начало каждой строчки, а я пытался подхватить, вспомнить и допеть, смешно это было. А в другой раз, на их большом концерте в Межапарке, мы вместе спели «Скользкие улицы», потому что Би-2 не было в городе. Я сомневался поначалу, потому что очень чувствительно отношусь к исполнению чужих песен: как знать, вдруг авторы бы этого не хотели. Но Ренарс меня убедил, что так надо, это во благо и на радость зрителей – и я согласился. Ему трудно отказать!

Моя мама всю жизнь любит дружить с моими друзьями, она иногда больше времени им уделяет, нежели я сам. Она мой главный советчик, всегда меня очень поддерживала, во всех моих начинаниях, в том числе с Мумий Тролль. Её юбилей мы отмечали в Риге, и мне хотелось пригласить всех людей, которые ей нравятся – среди них, конечно, был Ренарс. Это всегда очень трогательно, когда твои друзья действительно искренне и по-доброму общаются с твоими родителями. Я очень это ценю и благодарен им.

Вообще, пронзительное ощущение жизни приходит, наверное, в какие-то моменты абсолютного счастья. У меня это случается, когда я нахожусь в близкой компании друзей, семьи, у всех абсолютно замечательное настроение, мы, скажем, в море на корабле, и кажется, что всё так здорово, замечательно, и можно забыть о хлопотах. Или бывает ровно наоборот, когда сплошные проблемы, что-то не делается так, как ты хочешь, внешние обстоятельства рушат твои планы, ты пытаешься спасти ситуацию и успокоить себя – и в такой момент ощущение жизни наиболее полное.

Какое необычное трио, согласитесь? Таких где-то вечерком встретить, а? А тапки Ильи – бомба, при всём его вампирском виде! Это MAXIDROM, 2002 год

Ингарс Вилюмс, бас-гитарист BrainStorm с 2004 года:

Моя мама родилась в Сибири. Семью выслали из Латвии после войны, и они смогли вернуться только после смерти Сталина. Им удалось снова поселиться в том доме, откуда они уехали, и я провел там детство. Это город Мадона в 160 километрах от Риги. У меня было много дел по хозяйству –

косить траву, гнать коров с пастбища, дрова заготавливать. Но больше всего я любил мастерить в своём маленьком сарайчике, мои руки всегда были в смазке. Помню, как взялся сам делать велосипед по схеме из журнала. Папа помог мне сварить трубы, мама сделала из искусственной кожи подушки безопасности на раме и руле, и получился настоящий тяжеленный BMX, я на нём прилично себе шишек набил!

В 8 лет папа отвел меня в музыкальную школу, класс аккордеона. Я не был этому рад, но учился, играл на нём классику, ездил на конкурсы. Вторым инструментом обязательно должно было быть фортепиано, но в нашей квартире его некуда было ставить, поэтому я ходил заниматься в школу рано утром, до начала уроков. Я сильно уставал, и больше всего мне хотелось просто вернуться в своей сарайчик, я даже собрал все свои сбережения и хотел купить у родителей свободу. Но они сказали, что нужно всегда доводить дело до конца. И вскоре случилось то, что перевернуло всю мою жизнь. Один преподаватель предложил мне заменить фортепиано бас-гитарой. Я помню, как шёл по улице с этим первым басом от музыкальной школы и думал, что это такое за инструмент – четыре струны, очень интересный низкий регистр. Постепенно я искренне полюбил его. В то же время я начал играть на саксофоне.

В 13 лет меня позвали выступать с одной группой на танцах в Домах Культуры. Остальным ребятам было лет по 18, и мои родители взяли с меня слово не пробовать ни капли спиртного. Слово я сдержал, мне было приятно чувствовать свою ответственность, ведь я к тому же начал хорошо зарабатывать – примерно столько же, сколько мой отец. Не могу припомнить, чтобы я когда-либо просил карманных денег у родителей.

В год, когда я закончил технический университет, раздался звонок: «Привет! Мы группа "Time After Time", выступаем в Риге, но наш басист в отъезде – ты мог бы нас выручить?». В тот же вечер я отправился в Ригу. Это была фанковая, джазовая, фьюжн музыка, а сами ребята – выпускники музыкальной академии. Я остался с ними, мы записали пару альбомов, ездили в небольшие туры по Европе. Мы шли с BrainStorm по соседним тропинкам, но они уже тогда были хедлайнерами.

Когда случилось несчастье с Муминьшем, мне позвонила наша общая знакомая Дайга и спросила, смогу ли я поехать с BrainStorm в Екатеринбург в августе. Я, конечно, согласился, разучил программу, но очень волновался на самом концерте – там была огромная толпа в центре города, фестиваль, много знаменитостей. Мы хорошо отыграли, вернулись домой и занялись своими делами. Ребята стали меня приглашать снова и

снова – так и пошла наша работа. Между нами не было договора, я не задавал вопросов и со мной никто не говорил об этой ситуации, о моём положении. Я не знал, куда мне с ними следует идти вместе, где появляться, а где нет. Про интервью, фотосессии, клипы мне никто не говорил. Я точно знал одно – на концерте я должен быть на сцене и играть. Моё место в BrainStorm – это сложный вопрос, который отнял у меня много сил.

«Где ваш бас-гитарист?», – в один момент стали спрашивать журналисты BrainStorm на интервью. Ребята каждый раз отвечали, что у меня дела, именины, я заблудился и т. д. Это задевало меня, и я попросил Айю, чтобы ребята говорили правду. Я сотрудничаю с группой как музыкант, исполняю роль басиста, назовите меня другом или коллегой, но не делайте из меня виноватого, потому что я очень ответственный человек. Ребята тогда извинились и постарались так больше не делать. Но вопрос остается открытым все эти 16 лет.

Для себя я решил, что мы друзья по работе, хорошие коллеги. Как в офисе – вы же не обязаны быть близки с каждым сотрудником. Мы можем здорово проводить время вместе, разговаривать на общие темы. По отдельности ребята совсем другие – а вместе у них включается особый режим, каждый держит свою территорию, как лебедь, рак и щука.

Я ни с кем из них не говорил откровенно о своих чувствах, но после фильма «Между берегами» группа знает об этом и вряд ли думает: «Эй, да у него всё хорошо, нет проблем!» Я предполагаю, что у них может быть две причины оставлять всё как есть: во-первых, их юношеский закон о том, что состав BrainStorm неизменен, а во-вторых, возможно, финансовый вопрос, ведь они все акционеры в группе.

По моим ощущениям, этот поезд для меня уже ушёл. Возможность запрыгнуть в последний вагон была, когда мы с Ренарсом вместе писали альбом «Wonderful Day» у меня дома. Мы очень много времени проводили вместе, сочиняли латвийские версии текстов, шутили и смеялись, как дети. Это был очень тонкий творческий процесс.

Никогда прежде я не делал так много, не вкладывал столько своих идей в BrainStorm. Я был рад, что мы с Ренарсом гармонично работали и прислушивались друг к другу. Мне казалось тогда, что это тот самый момент, когда всё и может случиться. Но в день презентации альбома я увидел, что ничего не изменилось. Я просто ушёл и понял, что для меня это был последний шанс стать полноценным членом группы. Думаю, сейчас в этом уже нет смысла.

У всего на планете есть своё время – цветение растений,

созревание фруктов. Уважение и благодарность человеку должны быть показаны вовремя, иначе они теряют свою цену. Наверное, я бы и сейчас радовался, если бы вдруг ребята взяли меня в группу официально, однако для меня это бы уже мало что изменило. Но несмотря на всё это, мне нравится быть с ними, в группе хорошая, добрая атмосфера, во многих вопросах команда слышит друг друга, стремится к комфорту. В поездках всегда весело, все смеются, общаются. В BrainStorm все стоят один за всех и все за одного, как мушкетёры. По большому счёту, всё хорошо. Но вопрос, о котором я говорю выше – есть. Это как чёрное пятнышко на изумруде.

Запись видеоклипа «Ziemu apēst» в студии латвийского радио, 2015 год

Выпускной музыкальной школы, 1992 год

Выпускной в детском саду, 1983 год

Свобода

Кто-то смотрит из окна,
Площадь сонная видна,
И мир весь застыл и замер,
Как будто пауза в записи видеокамер.

«Контакты», BrainStorm

Его глазами мы видим главных музыкальных героев двадцатого века. Nirvana, U2, Depeche Mode, David Bowie, RCHP, Metallica, – Антон Корбайн снимает в Юрмале обложку для альбома BrainStorm. Работа почти завершена, как вдруг ребята убегают в палатку, а Ренарс на ходу бросает: «Антон, ты мог бы, пожалуйста, постоять тут минуточку, только камеру не выключай, вдруг что случится!»

И ведь случается. По балтийскому побережью пробегают четверо американских президентов, все на одно лицо и совершенно голые. Антон не растерялся – снял. Но Рейганы свои маски не снимают никогда. Именно в них они появляются на сцене из огромных женских грудей, швыряют пенопластовые колонки в зал и разбивают друг другу лица, так что кровь хлещет по шее, а у барабанщика Петры Калнберза остаётся шрам на брови. Гитарист Отомарс Штубис, как божество танцпола, появляется в ослепительном неоновом купальнике, и тут же в него на пятой скорости врезается велосипед клавишника Уве Свенсонса. Рейганы чтят только одно правило – ни минуты трезвости. Они могут опрокинуть поцелуем телеведущую, заставить зрителей раздеваться, поймать кремовый торт лицом и даже появиться посреди концерта BrainStorm. Раскачивая лимузин изнутри, Рейганы въезжают на стадион, где идёт репетиция национального праздника песни. Вмиг овладев многотысячным хором, они поют «Es Eju Kost» – видео есть на Youtube.

О других эпохальных выступлениях вспоминает солист Карлис Акуперс: «А вот Рейганы поют психоделическую песню в стиле Pink Floyd на новогодней телесъёмке. Звучат слова "полна Рига полицейских, полна Рига онанистов", а я надеваю ростовой костюм толстой свиньи, бегу на одном месте прямо перед носом президента Латвии и думаю: "Интересно, о чем думает в этот момент президент?"».

Ранним утром 1 января 2000 года Рейганы выпустили первый

альбом тысячелетия. Он был записан за пять дней на «Easy Willa studio» в доме Изидора, отца солиста Акуперса. Рейганы – это альтер-эго любого приличного юноши, первобытная энергия и резвый панк-рок 1970-х. Есть ли у них что-то общее с BrainStorm? Они отрицают. Ведь пока на тебе маска – можно всё.

Только не в 2020 году. Мир надел совсем другие маски и сузился до размеров экрана смартфона. Границы закрыты, концерты отменены, социальная паника звенит в атмосфере. BrainStorm продолжают работу над новым альбомом, каждый из своей домашней студии. Они продолжают быть собой, сочинять песни, стримить эфиры и ждать перемен. Карантин стал большим экзаменом для каждого, но это лишь период, точка на линии жизни. Пока все сконцентрированы на своём личном пространстве, самое время узнать, в чём же она, наша внутренняя свобода. И, подойдя к зеркалу, спросить: «Маска, я тебя знаю?»

Марис Михельсонс:

Изоляция – это странный период жизни, многих он пугает, как Третья мировая война. Когда начался карантин, мои дети не смогли прилететь ко мне на каникулы из Австрии, у BrainStorm отменился тур, весь мир внезапно стал на мощный стоп-кран. Сейчас мы не знаем, что будет дальше, ситуация меняется каждый день. Может, в каком-то смысле это хорошо – мы слишком много бегаем в обычной жизни. Пришло время, чтобы остановиться, оглядеться вокруг, увидеть своих близких и побыть с ними рядом. Это ведь просто, но обычно нам всегда что-то мешает. Лично мне очень не хватает реальных встреч с Ренарсом, Мэджиком и Каспарсом. Мы из поколения, когда дружба создавалась в реальной жизни, не в интернете. Можно сколько угодно творить на своём домашнем компьютере и общаться в WhatsApp и Zoom, но в настоящую музыку это превращается, только когда мы вместе. Что такое вообще концерт? Это эмоция, которую ты видишь, слышишь, получаешь от рядом стоящих людей – это работает только вживую.

Мне повезло, что я застрял не в городской квартире, а на природе. Я могу пройти километр в любую сторону и не встретить ни души. Я часто поднимаюсь на гору, смотрю вниз и задумываюсь, как нам много дано, какой красивый мир вокруг, как много возможностей. Думаю о том, какой я маленький человек в этом мире – и в то же время, какой большой, раз могу так много сделать на своей земле. Мы часто не ценим самых простых вещей, а ведь они могут закончиться без предупреждения.

В 18 километрах от Риги есть мемориал Саласпилс. В годы

Второй мировой войны здесь был концлагерь, который особенно известен тем, что среди узников было очень много детей. Теперь вся огромная территория покрыта бетонными плитами, под которыми лежит земля и пепел от сожженных бараков и погибших людей. Вместо ворот – узкий просвет в бетонной стене с надписью «За этими воротами стонет земля». Это очень впечатляет – кажется, будто тебя сейчас придавит. Вокруг никого, только игрушки на месте детского барака.

Ты шагаешь один в тишине и думаешь – Господи, как же это было страшно…

Мой дедушка прошел войну, был в плену, бежал, но никогда не рассказывал об этом. Я маленький иногда спрашивал его: «Деда, а ты стрелял?». Он отвечал: «Ну не-ет, малыш, что ты!»

Надо ценить, что мы живём в другое время. Мы ведь сейчас гораздо свободнее даже в условиях строгого карантина.

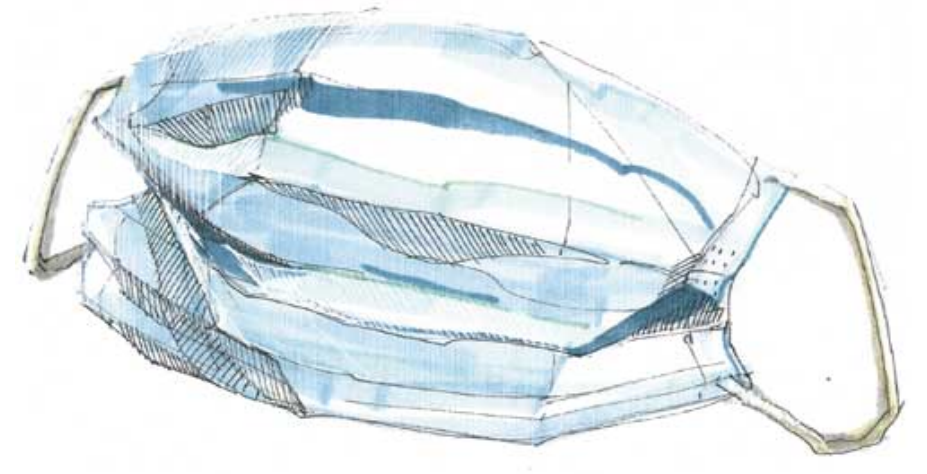
Есть поговорка, что каждый мужчина должен в своей жизни посадить дерево, вырастить сына, построить дом и убить змею. Я считаю, что в попытке выполнить всё по пунктам ты загоняешь себя в клетку. Счастье не приходит по распорядку, не наступает после определённого рубежа. Как ты можешь знать, что непременно будешь счастлив, если купишь новую машину или сковородку? Это ловушка. Латышский поэт Имантс Зиедонис сказал: «Одного большого счастья нет, есть лишь мгновения радости, из которых оно складывается». Эти слова, кстати, есть в латышском варианте нашей песни «Пропуск». Если это понять, станет гораздо легче. Вот посадил я вчера вишню – простой, счастливый момент!

Или день ангела у близкого человека – можно просто побродить по тропинкам, сосиски на костре пожарить, заварить чай в термосе. Сидишь на бревне, смотришь, как горит огонь, течет река, курлыкает – это свобода и счастье!

Если бы можно было вернуться в любой момент из прошлого, я выбрал бы день, когда научился кататься на велосипеде. Мне было четыре года, у меня был велосипед с дополнительными колесиками, и мой старший брат бежал за мной и поддерживал. Вдруг я почувствовал, что уже никого рядом нет, оглянулся – а брат уже далеко-далеко, я еду сам!

Это было чудесное ощущение – научиться чему-то совершенно новому, стать независимее. А уже позднее, лет в тринадцать, я увлекся экстремальным катанием на BMX. На одной из тренировок я очень разогнался, нога соскочила с педали, я сильно шваркнулся плечом об руль и улетел головой в асфальт. Это была самая сильная боль в моей жизни – я лежал на спине и краем глаза видел, что ребята сделали круг, потом ещё

один и, наконец, подбежали ко мне.



До больницы было всего метров пятьсот, меня положили на заднее сиденье машины, и мы ехали очень медленно, потому что малейшая кочка причиняла ужасную боль. В больнице одна крупная и решительная сестричка так хватила меня за плечи, чтобы сделать рентген, что я потерял сознание. Очнулся – гипс! Причём прямо футболочкой, на весь торс, плечи были зафиксированы. Вот она, несвобода – я не мог нормально достать руками до собственного рта, и чтобы съесть кусочек хлеба, я клал его на край стола, а затем приседал и брал ртом, как кот.

Рубрику «Мои нелепые падения» возглавляет знаменитый случай в Вентспилсе. Лето, поляна, стадионный концерт BrainStorm. У сцены длинный подиум в публику, мы отыграли на нём песню и пошли обратно, на основную сцену. Люди тянут руки, я такой радостный – дай, думаю, хлопну кого-то по ладони! Хлопаю и тут же поскальзываюсь на влажной сцене, начинаю падать и думаю: «Блин, как нелепо я сейчас выгляжу. За фонарики не схватиться – оторвутся. Внизу железный отбойник, чёрт возьми, спиной на него неохота падать. А ну как спину сломаю, и концерт из-за меня закончится. Боже, как же это глупо… К счастью, я свалился удачно, тут же вскочил и побежал к сцене. Там внезапно упираюсь в охранника – а у меня и бейджика-то нет, он думает, что я фанат безумный. «Мне на сцену нужно, играть!», – выпалил я и нырнул под сцену, не дожидаясь его ответа. Вернулся на своё место – а никто из ребят, оказывается, даже и не заметил ничего.

Фото сделано в Берлине, где мы записывали альбом «7 Steps Of Fresh Air». Во время съёмки было довольно холодно

Это мы с BrainStorm в туре по Германии. У нас выдался свободный день, который мы провели в горах. Тогда я впервые оказался в горах и катался на лыжах!

Группа Reigani. Это наши хорошие товарищи – дикие, озорные и очень крутые!

Фотосессия для Китая, где у нас выходил сингл «Na zare» с китайским хип-хоп артистом BigYear (DaNian)

Закат в моей деревне, где я провожу очень много времени. Там много места… прекрасный вид с горы на закат… В очередной раз сижу и любуюсь природой!

Ренарс Кауперс:

E-Renars – это нелегальный электронный Франкенштейн, которого создали без моей воли. Он существует в медиа-пространстве – в новостях, рекламе, политике. Вот Ренарс заработал три миллиона в криптовалюте и всем советует этим заняться. Вот Ренарс рассказывает, как было здорово жить в

Советском Союзе, ведь в ту пору ему было четырнадцать лет, и он был помощником министра культуры Латвии Раймонда Паулса. Я не имею к этому никакого отношения – это профессиональный троллинг и коммерция на моем образе. К сожалению, пока интернет-полиции не удается это контролировать, поэтому мошенники вольны делать в сети всё, что им вздумается.

С информационной волной связана самая сильная эмоциональная боль в моей жизни. В 2015 году BrainStorm впервые выступили в качестве хедлайнеров фестиваля Нашествие. В национальных новостях вышел репортаж, где летят российские военные самолёты, люди карабкаются на танки – и тут же поёт BrainStorm. А дело в том, что в каком-то уголке на территории фестиваля была размещена выставка военной техники. И если смонтировать кадры оттуда, а потом показать сцену, может показаться, что BrainStorm и правда на танках выступает.

Ситуация с Крымом и Украиной тогда была очень острой, Латвия осуждала действия России, и нас буквально объявили врагами народа и изменниками Родины. По всем СМИ шли дебаты, оскорбления, резкие заголовки, унизительные карикатуры и шаржи. «Кауперс – предатель!» – на меня, как на фронтмена, давление было огромным, а ведь я даже не видел вживую этих танков. Я не знал, куда деваться, плохо спал, был действительно напуган. Мы не понимали, как реагировать и отвечать – ведь любое слово BrainStorm тут же использовалось против нас. Я был в западне, как загнанный зверь. Пять лет спустя я всё ещё чувствую в себе тот страх, осторожность и боль, только начинаю из этого выходить.

Это пример того, что артисту надо иметь границы, которые он не должен переходить, если хочет остаться цел.

Несколько лет назад Григорий Лепс пригласил BrainStorm выступить на новогоднем концерте. А господин Лепс на тот момент был в чёрном списке, ему запретили въезд в Латвию.

Конечно, мы крепко задумались, стали спорить между собой. Каспарс говорил, что надо обязательно ехать, границ нет, мы свободные артисты! Но я понимал, что снова польётся грязь, и в первую очередь – на меня. Что бы ни делал BrainStorm, крайний всегда Кауперс. И я сказал: «Нет. Я уже пережил это один раз и не хочу повторения».

BrainStorm – группа аполитичная, мы хотим просто играть музыку и нести людям радость. Не линии на глобусе определяют, кто хороший, а кто нет, в каждом народе есть разные люди, это не вопрос национальности. На концертах все становятся равны, когда вместе поют одну песню, создаётся дружба людей вне убеждений, это поразительная сила. Как говорил латышский поэт

Имантс Зиедонис, «времена не важны, важен человек». Мы как Бременские музыканты: «Мы своё призванье не забудем, смех и радость мы приносим людям». Но в то же время я не готов приносить в жертву самого себя, поэтому стопроцентной свободы у меня в этом вопросе нет. Иногда приходится взвешивать и решать, чем поступиться – своими убеждениями или собственным эмоциональным здоровьем.

Говорят, если хочешь изменить мир – начни с себя. Я часто ловлю себя на мысли, что «я только капля в море, но без меня море было бы другим». Капля BrainStorm – это наши песни. Я знаю, как музыка влияет лично на меня – бывает, что чья-то песня попадает в самое сердце, помогает вскрыть огромный стресс, который копился в тебе годами. Ты сидишь и рыдаешь, понимая, что песня как исповедь, она тебя очистила и освободила. Мы делимся друг с другом своими чувствами, мы люди, мы все похожи. Это наш мир, мы меняем его своими поступками – BrainStorm 30 лет делает своё дело и нам это нравится. Но мы, разумеется, существуем в этом мире не только в группе – а каждый сам по себе.

В прошлое воскресенье я ехал в детский театр, в Валмиере, где иногда играю, и остановился на заправке. Ко мне подошёл человек, было видно, что он, скажем так, много времени проводит под открытым небом. Он увлечённо мне что-то рассказывал, я дал ему чуточку денег, он обрадовался и стал ещё охотнее мне рассказывать свою историю. Я проникся к нему, задумался, растрогался… Человек был глубоко несчастен из-за своей судьбы, что он вынужден так жить – дождь идёт, копеечку надо, не клеится всё. Но в то же время он был настолько рад жизни, настолько открыт и свободен – он меня веселил, напевал песню! Две совершенно полярные эмоции. Он запал мне в душу. Я зашёл в магазин, купил два круассана, дал один ему, один себе, мы перекусили. Мне было тепло на душе, что я хоть на минутку, но смог ему помочь, сделать что-то хорошее незнакомому человеку. Я уехал по своим делам, выступил в театре, а потом ещё часа три спустя после спектакля посмотрел в телефон, а там друзья написали: «Ренарс, вернись на заправку, заплати за бензин, пожалуйста». То есть я настолько улетел с этим моментом, что забыл обо всем! Когда я вернулся туда, чтобы заплатить – того человека уже, конечно, не было.

Тут, очевидно, ребята видели в журналах, как фотографируются настоящие группы 1990-х. За спинами бушующее Балтийское море. Не сомневаюсь, что мёрзнем

Антон показывает снимки Polaroid. Такие он делает перед каждой фотосъёмкой на каждой локации. Носы красные – ноябрь на дворе

Кажется, я пытаюсь убедить ребят, что в моих руках новый хит! Публика явно очень заинтересована

Да, морской ёж – он почти вот такой!

Каспарс Рога:

Я не готов даже миллиметра своей свободы отдавать за что бы то ни было. Бренд BrainStorm в Латвии достиг того уровня, когда больше не принадлежит нам на 100 %. Он стал национальной ценностью, народ считает себя его частичкой, и у каждого человека есть своё мнение, как мы должны себя вести. Это накладывает ответственность, но не должно ломать нам хребты. Я понимаю, почему Ренарс тогда сдал назад в ситуации с

Григорием Лепсом, он более чувствительный и дипломатичный в этих политических моментах, а я более радикальный, порой бескомпромиссный. После «Нашествия» нас называли Кангарсами – это лютый злодей из латышского эпоса «Lāčplēsis», «во всём горе Балтии тяжко повинен именно он» (с). В комментариях писали, что мы сосём Путину, а мы отвечали, что «играем для людей, а не для флагов». Это всё моя острая проблема – несправедливость в мире. Я не хочу, чтобы политические игры нарушали мои конституционные права. Мне кажется, что BrainStorm должен добавить смелости к своей гражданской позиции, придерживаться здравого смысла и не позволять собой манипулировать.

Весь наш мир весьма относителен. Стоит надеть очки виртуальной реальности, и уже все законы физики, по которым вы жили много лет, будут сметены. Вы будете смеяться, кричать, бояться и радоваться, то есть среда станет альтернативной, но ваши чувства будут настоящими. Лет через 100 люди смогут моделировать другие миры и жить в них, и где уверенность, что сегодняшняя реальность уже не придумана кем-то из будущего?

Это может казаться глупым, но людям свойственно отрицать невероятное, пока оно не станет естественным.

Когда я впервые попробовал грибы, я испытал шок. Сначала было просто смешно. Затем краски на ковре стали гиперяркими, начали перемешиваться, стены размякли, потолок провис – всё изменилось. Я не понимал, где нахожусь, было ощущение, что я умер и попал в другой мир. Я пошёл в туалет, стою, извините за детали, писаю, а сбоку от меня висит зеркало в полный рост. Я покосился на него, а моё отражение вдруг повернулось ко мне лицом, сложило руки на груди и засмеялось. «Всё, Рога, это конец», – успел подумать я и выбежал. Самое жуткое, что со стороны ты выглядишь обычным, может быть, слегка пьяным, поэтому никто не верит тому, что ты несёшь «из другого мира».

Мы поехали домой на такси, я был на заднем сиденье, и вдруг водитель оборачивается ко мне как в фильме «Страх и ненависть в Лас-Вегасе», его рот становится больше головы, и он голосом пластинки на медленных оборотах говорит: «Куу-даа ваас веезтии?» Я просто вжался в кресло. Мы едем дальше по дороге, а деревья, будто щупальца осьминога, обвивают машину. Это было адски страшно. Почему я это рассказываю? Потому что после всего этого я чётко осознал, что мы ничего не знаем об этой реальности. За тридцать секунд ты можешь потерять себя и всё то, к чему привык за всю жизнь. Где гарантия, что мир таков, каким мы видим его обычно, а не совсем другой?

До 29 лет я перепробовал все наркотики, кроме внутривенных. Я дошёл до края, когда вечер стал укладываться в цикл от одной дорожки до следующей, а всё остальное – тусовка, девушки, общение – стало безразлично. Единственное, что меня держало в какой-то узде – это концерты. Я ни разу не позволил себе выйти на сцену под кайфом, барабаны не прощают расфокуса. Музыка и необходимость ради неё быть в форме

позволили мне не съехать с оси окончательно и даже, возможно, выжить. В один момент я просто сказал себе: «Всё, спасибо, это тупик».

Я перезагрузился и получил новую свободу. Я никому не советую пробовать, нужен сильный характёр, чтобы с этим покончить и не попасть в западню.

Проблема в том, что все люди наркоманы. Мы зависим от своих ощущений, хотим повторить их, чтобы снова было хорошо. Не надо это путать с детским восприятием мира, которое как раз необходимо – пока нам хочется снова и снова заглянуть за забор, игра стоит свеч. Но я думаю, что само по себе счастье – это уловка для глупцов. Не должно вообще существовать такого слова, потому что, как только вы определяете себя счастливым или нет, начинаются все проблемы. Бежать за счастьем означает сидеть в капкане.

Да, человек – эмоциональное существо, но ему дан ещё и разум. Нужно осознать, что качество жизни определяется не этим, надо пытаться себя уравновешивать.

Конечно, я и сам пока далёк от этого, я завишу от множества страстей. Когда я выхожу из бани и стою разговариваю со всей Вселенной, это единственная моя просьба – дай мне понять, как всё это работает, просвети меня. Освобождение, наверное, выбивается клином, но сейчас я пока не готов нырнуть во все круги Данте. Надеюсь, что наступит момент, когда я смогу отречься от всего, не обидев при этом никого. Это мой путь, и я должен его пройти. Только перестав эмоционально зависеть от других людей, можно обрести баланс.

Потребность в личном пространстве растёт с годами. Треть жизни я провёл с ребятами из BrainStorm, недостатка в нашем общении точно не наблюдается.

Постепенно уходят общие темы, на которые мы можем говорить все впятером – обычно все разбиваются на группы внутри группы. Автомобили, эзотерика, домашнее хозяйство, философия – кому что. Мэджику неинтересно слушать, что сказал Садгуру, а мне – кто где прибил новую полку. Я вообще люблю уезжать сразу после концерта – все смеются, что первый шатл мой, но мне правда необходимо сбросить эту энергетику и продолжить вечер уже в другом месте, например в лобби отеля. Помню, как только мы смогли себе это позволить финансово, мы перестали жить по двое в одном номере. Это играет огромную роль в том, чтобы сохранять хорошие отношения и самому быть в форме, потому что любой сосед может раздражать – Марис, например, первым делом открывает окно, даже если холодно, а Ренарс поднимается в 7 утра и начинает распеваться.

Мэджик любит грызть семечки, а я лечь поспать днём перед концертом. Хотя это ещё цветочки, если сравнивать с тем, что мы устраивали в отелях все вместе.

Помню, в Швеции мы выиграли один фестиваль и устроили такой дебош в гостинице, что на следующий год нас уже не позвали выступать, хотя должны были по правилам. Тот вечер кончился полицией. Шведский стол в ресторане сервировали на декоративных лодках со льдом на колесиках. Меня посадили в эту лодку и катали по лобби. Мы полезли купаться в бассейн в лобби отеля, он был шириной метра полтора и глубиной сантиметров двадцать – представьте в нём взрослых мужиков! Мы так плескались, что затопили антикварный рояль. Ещё мы затащили в лифт бронзовую статую метрдотеля, и он долго катался по этажам, распугивая постояльцев. А в номер босса рекорд-компании Гунтарса Рачса мы занесли все картины и тренажёры, которые только нашли. Наш концертмейстер где-то потерял штаны, нашёл их только через сутки. Всё это было весело, прекрасно и совсем не стыдно! Свобода и рок-н-ролл.

Кадр с московской фотосессии, которую мы делали к большому сольному концерту «30 музыкальных историй» в Крокус Сити Холле, 2019 год

Фотосессия с Антоном Корбайном в рыбацком поселке для нового альбома BrainStorm. В этот же день мы сняли для нашего alter ego, проекта REIGANI, несколько кадров на берегу моря… в чем мать родила

Фотосессия к альбому «Шаг». В Латвии есть большой радиолокатор – там очень дикая атмосфера. Мы тогда работали с продюсером Gustavo, он был рэпером, и мы тоже немножечко в рэп-образах

Янис «Мэджик» Юбалтс:

Без денег в социальном мире не выжить. Трудно быть счастливым уличным музыкантом, которому кидают в шапку хлебушек. Хорошую гитару на овцу не выменяешь. Деньги помогают расслабиться, дают больше свободы, в том числе творческой. Ты можешь поехать куда угодно, поймать эмоцию, которая вдохновит тебя что-то сочинить. Я помню, когда купил свою первую двухкомнатную квартиру, в которой не было ни кровати, ни вилки, я ощутил чувство абсолютной свободы и независимости. Но это не было в первый раз.

Впервые я испытал это чувство в 14 лет. Друзья позвали меня на речку, там проходили тренировки на водных лыжах. Я был потрясён, сразу увлёкся и стал заниматься. С наступлением зимы стало ясно, что необходимо продолжать тренировки, но уже на горных лыжах. Надо понимать, что в конце 1980-х горные лыжи – это закрытый клуб для избранных, куда входит только профессор Мориарти! Настоящий космос, я себя даже представить там не мог. Но папа моего одноклассника дружил с тренером Сборной России по горнолыжному спорту, и он начал с нами заниматься. Когда я впервые взял в руки слаломные лыжи, я несколько минут просто молча смотрел на них и понять не мог, как же это может быть настолько круто. У меня тогда были простенькие советские лыжи и ботинки на кожаных ремешках.

Однажды ночью на склоне мы были одни. Мы поставили специальные большие лампы, запустили трос – и началось волшебство. Тихо падал пушистый снег, над головой было тёмно-синее небо с яркими звёздами. Я медленно покатился, и от ламп по сугробам поползли громадные тени, как в кукольном театре. Единственный звук – это тихий шорох лыж и моё дыхание. Это было нечто невероятное, я был потрясён красотой момента… Отныне моей целью стало заработать на фирменные лыжи с ботинками и поехать вместе с ребятами кататься в Кировск на настоящие высокие горы. Всё лето мы сами готовили гору к новому сезону – косили траву, ремонтировали тросы. Добираться приходилось на двух электричках и автобусе, поэтому мы оборудовали там вагончик для жилья и баньку. Я стал подрабатывать со старшим братом, ремонтируя квартиры, играя на свадьбах. Я должен был заработать 160 рублей, в то время это были космические деньги – стакан газировки с сиропом из автомата стоил 5 копеек, а на 3 рубля мы могли с ребятами впятером после школы пообедать в кафе.

Я смог это сделать. Я купил лыжи, поехал с друзьями в Кировск, и горы просто взяли меня в плен! Я был счастлив,

эмоции зашкаливали от этой красоты, единения с природой и полной свободы – причём во всём. Помню, в гостях у друга нашего тренера по фамилии Беляев на столе стояла красная икра. Мы аккуратно взяли хлеб и стали намазывать тонким слоем. «Ребят, что вы делаете? – удивился хозяин, – вот так нужно!» И он зачерпнул икру большой ложкой. Я совершенно обалдел, у нас тогда ничего подобного дома и быть не могло. На следующий день надо было идти кататься, но у нас не оказалось пропусков для подъёмника.

Беляев вырвал из дочкиной тетрадки по математике листочек в клетку, подписал его и поставил дату. Удивительно, но мы с этими бумажками так и катались по всей горе!

Любовь к горам, к этому ощущению свободы и счастья, осталась со мной до сих пор. Я много где побывал, но хочется ещё на Камчатку – говорят, там одно из топ-мест в мире для катания. Однажды я поехал в Грузию на хелибординг – это когда вертолёт забрасывает тебя на вершину горы, и ты катишься по нетронутому склону. Была фантастическая погода – солнце и безветрие. Вертолёт полетел за другой группой, я остался на белоснежной вершине один. Снег сиял, как алмазная крошка, небо абсолютно синее, ни единой души на многие километры вокруг, я один. Звоню жене и говорю: «Даце, это нереально. Не знаю, что со мной происходит, но я просто люблю мир.

Любовь вокруг меня, а я, как губка, всё впитываю. Извини, что мы иногда ругаемся, и с детьми бывает тяжело, но какое

блаженство быть живым!» Пятнадцать секунд паузы, и жена отвечает: «С тобой всё в порядке, ты где? Может, доктора прислать?» Я уверил её, что всё в порядке и поехал вниз.

В такие моменты я просто отдаюсь этим чувствам и лечу. То же самое я ощущаю во время наших концертов – чувство полёта и горячей радости друг за друга, за нашу группу. Не каждый раз, но иногда это случается. Другие люди называют это чем-то необъяснимым – но для меня это вполне понятное, реальное чувство, я его знаю. Может быть, я не поэт и не очень хороший музыкант, я не могу передать это состояние в нотах или словах, а может быть, оно и непередаваемо. Но это абсолютная свобода и единение с миром. Это мой Бог.

Фотосессия в Берлине

Гудаури, Грузия. Первое катание. Хелибординг – фрирайд с вертолёта

Радость держать в руках человека, который побывал в космосе. И, может когда-нибудь самому получится почувствовать невесомость, как удалось это Сергею Рязанскому

На презентации альбома «Online», 2001 год

Любим дурачиться! В компании Антона Корбайна, перерыв в фотосесии

Антон Корбайн (Anton Corbijn):

Я помню, как увидел их впервые. BrainStorm показались мне настоящим глотком свежего воздуха, волной молодой энергии, веселья и радости. При этом в них было серьёзное желание задать

новый вектор своей карьере, и я был рад им помочь, чем мог. Я согласился снимать BrainStorm, потому что, во-первых, мне просто понравилась их музыка, а во-вторых, всегда интересно знакомиться с людьми за пределом очевидного круга твоих потенциальных жертв, скажем так. В свой первый визит в Ригу я больше всего запомнил две вещи – очень холодно и очень темно. Для меня было особенно тяжело работать на холоде с камерой, поскольку мои руки быстро замерзают из-за низкого кровяного давления. Так что это было настоящим испытанием на прочность. Однако мы тогда славно поработали – удалось найти очень колоритную старинную часть города, причём не в центре, а за рекой.

Я только сейчас узнал, что их басист Муминьш отказался от столь необходимой для него поездки ради нашей первой фотосессии. Для меня это невероятно значимо и трогательно. С его стороны это очень важный и чуткий поступок по отношению к своим друзьям. Я был с ребятами на концерте группы Мумий Тролль в 2004-м и сделал там, получается, последнюю фотографию Муминьша: он разбился по пути домой с этого концерта. Я думаю, что гибель Муминьша ещё больше сплотила BrainStorm как единое целое. В нашу первую встречу я ещё мало знал о том, что за отношения их связывают, какова их история, но я сразу заметил, что они очень заботятся друг о друге, а это качество любой действительно великой группы. По моим наблюдениям, секрет долголетия группы кроется именно в таланте её участников работать вместе, принимать друг друга, ладить. В сущности, это можно сравнить с браком. Нельзя просто взять четырёх ярких личностей и позволить им действовать в четырех разных направлениях – они просто перессорятся и не сдвинутся с места. Для достижения общей цели эти личности должны стать четырехголовым драконом! И на мой взгляд, BrainStorm – это именно такой монстр. Видно, что они уважают и ценят друг друга, и им действительно приятно находиться вместе, а это большая редкость.

Концерты BrainStorm – это всегда фантастическая атмосфера, прекрасная аудитория, впечатляющая сценография Ника (так я называю Каспарса) и чувство абсолютного счастья. Я бывал на их концертах несколько раз, однажды привёз Мэджику крошечный подарок – гитарный медиатор от Кита Ричардса, он попросил «передать привет парням, которые разогревали Rolling Stones». Я был потрясён уровнем, которого достигли BrainStorm – однажды к ним на сцену поднималась даже президент Латвии. Я понял, что поначалу сильно недооценил масштаб их популярности в родной стране, они большие молодцы. Тем труднее признавать, что

BrainStorm, по большому счёту, не существуют на Западе. Много лет они дают в разных городах концерты, но на них приходят, я боюсь, в основном, латыши и русские.

Дело в том, что для любой европейской группы, которая играет хорошую поп-музыку, пробиться и стать заметной – это очень сложная задача. Для настоящего прорыва необходимо броситься в такие крайности, как, например, Kraftwerk или Rammstein. Однако, я считаю, BrainStorm занимают очень выгодные позиции в Восточной Европе.

BrainStorm умеют удивлять. Я помню, как однажды посреди нашей фотосессии, без объявления войны мимо меня пронеслись четверо абсолютно голых парней в масках американского президента Рональда Рейгана. Для меня это был настоящий «Prāta Vētra» – мозговой штурм, умственная буря, как угодно. Смелое, забавное и концептуальное произведение искусства. Но это, конечно, ещё не самое страшное, что мне приходилось видеть в жизни. Если говорить о полной раскрепощённости, то мне вспоминается случай с одним английским музыкантом, который, кстати, в этому году скончался. Его имя Дженезис Пи-Орридж, и однажды он просто снял штаны и попросил сфотографировать крупным планом его пенис с нагноившимся пирсингом и татуировкой. Приятного в этом было мало, поэтому я использовал свой самый длинный объектив, чтобы держаться от этого парня подальше. Это было в Берлине году в 1981-м, те фото никогда не были опубликованы.

Я всегда думал, что путеводной звездой для BrainStorm были A-Ha и очень удивился, узнав, что это Depeche Mode – видимо, неслучайно. Они – прекрасный пример того, как группа много лет занимается своим делом, создает музыку и даёт мощные концерты. Если в двух словах, то Мартин – нежная душа и потрясающий автор песен, а Дейв – рок-звезда и прекрасный артист. Они довольно разные люди, но очень хорошо работают вместе как команда. Они оба очень приятные люди. Я помню, как мне в голову пришёл образ из клипа «Enjoy the silence» – горы, мантия, свобода. Всё это родилось из строчки «words are very unnecessary». Если честно, для меня лично – это высшее проявление свободы: принимать любую мысль в своей голове и уметь что-то из неё создавать. На сегодняшний день по десятибалльной шкале я бы оценил свою свободу в творчестве, чувствах и самовыражении на девятку, которая вовсю стремится к десяти.

Я помню, когда испытал это чувство впервые. В детстве после школы я частенько прятался – в деревне, где я вырос, был очень маленький мост, под который я залезал, чтобы меня никто не

нашёл. Честно говоря, у меня особо не было друзей, и в те моменты я впервые ощущал свою полную свободу. В следующий раз я испытал это чувство уже когда нашёл камеру – или, может быть, когда камера нашла меня.

Сейчас я заканчиваю большую книгу о Depeche Mode для «Taschen», и я счастлив работать из дома. Обычно мне каждую неделю приходилось куда-то летать, а теперь я просто рад просыпаться в своей постели и завтракать дома. Каждый день в 7 утра я прогуливаюсь вдоль каналов, через «Квартал красных фонарей» (без людей это прекрасное место) и наслаждаюсь невероятной красотой Амстердама.

Я переехал сюда чуть больше года назад, это для меня всё ещё открытие, новое место. Внезапный локдаун и отсутствие туристов стали для меня огромным благословением и свободой. Всё стало необыкновенным – вот и свой 65-й день рождения я встретил пару дней назад дома, на самоизоляции, вдвоём с моей подругой. В молодости я не любил устраивать шумные праздники, но в день, когда мне стукнуло 40 лет, я организовал вечеринку, где ди-джеем был Мартин Гор, а среди гостей – Боно. С тех пор мы с ним не пропускаем дни рождения друг друга, и на своё 50-летие я захотел пригласить и старых, и новых друзей – так Боно и Ренарс оказались в одной компании, и это был сумасшедший вечер. Цифры бессмысленны, важны лишь чувства. Сейчас всё хорошо, но я надеюсь, что все мы скоро выберемся из этого странного периода карантина. Тотальные ограничения не станут новой нормой жизни, но изменения должны произойти, чтобы мир двигался вперёд и к нам не возвращались худшие стороны капитализма и ограничений. Посмотрим!

Рига, ещё одна фотосессия с Антоном Корбайном. Кстати, последняя перед туром 2018 года. Я отращивал усы, чтобы фотосессия к туру визуально отличалась от остальных. Кстати, фото на обложке книги тоже из этой сессии

Призвание

А чего я ждал тогда?
А я ждал себе удивительной судьбы, неповторимой жизни,
Как я хотел всё почувствовать, всё попробовать,
И как можно скорее.

«На заре», BrainStorm/ Евгений Гришковец/Альянс

Перед вами высокий худощавый аптекарь в белом халате и накрахмаленной шапочке. Он с раннего утра взвешивает порошки на точных весах и взбалтывает в скляночках анисовые микстуры от кашля. На его груди висят очки на цепочке – они пригодятся при чтении рецепта. Он мил, учтив, вежлив и деликатен. Его глаза лучатся янтарным теплом, он рад служить людям, занимаясь любимым делом. Аптекарь нелюдим – его часто видят в одиночестве и тихой задумчивости. Его зовут Ренарс Кауперс, и раз в месяц по четвергам он заходит к цирюльнику Марису Михельсону – сыграть в шахматы и обсудить русских поэтов.

Спокойный и крепкий, как грузовик на нейтральной передаче, Михельсон негромко жужжит машинкой и с невероятным изяществом днями напролёт ровняет бороды, подкручивает усы, оформляет бакенбарды и придаёт шевелюрам самые разнообразные формы. Он всегда лично открывает и запирает свою парикмахерскую, едва кивая, будто приятелю, звякнувшему над дверью колокольчику. Иногда после работы он встречает стекольщика Юбалтса, тот приветливо машет ему фуражкой – в доме напротив меняют старинные витражи. Янис Юбалтс носит толстые замшевые перчатки, чтобы спокойно поднимать тяжелые стекла за острые края. На нём жилетка с сотней кармашков, на поясе рабочая кобура с инструментами, на лице краска, а за спиной корзинка, где под льняным полотенцем краюшка ржаного хлеба и литр молока – на ужин.

Смеркается, фонарщик зажигает фонари. Вечернюю тишину узкой рижской улочки разрезает свист хлыста и громкий окрик. С площади, громыхая по булыжнику, мчится двуколка, запряжённая резвой гнедой лошадкой с плотными шорами на глазах. Правит

самый быстрый извозчик города Каспарс Рога, которого никто не видел в статике дольше полутора минут. Хохоча и присвистывая, он пущенной стрелой проносится мимо, подмигнув в витрину Кауперсу, у которого слетели все порошки с аптекарских весов.

Всё это происходит где-то в альтернативной вселенной, вне времени и здравого смысла. В той самой, где музыканты BrainStorm живут другие жизни, возят в Россию вместо песен тюльпаны и капусту, гуляют на балу императрицы, носят пенсне и щёлкают табакерками.

«Будь собой, прочие роли уже заняты», – говорил Оскар Уайльд. Они ведь могли даже не познакомиться друг с другом, просто пойти разными путями. Желание родителей, детские мечты, природные склонности и годы обучения зачастую тихо пасуют перед его величеством случаем. История не терпит сослагательного наклонения, но нам ведь всегда интересно, а как оно могло бы быть по-другому, не так ли?

Каспарс Рога:

Я никогда не хотел быть барабанщиком. Мой одноклассник Райвис Зигмундс в школе снимал небольшие фильмы – я начал выступать в них как актёр и постепенно заинтересовался режиссурой. Это выражаясь современным языком, а тогда в титрах просто писали «автор и со-автор». Наши работы показывали на любительских фестивалях, и мне всё время казалось, что кино – это моё призвание. Но тут вдруг меня позвали играть в группу Prāta Vētra – и я просто сказал «да», потому что это была ещё одна возможность увильнуть от школы.

Я так до сих пор и не понял, кто я такой. Люди, когда начинают карьеру, обычно видят себя в определённой области – для меня это большая проблема. Мне нравится одно, другое, пятое, десятое. Пока есть неопределённость, ты открыт любым возможностям в мире. Но стоит сделать выбор – всё, они для тебя исчезают. Я чувствую, что во мне сидит персонаж Джима Керри из фильма «Yes Man», который всегда говорит «да» и всё никак не успокоится.

Два года я проработал на телевидении оператором новостей. Там была отличная команда, в то время только формировались первые независимые телеканалы. Много репортажей, выездов, я был на передовой. Плюс у нас постоянно были банкеты – стоит ли уточнять, как мне нравилась эта работа?

Ещё я был барменом, но, правда, никудышным. Мэджик вот был отличным барменом в нашем Елгавском Доме Культуры, всегда делал хорошую выручку – а я устроился работать в тот же бар и ушёл в глубокий минус. У меня было много друзей, я

просил кого-то из них присмотреть за баром и уходил на час поболтать по местному телефону с Айей, поскольку не было ещё мобильных.

Очевидно, что минус в такие моменты рождался, а моя карьера бармена погибала. Впрочем, сегодня у меня есть собственное кафе недалеко от дома, мы открыли его пару лет назад вместе с друзьями-рестораторами. Я живу за городом, вроде как специально уехал подальше от городских соблазнов, а теперь вся Рига приезжает ко мне. От себя не убежишь, как говорится.

Первые лет двадцать для нас всех BrainStorm был целым миром. Сейчас это лишь небольшая часть моей жизни. Если он вдруг перестанет существовать, трагедии не случится, Земля продолжит вертеться. Откроются другие двери, и я найду, чем заняться. Это вопрос характёра, и это разнит нас с Янисом и Марисом – для них, я думаю, группа по-прежнему 90 % жизни. Не буду кокетничать, я очень люблю BrainStorm, это мой кормилец, но я не могу сказать, сколько я в нём ещё пробуду.

Искусство без амбиций умирает, мы постоянно должны ставить себе цели, именно на пути к ним я и чувствую себя живым. Мы музыканты, и сцена – наша игровая площадка, наша форма вызова. Будь я маляром, я бы, наверное, рискнул покрасить Великую Китайскую стену. Здесь мы расходимся с Ренарсом, для которого сам процесс создания песни – это уже реализация, а мне нужно больше. Впрочем, мне кажется, Ренарс тоже искатель, он, как и я, стремится к тому духовному уровню, где привязанность становится относительной, не заземляет тебя. Ты понимаешь, что не этим мир начинается и не этим заканчивается.

Когда я был маленьким, мне всегда было интересно, что же там, за занавесом. Помню, я увидел в «Сталкере» Тарковского, как движется стакан, и очень долго пытался это повторить. Не получилось. Но чудеса и всё, что выходит за рамки нормальной жизни, меня интересовали всегда, сколько себя помню. Я по-прежнему их ищу, только теперь внутри себя. Достичь духовной глубины – это для меня и есть смысл жизни.

Я был один в Индии, медитировал и увидел реальную возможность духовного роста. Я уверен, что это мой путь, но не знаю, возможен ли компромисс с BrainStorm, где я много грешу, я чувствую это. Я всегда был максималистом, так что однажды придётся сделать выбор.

Я могу сколько угодно совершенствоваться в игре на барабанах, но идеал недостижим, это never ending story. BrainStorm – это матрица. Единственный поистине творческий, духовный момент – это рождение песни. Но и он не отвечает на

вопросы: кто я, зачем я здесь, в чем моё предназначение.

«Потеряй себя – и найдёшь меня», в этом суть жизни. Мы все играем роли, пока нам это интересно – я музыкант, я политик, я воин, а я вот улицы чищу от снега, я убиваю, а я люблю. Постепенно мы пресыщаемся этим и получаем иммунитет ко всем желаниям. Если представить, что каждый из нас – это мыльный пузырь, то его стенки – это и есть наши зависимости и удовольствия, весь кармический вес. Если избавиться от него, лопнет стенка и ты воссоединишься с воздухом вокруг, ты станешь всем.

Есть красивая притча о том, как богатый наследник покинул свою семью и роскошный дворец, чтобы отправиться на поиски смысла жизни. Он много медитировал, изучал законы природы, голодал, обрёл верных последователей. Он очень ослаб физически. Однажды он переходил реку, и бурное течение едва не сбило его с ног. Он ухватился за посох, уперся в дно и простоял так много часов. Наконец он решил принять неизбежную смерть и разжал руки. В тот же миг он обрёл просветление и вышел на берег. Ученики обступили его, ожидая услышать великую

мудрость. А он просто сказал им: «Что ж, пора перекусить?» Они испытали огромное разочарование, потому что ждали получить истину на блюдечке. Тем человеком был Будда, а его имя означает «пробудившийся».

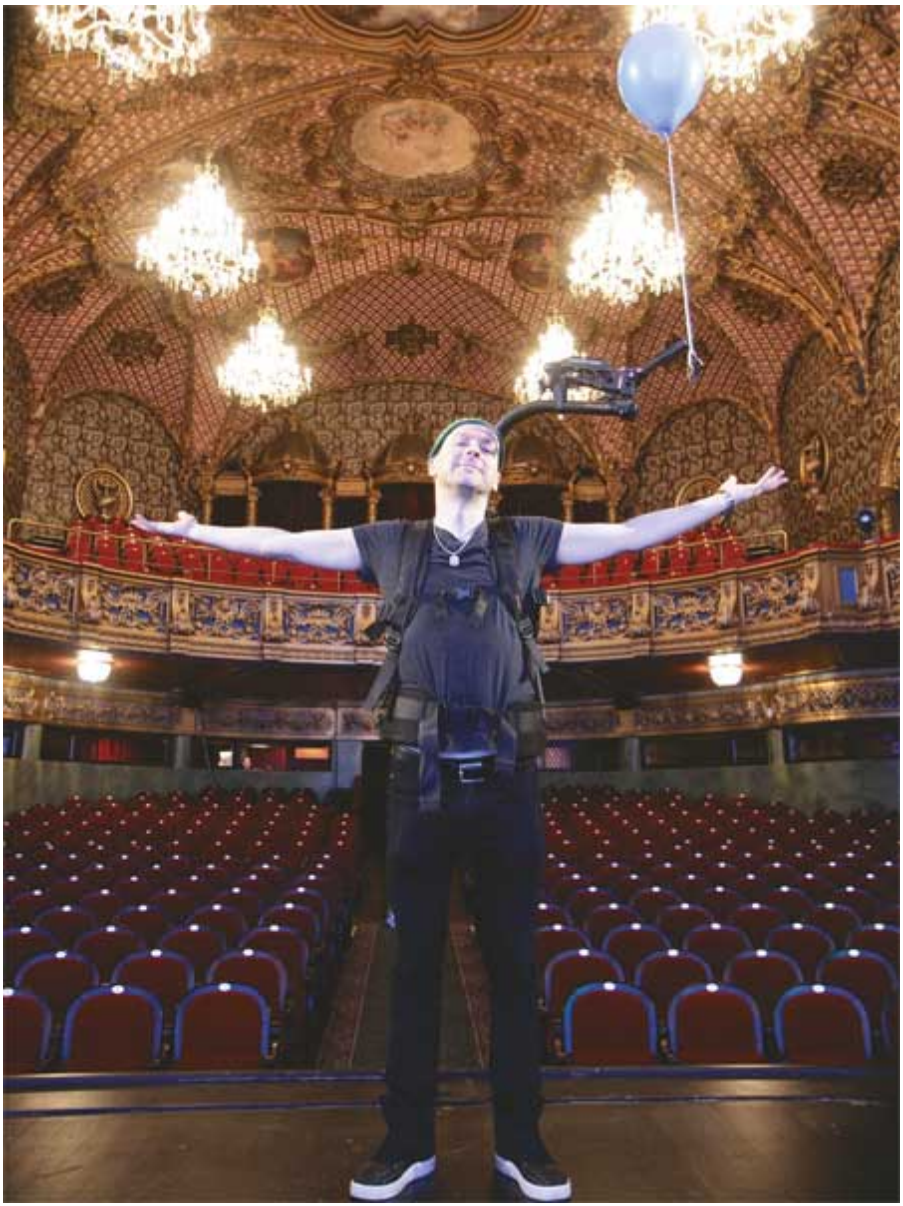
Сложно сказать, какой это концерт, но судя по моему лицу – атмосфера очень радостная. Я всегда играю в этих наушниках. Просто счастливый человек, у которого видно сломанный зуб

Сзади меня знаменитый актёр Артурс Скрастыньш, мы вместе выступаем на каком-то представлении. Нам очень нравилось смешить людей

С этой роли началась моя любовь к кино, у меня на груди написано название фильма – BIRSTITE, что обозначает «швабра»

Я в роли ангела, а в роли черта – Райвис Зигмундс. Именно

этот человек ответственен за то, что частичка моего сердца принадлежит кино



Эта фотография сделана в Таллине во время съемок клипа «Wonderful Day», режиссером которого был я. Мы делали досъёмку, потому что основная часть снималась в космосе и оказалось, что материала недостаточно. На мне специальное приспособление, чтобы легче было держать камеру – я позаимствовал его у оператора для этого фото и вот даже шарик привязал

Янис «Мэджик» Юбалтс:

Многие люди ищут себя в философии и религии, им нужен гуру, чтобы понять, как жить. Они приезжают в Индию, а там с них только доллары собирают. «What the f*ck, what the fake?» – думают они, а повсюду вокруг грязь. Нельзя быть чистым в душе, сидя на куче го*на.

Я предпочитаю узнавать жизнь на практике, а не только читать о ней в книгах. В моменты исканий я крепче упираюсь ногами в землю, мои ответы всегда рядом. Я на стороне физиков в вопросах законов вселенной. Религий много, учителя и мудрецы говорят о разном, а жить мне самому, здесь и сейчас.

Жить только музыкой, ездить на фестивали, выступать – это всегда было моей целью. В юности я всё это видел в своём воображаемом мире и думал, как же это круто – быть артистом. Я не знал ещё, насколько это трудно, всё казалось вечным праздником. С тех пор, как мы с Муминьшем создали группу, другой судьбы я не хотел.

Помню, как в девятом классе 1 сентября мы все собирались в актовом зале школы и рассаживались по классам, нужно было выбрать специализацию. Ренарс оказался в самом умном классе – математическом. Мы с Муминьшем сидели в спортивном. А Рога хотел пойти в гуманитарный, но опоздал, все классы были уже переполнены, а у нас оставался свободный стул. И мы с Муминьшем замахали ему: «Рога, давай к нам!» Так гуманитарий Каспарс оказался в нашем спортивном классе, который потом назвали «класс красивых парней», между прочим.

В группе нас тогда было только двое. Я брал гитару старшего брата, а Муминьшу мама купила простенький синтезатор. Для своей первой песни мы вытащили стихотворение из юношеского журнала «Синичка»: «Сначала был лес, в лесу стоял дом, и кто-то жил в нём. Из трубы пошёл дым, все убежали, а ластик стер все следы». Пел я. Ведь я как Гришковец: «Я хочу петь! Там, в своей голове, я пою чудесно, я пою отлично. А вслух я не умею… и никогда не спою». Потом всё закрутилось – на углу консервного завода я встретил Ренарса и позвал его к нам. Дальше присоединились Каспарс и Михельсон. Я в то время работал в школе сторожем и столяром, у меня были все ключи, так что поначалу мы пробирались и репетировали втихаря. Но постепенно школа про нас узнала, стала гордиться и даже купила нам первую настоящую барабанную установку рижской музыкальной фабрики! Параллельно с нами в зале шли репетиции спектакля «Незнайка», где я играл доктора Пилюлькина. Еще мы все пели в хоре и играли на трубах в

оркестре – мы этого никогда не умели, но нам просто сказали: «Хотите в оркестр?» – «Конечно!» – «Тогда дуйте в трубы».

Помимо уроков мы обязаны были посещать спецкурсы в школе. В то время только появились компьютерные классы и возможность изучать BASIC – вся школа туда побежала, мест не осталось. Нам оставались только пишущие машинки. И вот весь класс спортивных пацанов заходит к машинистке: «Здравствуйте! Мы хотим печатать!» Она аж присела: «Мальчики, вы ничего не перепутали?» И вот мы стали клацать по буквам: А-Ц-Ц-А-Р-К-К, осваивали технику вслепую. Тогда я делал это только ради отметки и был уверен, что это мне никогда, НИКОГДА не пригодится, это туфта полная! После школы я поступил на юрфак, мне предложили работу судебного исполнителя. Я захожу в министерство, и мне говорят: «Юноша, а как у вас с машинописью?» Тут я вытаскиваю козырь: «Ха! Я закончил курс, у меня с этим всё отлично!» Я сразу получил работу, сел за пишущую машинку и думаю – ну вот как это возможно? Когда мы с парнями били по клавишам, это казалось комедийной историей, а теперь не только пригодилось, но и отчасти решило судьбу.

На юридическом мне было очень интересно учиться, это не отвлекало меня от BrainStorm, который всегда был важнее. Конечно, родители мне говорили: «Что это за профессия – музыкант, нужно получить нормальное образование, мало ли что!»

Но прошло 9 лет, и я закончил юридическую карьеру.

Как сейчас помню – мы ехали в автобусе с московского концерта BrainStorm, и я учил дипломную работу по дороге.

И Рога, классика, говорит: «Аааа, да что ты там волнуешься, это же легко!» Я говорю: «Блин, ты хоть один экзамен сдавал когда-нибудь?» А он: «Всё будет нормально, не трясись». Ну и опять оказался прав – всё было хорошо.

На сцене я чувствую себя на своём месте. Мне нравится мой инструмент, возможность активно двигаться – обычно я по Ренарсу ориентируюсь, чтобы не ускакать далеко. Бывает, что я глазами перескакиваю следующую песню в сет-листе, нажимаю педаль, а все смотрят на меня: «Эй, другая песня!» В любой непонятной ситуации мы как те пингвины из «Мадагаскара» – улыбаемся и машем. Я помню, как Айгарс Граверс из Юмправы дал мне совет: «Что бы ни случилось, не подавай виду, хоть на одной струне, но играй!» А Ренарсу достался совет, которым я тоже пользуюсь: «Ты куда сейчас пошёл, на сцену или в бар? Ручки в карманах, горбик. Ну-ка спина прямая! И как Мик Джаггер, от бедра, вперед!» Ренарс всегда выходит с достоинством, сразу выносит эту мощь.

Если бы в моей жизни не случилось BrainStorm, я бы, наверное, был хорошим спортсменом.

Мне всегда это давалось легко. Я и дружу со многими спортсменами – латышами, которые играют в России, они часто на концерты к нам приходят. Латвия в этом смысле уникальна – мы же маленькая страна, и если кто-то куда пробивается, мы друг друга сразу видим и помогаем.

Ещё мне нравится заниматься ручным трудом, работать с деревом. Я бы хотел научиться изготавливать бочки. Это очень интересный процесс: надо специально подобрать дерево, изготовить кольца, подогнать, обжечь… Музыкальные инструменты тоже очень интересно делать, но это ещё более сложное мастерство – чтобы его постичь, нужно много времени. Впрочем, в данный момент я уже к этому готов, прошло рвение жить на гастролях и не сидеть на месте. Хотя я по-прежнему могу сказать, что BrainStorm – это моя жизнь. Я стараюсь относиться к группе со всей душой и ответственностью, ведь портить свою жизнь – это самое глупое, что можно представить. Если этому суждено однажды исчезнуть, то лучше пусть всё растает, как большая льдина. Сам я не стану колоть этот лед и разбрасывать по сторонам, я буду беречь BrainStorm сколько смогу.

Жизнь удалась. Весь в белом и с гитарой!

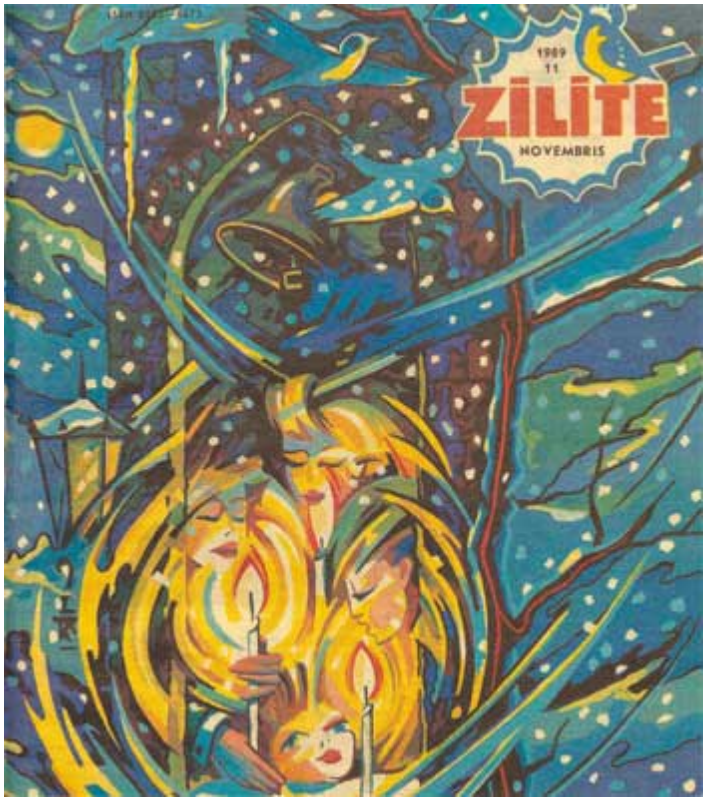
DZĒŠGUMIJA

Sākumā bija mežs,
Tad nāca dzēšgumija.

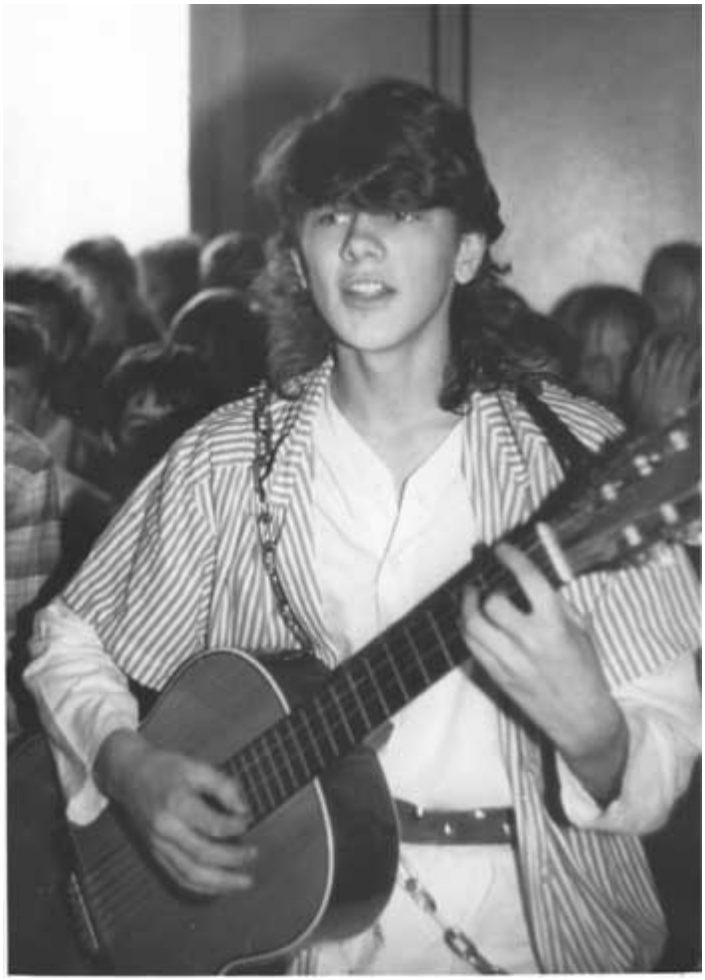
Tā izdzēsa dūmiem vietu,
Lai tie no skursteņa skrietu.

Lai skurstenis no plīts
Pilnām mutēm dūmus rītu.

Rīt varbūt dzēšgumija
Izdzēsīs visu, kas bijis.



Тот самый журнал «Синичка» и стих, который мы взяли для самой первой песни



Я с акустической гитарой, это 1 апреля в школе

Первый раз, когда мне доверили main vocal (главный вокал)

Прислушиваюсь к совету Ренарса

Марис Михельсонс:

Нам с Ренарсом было лет 13–14, когда мы решили, что нам просто необходимо стать популярными. Мой крёстный работал тогда на латвийском телевидении, и мы договорились приехать на экскурсию. Мы с Ренарсом ходили по коридорам телецентра, изучали студии, а потом рванули на 17-й этаж в редакцию молодежной передачи «Заноза» и прямо с порога сказали: «Здравствуйте, а мы хотим у вас работать!» Они были удивлены, но не отказали – спросили, какие у нас есть идеи. Тогда мы с Ренарсом отправились домой, придумали несколько собственных рубрик и получили эту работу. Раз в неделю мы стали ездить в Ригу на съёмки программы – весь текст мы с ним говорили синхронно, это каждый раз было страшно и нервно, но для нас обоих это стало настоящим курсом преодоления застенчивости и боязни показаться нелепым. Вскоре нас действительно стали узнавать в школе, мы были поражены – так вон она, слава! Ренарс несколько лет спустя стал вести другое шоу на телевидении – «Крокодил», а ещё читал новости на радио – думаю, это было ему нелегко, но впоследствии пригодилось как солисту.

Однажды Ренарс позвал меня на репетицию новой группы, потому что не мог одновременно играть на клавишах и петь. Там все ребята были на год старше меня, в том возрасте это очень существенно. У них сложился состав из четырёх человек, такой уютный домик, и было видно, как они недовольны, что пришёл

какой-то сопляк и остался с ними. Но я так хотел к ним присоединиться! Это было очень интересно и круто. Когда уроки заканчивались, им позволяли заходить в актовый зал и репетировать. И я тоже приходил – пустая школа, за окном темно, мы репетируем, – всё было необычно.

Петь мне никогда не хотелось. В моей воображаемой группе я бы играл на барабанах или гитаре, но в реальности у меня клавиши. Мне нравится, что на сцене инструменты закрывают меня с двух-трёх сторон, это мой маленький офис, я в нём чувствую себя защищённым. Я очень стеснительный, и прошло много лет, прежде чем я смог на сцене ответить Ренарсу или обратиться в зал.

Раньше от волнения я рта открыть не мог. У нас есть песни, где клавишные партии довольно сложные для меня. Даже если такая песня стоит в конце сет-листа, для меня концерт начнется только после неё – до этого момента я буду в напряжении, как на экзамене. Бывает, мне снятся сны, где во время концерта я забываю, что играть, пальцы не слушаются, это настоящий кошмар. Впрочем, такое было и в реальности – на одном из первых корпоративов я должен был сыграть партию в песне «Welcome To My Country», которую не я сочинил. Начинаю играть – и путаюсь. Волнуюсь, потею, никак не могу вырулить. Понимаю, что все всё видят и слышат – это было действительно заметно. Вообще, на концертах разное случалось – у Ренарса голос пропадал, электричество отрубали, в темноте одни барабаны стучали, а однажды Мэджик так прыгал по фанерной сцене, что проломил её и провалился в подпол.

Я без понятия, чем бы я занимался, если бы не BrainStorm.

Я попал в группу по чистой случайности, но без неё я стал бы другим человеком, и представить не могу, что бы меня сейчас интересовало. BrainStorm – это огромная часть моей жизни. Как минимум, половина циферблата часов, если так представлять. Это мой ресурс – чувство, что вокруг твои друзья, вы внутри того, что когда-то вместе создали, и до сих пор это живёт, это интересно людям, интересно нам самим. Нам повезло, что у нас такая жизнь – мы всегда в движении, как Бременские музыканты. Если пауза затягивается, тут же появляется тревога, я начинаю себя винить, какой я дурак, почему же так долго ничего не происходит. А вдруг всё раз – и кончится? Вдруг это больше никому не нужно, не интересно? Но вот мы снова встречаемся, обсуждаем новые планы, и я такой – уф, всё в порядке, машина BrainStorm едет дальше.

Самовыражение очень важно для каждого человека, вне зависимости от его рода занятий. Плотник делает хорошие

стулья, пекарь печет хлеб, кузнец куёт подковы – нужно любым способом выпустить то, что у тебя внутри, отдать природе, людям, друзьям, детям.

Я верю в добрые дела, верю в бумеранг добра, много раз ловил это ощущение – всё возвращается. Мне кажется, что в музыке я мог бы делать больше. Я создаю много эскизов новых песен, но из них мы очень мало берём для BrainStorm, они просто копятся на компьютере. Пару лет назад мне приснилось, что я иду по незнакомой стране – почему-то я был уверен, что это Индонезия, хотя я там никогда не был. Я иду по широкой дороге, красивая природа вокруг, трава качается на ветру – всё так прекрасно! Вдруг дорога кончается обрывом. Я сажусь на этот край земли, качаю ногами, и вижу внизу много круглых водоёмов, в них плавают рыбы. Им хорошо, они на своём месте, но среди них я замечаю одну огромную рыбину, которой тесен её пруд. Она лежит и не двигается. А я сижу на обрыве, качаю ногами и смотрю на неё. И мне кажется, я понимаю, что она чувствует.

Это тоже в моей деревне – провожу экскурсию для моих друзей. Они сидят в прицепе, которого не видно… но он там есть

Глупая, добрая, чуть-чуть ненормальная фотография, которая получилась во время съёмок рекламы нашего пива Mitava

Как видно по надписи на автобусе, это тур 2000 года. Мы ехали по Европе. У меня здесь интересная шляпка и пижама. Так я выступал на паре концертов во время этого тура. И потом одна из шведских газет написала, что самое ужасное, что было на концерте – одежда клавишника

Не очень одетый солист на репетиции уверенно напоминает: настало время соло аккордеона

Это знаменитая студия в Берлине Hansa Studios, где записывались U2, David Bowie, Depeche Mode и кто там только не записывался. А мы работали над альбомом «7 Steps Of Fresh Air» и клипом на песню «Ziemu Apēst» (на русском эта песня называется «Пропуск»)

Ренарс Кауперс:

Что помогло мне стать собой, выполнить призвание? Мураками пишет: «Мы ничего не выбираем, вещь или происходит – или нет». Когда я пою на сцене, я чувствую, что да, вот так и должно быть, я на своём месте. Но я всегда шёл на преодоление. Если меня можно разделить на два Ренарса, то «Ре» очень хочет быть на сцене перед зрителями, петь и получать внимание, а «Нарс» – это стеклянные глаза и негнущиеся ноги, это робкое сердце и душа, которые опасаются, сомневаются, смогу ли, достоин ли я. Но «Ре» сильнее.

30 лет в профессии многому меня научили, я могу, когда нужно, сделать рывок, подключить актёрское мастерство, справиться с задачей. Самое сложное для меня – это давать интервью, участвовать в шоу, где надо быть естественным и приятным. Я волнуюсь, могу сказать глупость, потом переживать. У Ивана Урганта однажды несколько минут рассказывал глупою историю про зубы – понимал, что несу чушь в эфире центрального канала, но не мог уже остановиться. Может быть, со стороны это не очень заметно, но в душе в такие моменты случается ураган. Я читал, что Фредди Меркьюри был очень застенчивым, дрожал

перед сценой, а выходил – и король! Робби Уильямс признаётся в книге, что ему всегда очень страшно. И я признаюсь. Наверное, даже хорошо, когда это качество присутствует: оно помогает критичнее смотреть на себя. На концертах всё очень естественно происходит – я выхожу последним, когда все ребята уже на сцене, мне отступать некуда. Без них я бы не сделал этого. Это коллективный драйв, тебя выносит волна. Но в душе я всегда мечтал стоять в самом дальнем углу оркестра и два раза за всю симфонию звенькать в треугольничек.

Людям сцены всю жизнь важно получить внимание. Во мне это из детства – когда тебе знакомо одиночество, ты ловишь каждый взгляд и – опа, как собачка хвостиком виляешь. Говорят, артист может выходить на сцену лишь до момента, пока в нём есть сексуальность. Это не значит, что тебе надо в кожаных штанах в обтяжку прыгать и в 30 лет уйти на пенсию – это нечто большее. Но даже самый крутой и независимый артист хочет внимания и признания. Ради этого и я выползаю из своей безопасной ракушки, годами кидаю вызов самому себе.

Настоящий талант, как свечу, не спрячешь под одеялом, он сияет особым светом. «Светя другим, сгораю сам», – есть легендарные музыканты, поэты, актёры, которые уже понимали, что горят, но не могли остановиться, они творили и быстро исчезали, оставляя свой огненный след, на который мы смотрим и до сих пор говорим: «Вау!» Себя я к ним не отношу, я средний класс творцов. Я не готов жертвовать собой и гореть кометой. Мой внутренний голос иногда так и говорит: «Гори-гори! Но вот сейчас чуточку отдохни, завтра тоже день, напишешь ещё свою песню». А гении так не могут – они дают чистую материю не фильтруя, как она приходит из космоса, поэтому людям она так сильно и нравится. Творцы золотой середины лишний раз подумают, отшлифуют музыку и текст – иногда даже слишком, поэтому чистота, первозданность у них и пропадает. Впрочем, мы как наждачная бумага разной жёсткости, а каждое сердце выбирает себе своё.

Я никогда не испытывал особо сильного вдохновения. Такого, чтобы вдруг броситься писать песню на первой попавшейся салфетке. Я могу девять месяцев не брать в руки гитару, а потом сажусь и сочиняю песню за один вечер – значит, просто дозрел, что-то накопилось. Иногда я иду на сделку с самим собой и переделываю «я должен» в «я хочу», ведь, как говорится в поговорке, «тюбик надо давить». Но жизнь – это марафон, ты должен правильно распределить силы, чтобы не надорваться. Жизнь больше, чем творчество.

Сегодня продолжительность жизни людей значительно выше,

чем в прежние времена, и к 40 годам мы успеваем построить дом, родить детей, сыграть стадион – а что дальше? С этого вопроса ты становишься чуточку безумным, тебя манит идея, что всё возможно. Ты объявляешь охоту на моменты, которые тебя зажигают, даже если прежде думал, что это не твоё. Завести страницу в Инстаграме, заняться боксом, открыть свой бизнес – вызов самому себе включает дополнительные двигатели, даёт экстра-энергию.

Дальше этот драйв переходит в музыку, в семейную жизнь, настроение. Так ты перепрыгиваешь с островка на островок. Как сказал царь Соломон: «Для человека нет большего блага, чем радоваться своим делам». Для меня в последние годы это одна из основных опор.

Недавно мы с друзьями запустили производство крафтдогов – это как хот-доги, только качественнее и вкуснее. Для меня это личный челлендж – появиться с чем-то новым, креативным на рынке, чтобы это не утонуло, а расцвело. Моя жена Агнесс сначала сказала: «Ты понимаешь вообще, чем ты занимаешься? Какие сосиски? Ты ведь их даже не ешь!» Но мне интересно. В BrainStorm я вообще не думаю о деньгах, у нас есть Айя, на неё можно положиться в этом вопросе. А здесь уже начинает поднимать голову предприниматель Ренарс: «Так, тут нам надо урезать, а тут надо поднять», – и сам себе удивляюсь. Конечно, можно сказать, что чистое искусство не может уживаться с купечеством, но это лишь предрассудки. Главный вопрос простой – приносит ли тебе это радость. Так, уже много лет у BrainStorm есть своё пиво «Mītava». Мы никогда не хотели открыто его рекламировать, это действительно казалось неуместным и даже вульгарным. Поэтому мы придумали чудаковатых персонажей из другого времени, которые очень любят веселиться. Про них есть много роликов на Youtube – «Как выдувать кабана из норы», «Как запускать девчонок из рогатки», «Как победить усами тарантула» и так далее. Каждый раз на съёмках мы от души веселимся и получаем колоссальное удовольствие. А кто-то, может, даже не заметил, что это мы.

Говорят, что космос знает только слово «да», но всё же я учусь говорить «нет». Очень важно делать в жизни то, что приносит радость – а для этого нужно уметь отказываться от того, чего не хочешь. Во мне очень много толерантности, желания никого не обидеть – мне это иногда мешает. Хотя, когда я анализирую прошлое, мне кажется, что кто-то вместо меня ставит мне цели. Обычно всё начинается с телефонного звонка. Кто-то звонит и говорит: «Привет, слушай, а давай?!» И я отвечаю – а давай! Так было, например, с Женей Гришковцом, когда он

позвонил мне и спросил, знаю ли я песню «На заре». Я не знал, и он мне сказал, что я обязательно должен её послушать. А потом у нас получилась из этого песня, которая теперь входит в «большую пятёрку» хитов BrainStorm. Шутка ли! Всё-таки многое зависит от судьбы, надо доверять этому миру.

Проверка зрения! Что написано на маленькой чёрной коробочке на штанах? Межапарк, 2008 год

Друзья, не волнуйтесь (кстати, никто и не волнуется, как видно), со мной всё в порядке. Идут съёмки клипа «Colder»

Домашнее трудовое объединение «Кроты». Роем, режем, шлифуем. Быстро и элегантно. Вечером шахматы

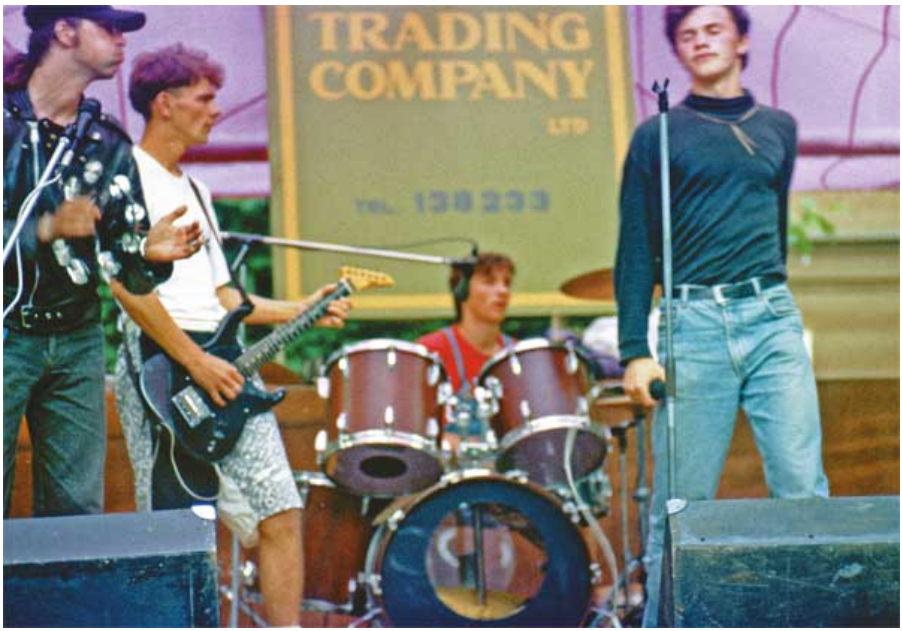
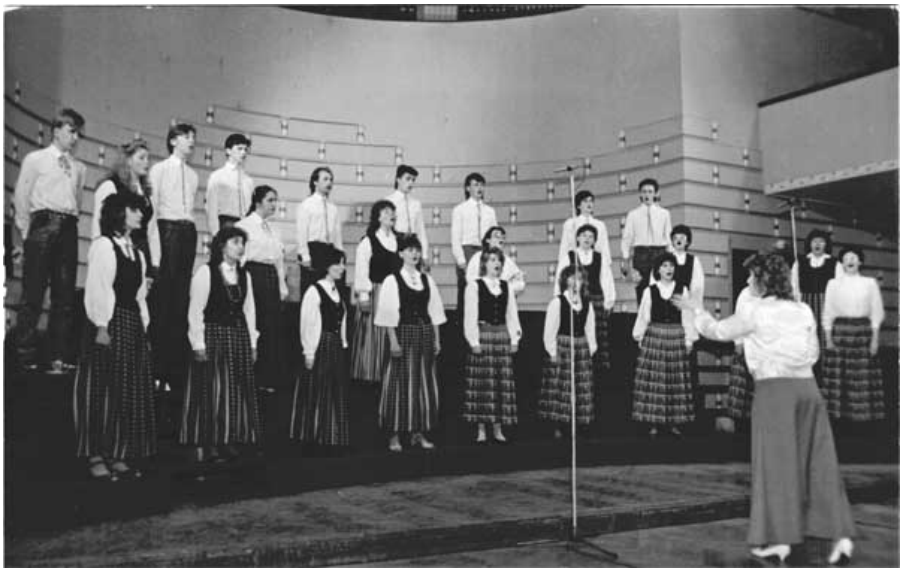


Фото и выступление очень почётные – в левом углу видно, что на сцене к нам присоединился Urbix (Normunds Orlonoks), легенда Елгавской тяжёлой рок-группы Husqvarna



Молодежный хор из славного города Елгава. Стараемся! А как же – тут ведь решается вопрос, поедем ли мы на большой Праздник песни и танца? Забегу вперёд – спели отлично, поехали!

Это фото стало нашей первой рождественской карточкой. Традиции не сдаём. Каждый год радуем своих близких друзей новой фотографией и желаем счастья!

Евгений Гришковец:

Моя первая постановка на иностранном языке случилась с пьесой «Город» в Новом Рижском Театре. Повсюду тогда звучала песня BrainStorm «Maybe», так фирменно, иностранно – это были первые «как бы наши» ребята, ставшие известными на весь мир. И тут меня знакомят с парнем в смешной шапочке, страшно весёлым, кажущимся намного моложе меня по возрасту. У меня большой успех только что случился – и у него. Мы друг другу очень понравились, сразу.

Ренарс – как остриё кончика карандаша, алмазного лезвия; он самый светлый, чудесный, любящий мир и открытый латыш, я

другого такого просто не знаю. Ангел, птица, дельфин – как угодно можно назвать его с этой лёгкостью души и любовью к людям. Неважно, на каком языке он поёт, ведь он поёт душой. Люди начинают улыбаться, когда просто видят его, это чудо. Он объединяет всех вокруг – сам этого не понимает и не должен понимать, ему про это даже говорить не нужно. У BrainStorm никогда не было текстов, как у ранней Земфиры, от которых бы останавливалось сердце.

Большие у меня вопросы и к их музыкальному материалу. Но благодаря Ренарсу BrainStorm невозможно не любить. И его самого не портит вся эта огромная любовь, которая на него изливается, я даже не могу себе представить Ренарса, ведущего себя грубо или заносчиво с кем-либо. Он уникален. И вся эта чудесность выражается в его голосе.

Песню «На заре» я услышал впервые в 1988 году, когда вернулся с тяжёлой, длительной, более трёх лет, службы на флоте. Песня тогда очень точно попала в меня, совпала с моим возрастом, юностью, ситуацией в стране. Я слушал её на кассетнике, гонял снова и снова, но мне всё время хотелось перемотать куплет, а значительно позже пришла идея и вовсе переписать его по-своёму. Взять новые слова и вставить прежнее исполнение Игоря Журавлёва было недостаточно, что-то необратимо устарело. Здесь нужен был даже не голос, а чистая и ясная душа. И я сразу подумал о Ренарсе. Он был остро-сегодняшним, в его интонациях слышно, что человек знает и любит то, о чем поёт.

Это привело к тому, что тысячи людей, которые прежде не знали «На заре», полюбили эту песню и поют хором – и русские, и латыши, вместе.

Хороший вопрос, мог ли такой человек, как Ренарс, заниматься не творчеством, а чем-то другим. Я думаю, нет. Есть люди, которые стоят на сцене, а ты отчетливо видишь их военными, шахтерами, спортсменами – но только не певцами. Ренарс на своём месте. Он исполняет ту самую задачу, которую ему было предписано исполнять.

Я сам не помню момент, когда мне захотелось писать, творить. Я, сколько себя знаю, всё время хотел заниматься искусством. Если я лепил из пластилина или рисовал, мне было важно слепить не лучше всех, а по-своёму, чтобы это было другим людям интересно, чтобы они это увидели. Когда я писал школьные сочинения, мне было обидно, что это прочтёт только учительница и больше никто. Я хотел писать не как попросили, а как рассказ, чтобы его прочли другие люди. Так было всегда. Конечно, я хотел, чтобы это всем понравилось, я и сейчас этого

хочу, это нормально. Есть, конечно, тёмные личности, которые добрались до искусства и хотят, чтобы их произведения всех ужаснули, вызвали отвращение, но и они хотят при этом охватить как можно больше людей.

Далеко не каждый человек творец. И далеко не каждый, кому дан талант, становится творцом. По большей части, не становятся. Кто, по-вашему, больший творец – человек, которому был дан большой поэтический талант, а он ленился, пил, написал всего с десяток хороших стихов и всё прос*ал – или тот, кто долго учился и стал хорошим строителем? Ведь талант – это большая ответственность. Вдохновение – оно только для графоманов и начинающих юношей. Если это профессия, надо осознавать, что замысел может подолгу не приходить, и это не оправдание бездействию.

Нужно работать, искать, воплощать, тратить время – ничего другого не дано, не придумано. Человек может обеспечить свой талант трудолюбием, приличным поведением, вдумчивостью – а может всё просто спустить в унитаз. Талант всегда прекрасен, а вот человек, которому он достался, может быть гадким. А бывает, наоборот, прекрасный человек, лишённый всякого внятного таланта. Кто из них лучше? Я не знаю. Но я знаю многих талантливых людей, которые при этом настоящие чудовища.

Смысла в творчестве нет никакого, как нет смысла в искусстве. Есть таинственные причины возникновения творчества, какая-то внутренняя необходимость, которая движет людьми, а дальше уже они ничего другого делать не умеют и не хотят. Хочется произвести впечатление. Художественное. То, что ты мощно пережил в одиночку, когда через тебя шла трансляция, надо воплотить и людей порадовать. Причем, через слёзы в том числе – это высшая форма радости, когда человек плачет над художественным произведением, а не над собственной жизнью.

Помню, как однажды я шёл по Страстному бульвару зимой и заметил пожилого человека, типичного такого московского интеллигента. Он вышел погулять с собакой, день был не слишком морозный, и он присел на скамейку почитать книгу. Я прошёл мимо и подумал: «Хм, что-то странное, книга уж больно знакомая». Присмотрелся – а это мой первый сборник пьес, «Город»! Я постоял, посмотрел – он одну страницу перелистнул, вторую. Улыбается. Я тогда подошёл и сказал: «Это моя книга!» Он ответил: «Нет, молодой человек, извините, но это моя книга». Я объяснил, что эту книгу я написал – а он сказал, что ему её дети дали почитать. Какого-то особенного восторга или просто мнения о прочитанном он не выразил, но всё равно. Это был первый раз, когда я увидел, как посторонний человек читает мою

книгу.

Трогательный момент! Момент полного счастья – здесь и сейчас. Это мы с Женей на концерте в Вагонке в Калининграде, 2009 год. Исполняем песню «На заре»

Brainstorm и наши надёжные товарищи – BS CREW

Айя Аушкапа, генеральный менеджер BrainStorm:
BrainStorm случился со мной внезапно и захватил на всю

жизнь. Мне было 18, когда подруга привела меня в кафе, где тусовались ребята. Они сразу показались мне невероятно свободными – песни, гитары, ночные поезда, романтика. Меня увлёк этот новый мир.

Параллельно я получила магистерские степени по экономике и юриспруденции в университете и осталась с ними в рок-н-ролле.

Я росла в прекрасной семье, моя сестра чуть младше меня, мы были как двойняшки. В детском саду я любила играть на кокле – это латышский музыкальный инструмент, похож на арфу – стол на ножках. А ещё ко мне часто подсаживали мальчиков-хулиганов, чтобы они брали с меня пример, вот оттуда всё и началось – моя работа с непослушными мальчишками. Бабушка звала меня Заяц-Хваста, хотя не припомню, чтобы я очень хвасталась, разве что своими родителями. Мама и папа работали инженерами-конструкторами, причём папа стал Командиром Ордена Трёх Звёзд – это высшая государственная награда в Латвии за особые заслуги на благо Отечества. Папа всегда умел расположить к себе людей, а мама никогда не бросала начатое.

Думаю, эти два качества сильно пригодились мне в жизни.

С годами я по-разному себя чувствовала рядом с BrainStorm. В юности мы все были близкими друзьями, только и делали, что веселились, скучно не было ни минуты, группа и музыка были нашим миром. В 2002 году я стала генеральным директором «BrainStorm Records Company», и многое изменилось. У меня не было опыта и было страшно браться за штурвал, мы только начали смотреть в сторону России, пошли первые концерты. Спросить было некого, я всему училась сама. До 2007 года мы с Каспарсом были парой, и его можно поблагодарить за то, что после расставания я продолжила быть частью команды BrainStorm. Вместе с ребятами мы пережили немало испытаний и очень выросли вместе – основали свою электронную платформу по продаже билетов ekase.lv, сами выпускаем CD и DVD BrainStorm, продюсируем свои концерты. Бывает даже, в судьбе песен менеджмент принимает не последнее участие – так было, например, с одним хитом. Все как-то расслабились, никто не хотел заниматься этой песней, а нам с моей коллегой Иевой она показалась очень классной, но нужна была другая аранжировка.

Мы предложили парням доработать её с новым шведским продюсером – его имя Повел Олсен. Был долгий процесс, но в итоге мы получили хит «Небо упало в нас». Команда BrainStorm всегда на стороне группы, это один большой организм. Особенно явно это осознаёшь на больших концертах в Риге, где собирается 60 тысяч человек. Это момент, которым я восхищаюсь всегда:

смотрю на море людей и думаю – как же это так получилось, как же мы это смогли?

Чем выше популярность, тем больше и ответственность. Не так давно мы выступали в Лондоне, в клубе было более 2000 зрителей. Внезапно приезжает полиция и говорит нам, что необходимо прервать концерт: в зале находится самоубийца. Они выследили парня, который планировал покончить с собой, и он сейчас в толпе. Как тут быть? Подойти и сказать Ренарсу, передать ему записку? А если это блеф, как оценить степень опасности? Мы советовались с полицейскими и в итоге ближе к финалу концерта попросили Ренарса сделать со сцены объявление, что такого-то человека (назвали его имя и фамилию) ждут возле бара.

Всё обошлось, но это лишний раз доказывает, что у всего есть обратная сторона.

Помню, как однажды мы стояли с Ренарсом в очереди в аэропорту, и кто-то сзади с искренним восторгом сказал своёму спутнику: «Смотри! Это же ВЕЛИКИЙ латвийский певец!» Этого нужно достичь, заслужить. С другой стороны, когда в день нашего выступления в Лиепае весь город стоял в одной большой пробке, потому что все поехали на концерт, нам устроили полицейский эскорт, чтобы мы, как настоящие знаменитости, спокойно доехали с мигалками до площадки. А Ренарс ответил: «Нет, не надо, я лучше сам – на велосипеде». И поехал один на велосипеде.

Нравиться абсолютно всем невозможно. Это просто нужно принять, и жить станет гораздо легче. Меня этому научило шоу «X-Factor», где я была в жюри три года. Я стала лучше понимать музыкантов, артистов, почему они выбирают сцену. Это действительно приятные ощущения, которые ты хочешь повторить вновь и вновь. Наверное, схожие чувства испытывают политики, успешные бизнесмены – это действительно засасывает. Что это за черта характёра? Люди, которые рвутся к вниманию, признанию, власти – им будто нужно подтверждение для самих себя, что они достойны, что они существуют. Может, так компенсируется дефицит внимания? В случае с музыкантами это естественный процесс, они существуют в своём измерении и не отнимают ничего у других. Это позитивный обмен энергиями, который делает всех немного счастливее.

Личное и профессиональное в нашей жизни очень связано. Каспарс однажды сказал: «За все эти годы мы стали профессиональными друзьями». Это было неоднозначно воспринято в медийной сфере Латвии, но, если разобраться, это так и есть!

Все мы знаем примеры групп с многолетней историей, где каждый едет в отдельном автомобиле, сидит в личной гримёрке и не разговаривает друг с другом вне сцены – у нас не так. Наша дружба прошла многое, мы вместе делаем то, что очень любим. В BrainStorm каждый может рассчитывать друг на друга, всегда все помогут и заступятся. Я чувствую себя одной из них. Как сестра – человек близкий, но всё же у братьев могут быть свои секреты. Их четверых связывает нечто большее, нечто особенное.

Мне интересно наблюдать за парнями на сцене – как они ведут себя, коммуницируют, прикалываются, шутят, говорят с публикой. Как готовятся, обсуждают, настраиваются. Моё любимое место – сбоку сцены, со стороны Ингарса – бас и барабаны, их пульсация для меня эпицентр концерта. Я всегда стараюсь выйти в зал, побыть среди публики, прочувствовать магию того, что группа творит на сцене – и увидеть, как это действует на людей. Пару лет назад случился удивительный для меня концерт в Даугавпилсе, он входит в top-3 моих любимых концертов BrainStorm ever. Как всегда в Латвии, это был опен-эйр, но на этот раз не повезло с погодой – пошёл страшный ливень.

Мне было так жаль зрителей – никто не ожидал, не готовился к дождю, люди просто стояли и мокли. Я решила, что мне тоже стоит остаться на все 2,5 часа в толпе – это был мой способ поддержать наших зрителей. Тогда я в полной мере испытала на себе волшебство, которое BrainStorm создает с публикой. В один момент я даже не заметила, как подняла руку вместе со всеми и стала махать Ренарсу. Он не видел меня, я просто попала в его персонально-музыкальное облако и ощутила то, о чём раньше только слышала от других. В тот раз я убедилась, что это не пустые слова. Энергия, которая рождается во время их концертов, неповторима. Это магия и настоящее добро. Это однозначно стоит того, чтобы продолжать работать и верить в то, что мы делаем.

Когда Ренарс сочинил песню «Gara Diena» – «Длинный день», – там были такие слова: «Дайте мне побыть одному, набраться сил для следующего шага». Внутренне было ощущение, что это последняя песня BrainStorm и дальше ничего не будет. Помню, как ходила по саду, плакала и не могла представить, как жить дальше, если всё закончится. Но мы всё ещё тут. Потому что BrainStorm – это не работа. Это жизнь.

Первый класс, 1983 год

Один из моих любимых портретов, 2018 год

Собрались на День рождения к Шуре Би-2. Дресс-код был 1970-е

Съёмки клипа «Ogles» (по-русски «Контакты»), июнь 2018 года

Съемка для журнала «Una», декабрь 2018 года

Менеджмент группы в 2016 году, фото для журнала «ОК». Слева направо: Ундине Бука, Иева Лиепа, Айя Аушкапа, Айя Хермане

Интарс Бусулис и Рейнис Сеянс вместе со мной в жюри второго сезона X-factor, 2017 год

Это тоже для журнала «Una», декабрь 2018 года

Любовь

На столе моём стоит в рамочке картинка.
На картинке я и ты – нету лучше снимка…
…Я тогда был трубачом в цирковом оркестре.
А ты фрейлиной была, – и мы скрылись вместе.

«Рамочка», BrainStorm

«Sveiki! Mēs iemācījāmies latviešu valodu, lai varētu saprast Prāta Vētras dziesmas», – однажды подошли и сказали русские девушки группе BrainStorm. Дословно это означало: «Привет! Мы выучили латышский язык, чтобы понимать песни группы Prāta Vētra». Понимать не только песни, но и самих трубадуров, ведь язык народа – это его душа.

На разных языках каждый год летают через океан новогодние открытки – это добрая традиция BSfamily. Тысячи людей присылают свои почтовые адреса в офис BrainStorm, все они хорошенько перемешиваются и каждому в обмен на свою открытку достаётся привет от незнакомца из далёкого города. Музыканты BrainStorm тоже клеят марки и выводят на конвертах новые имена – кому-то прилетают рождественские ангелы и от них.

Песню «Ветер» обычно поёт на концертах весь зал. Но однажды он скрылся под громадным флагом Латвии – тысячи рук одновременно подняли вверх красные и белые листы бумаги, соткав удивительный ковёр безвизовой любви. Что в такие мгновения чувствуют музыканты? Они очень заняты решением важной задачи – как продолжить петь с комом в горле и слёзным расфокусом в глазах.

На концертах BrainStorm по залу не раз парили бумажные чайки и порхали бабочки, сияли радужкой компакт-диски и зеркальные звёзды, поднимались портреты ребят в юности и распускались огромные красные сердца. Плакаты «Мы без вас загрустим и увянем», нежные цветочные венки и «Paldies» – «Спасибо» по-латышски. Группе вручили уже целую кондитерскую лавку и сувенирный магазин – капкейки и торты, банные веники и книги, наборы шпионов и свистульки Swarovski, портреты,

игрушки и даже плавки с надписью «Still looking good».

Но самый необычный подарок у BrainStorm ещё впереди. Команда художников создала уникальную композицию из матрёшек – на семи фигурках уместились все участники группы, кадры из клипов, образы из песен, всё до тончайших мелочей и с огромным вниманием. Работа заняла четыре месяца, и это настоящее произведение искусства, вдохновлённое музыкой BrainStorm.

Когда Ренарс, Мэджик, Каспарс и Марис разводят руками со словами: «Мы не знаем, как ответить на всю эту огромную любовь людей», самое время им напомнить, что это они сами, взяв первые аккорды на сцене, признались когда-то в любви. А всё то, что на протяжении тридцати лет делают их поклонники, не что иное как попытка ответить: «Мы вас тоже».

Марис Михельсонс:

Любовь – это точечные ощущения счастья. Хотя бы маленького и очень короткого, но очень яркого и горячего. Любовь всегда вокруг нас, это нечто необъяснимое, неосязаемое, иногда едва заметное. Простые маленькие искорки, которые возникают ежеминутно между людьми. Мы часто ждём чего-то огромного, что однажды придёт и накроет нас с головой, а божественный план в том, чтобы любовь просто случалась в ежедневных маленьких деталях. Присмотритесь – она складывается из тысячи моментов. Каждый раз, когда ты чувствуешь себя хорошо рядом с кем-то, когда есть чувство спокойствия и особенной радости – это любовь.

Первый раз я влюбился в детском саду. Это была наша воспитательница, её звали Дайга. Должно быть, она была тогда очень молодая, я помню её совсем юной девушкой, хоть и был сам малышом – тогда все кажутся тётями. Дайга приносила нам в группу свой кассетный радиомагнитофон «Рига», он был прекрасный, как будто из будущего, и ставила нам песни, особенно я запомнил одну… Дело в том, что Раймонд Паулс в то время писал песни, которые исполняли звёзды советской эстрады на русском языке, но все они существовали и на латышском. Году в 1981-м самой популярной в Латвии песней была та самая, которую в России знают как «Миллион алых роз». На латышском это совершенно другая история! Она про маленькую девочку, которая в трудную минуту подбегает к маме, прячется под её фартук, а мама ей поёт: «Подарила Мариня девочке жизнь, забыла только дать ей счастья». Мариня, Мара – это древняя латышская богиня. Потом девочка вырастает, её мамы уже нет рядом, и она сама тихонько поёт эту песню. Проходит ещё немного времени – и

уже маленькая дочка этой девушки напевает те же самые слова… Круг замкнулся. Та прекрасная юная воспитательница ставила нам кассету с этой песней, мы садились в кружок вокруг магнитофона и слушали, а она стояла рядом, улыбалась и смотрела на нас – это было так чудно! Я очень хорошо запомнил этот момент.

В школе мне очень сильно нравилась девочка из моего класса, но я был настолько застенчивым, что даже передать не могу, каких усилий мне стоило с ней заговорить. Помню, я пришёл к ней в гости и был поражен – в то время редко у кого были видеомагнитофоны, а у неё было целых два! Позже я узнал, что её папа – настоящий видеопират, видимо потому у них и квартира была такая шикарная. Её звали Инга. Она очень долго мне нравилась, года два, не меньше – в школе это вообще бесконечность! Я был неразговорчив, всегда очень смущался, потому так никогда и не говорил ей, что она мне нравится. Может быть, сейчас она это наконец прочитает.

Впервые я признался в любви уже после 20 лет. Я думаю, многим людям очень нелегко произнести эти слова – «Я тебя люблю». Это тесно связано с тем, как у тебя самого было в детстве, что ты видел, как часто слышал эти слова. Всё идёт от самых близких – если мама и папа легко говорили это друг другу, говорили тебе, не стеснялись, то и ты сам сможешь быть открытым в своих чувствах. Но если этого не было, придётся преодолевать постоянный барьер. Я сам готов произнести это, только если достигну особенного внутреннего ощущения, я не стану просто так бросаться словами.

Можно говорить людям, что они тебе нравятся, но слово «люблю» не должно стать разменной монетой. Я думаю, что человек может пройти всю жизнь один и неплохо себя чувствовать. Большая редкость и удача – встретить человека, с которым рождается любовь, с которым вы даёте друг другу силы, идеи, обмениваетесь энергией и соединяетесь, как шестерёнки в швейцарских часах. Не всем везёт.

Я всегда хотел жениться, завести детей и жить вместе до конца жизни. Это моё понятие семьи, я сформулировал его ещё в юности, но получилось по-другому. Я до последнего пытался удержать брак, надеялся, что всё можно решить, пытался чинить отношения, как в той притче, где сломанное не выбрасывают. Я очень хотел, чтобы мои дети жили в семье, где есть папа и мама, а не гуляли по жизни из одного дома в другой. Люди часто повторяют модель своей собственной семьи, когда вырастают – я как раз хотел избежать этого, ведь мы с братом жили с мамой, папы не было рядом.

Но пара – это всегда два человека, невозможно всё сделать одному. Развод был самым сильным эмоциональным ударом в моей жизни, мне потребовалось несколько лет, чтобы пережить и принять, что «раз и навсегда» не получилось.

Но даже в самые тяжёлые моменты я не хотел сделать себе ещё хуже физически – я не такой человек, который может прыгнуть с моста. Наверное, люди поступают так, чтобы доказать что-то – никогда не говорил с ними об этом. Думает ли вообще человек, когда страдает? Это страшная тема, ведь есть люди, которые выходят в окно, зная, что за их спиной остаются дети.

Своих детей я полюбил в тот самый момент, когда они появились на свет.

Знаю, что в семьях бывает по-разному – иногда отцам сложно привыкнуть к тому, что появился новый член команды, бывает даже, что возникает ревность к ребёнку. Но это не мой случай. Я стараюсь постоянно говорить детям, как я люблю их, как много они для меня значат. Любовь к детям – совершенно другая. Это и радость, и ответственность, которой нет конца. Когда ты начинаешь копать яму – ты знаешь, что как бы трудно ни было, однажды дело будет сделано. А с детьми так не работает – пока ты жив, ты будешь испытывать любовь к ним и страх за них каждый день. У любви к своим детям нет никаких границ. Если бы, не дай Бог, так сложились бы обстоятельства, я бы мог за них убить.

Фотосессия в Сочи на Красной поляне. Мы приехали на фестиваль Live Fest Summer 2019

Это моя семья. Мои дети и моя девушка Лаура. Фото сделано в будочке, где ты бросаешь монетку и моментально получаешь фотографию. Очень озорной снимок получился. 2019 год

Фото сделано в городе Чэнду, в Китае. Мы приехали выступать на фестивале и выдалось свободное время прогуляться. Я увидел эту надпись и сказал: «Ребята, нам обязательно надо сделать здесь фотографию»

Тут все ясно – все рады моей новой причёске

Мы в кафе после презентации альбома «A Day Before Tomorrow»

Каспарс Рога:

Прекрасно помню свой первый поцелуй. В детском саду у нянечки было окошко в стене, откуда она подавала нам еду. Я выждал момент, когда она ушла, смотрю – дверь осталась

открытой, внутри никого. А мне очень нужно было поцеловаться. Помню имя этой девочки – Даце. Я взял её за руку, мы зашли в эту комнатку, присели, чтобы нас не было видно в окошке, и поцеловались. Не по-французски, конечно, но мне очень понравилось.

В любви мне приходилось быть отвергнутым, драться, добиваться, получать по морде – в какой-то момент я просто стал хищником. Я не поверю никому, кто скажет, что побеждал в ста процентах случаев – всегда с обеих сторон есть и провалы, и победы. Это жизнь, она длиннее, чем любовь.

Рок-н-ролльная сильная любовь у нас была с Айей Аушкапой. Мы были совсем юными, только после школы. Настоящие Ромео и Джульетта, голова кружилась, всё было в пух и прах. Айя должна была ехать в Германию учиться, а я был настолько эгоистичен, что не хотел её отпускать. В юности любовь проявляет себя радикально – ничего в мире не должно существовать важнее, чем она. Айя уехала, а я впал в отчаяние и гнев. Мы держали связь в письмах, но это не работало.

В один момент я подумал – да ну к чёрту, убью себя, да и всё. Собрал все таблетки, что были дома, выпил и лёг спать. А вот дальше наступил очень интересный момент, которого я не ожидал. Спустя несколько минут я ОСОЗНАЛ, что я наделал. И в эту секунду мой флирт со смертью закончился. Я без всякого колебания подскочил, выпил несколько литров воды, чтобы вызвать рвоту. Только тогда я начал понимать ценность, божественность жизни, которая нам дана.

У некоторых хватает ума не дойти до такой грани, чтобы это понять, а мне нужно было лбом врезаться, я такой. А потом время всё правильно рассудило – оказалось, что нам с Айей легче дружить, чем быть в паре – там мы вечно как ежи иголками кололись.

В молодости за нас думают гормоны, это настройки биологии для продолжения рода. С годами пробуждается сознание, и из этой точки уже растут новые проблемы. Зачастую в отношениях люди цепляются за прежние ощущения, но поезд уже ушёл, вы в другом вагоне. Чувства меняются каждый день, надо успевать за ними и принимать, но мы, как наркоманы, начинаем искать прежнюю дозу, стрелять во все стороны, «я больше тебя не люблю» и т. д. Очень легко всё разрушить из-за своих несбывшихся ожиданий. Нужно любить человека в моменте, а не того, кем он был вчера.

Я испытываю настоящую любовь к своим близким друзьям, включая BrainStorm. У нас, разумеется, нет физических влечений, мы не ищем обладания и потому не требуем друг от друга

соответствия. Если так же получается в традиционной паре – это идеально. Но я сам не такой. Я вообще не уверен, что я человек отношений. Возьмём такой пример: стоит памятник великому вождю, мы несём ему цветы, восхищаемся. И тут приходит кто-то и писает на него.

Теперь у нас два пути – отвернуться и убежать, потому что он описанный и больше не идеален, или взять тряпочку и вытереть.

Я живу с девушкой по имени Эвита, которая выберет второй вариант. Низко кланяюсь, уважаю и люблю. У нас гармоничный союз, хотя я очень нехороший человек в плане эгоизма и страстей. Без неё я был бы одиноким распиз*яем и долго бы не протянул, поскольку у меня отсутствуют тормоза в любом направлении. Давайте прямо сейчас в стену с разбега врежемся? – А давайте!

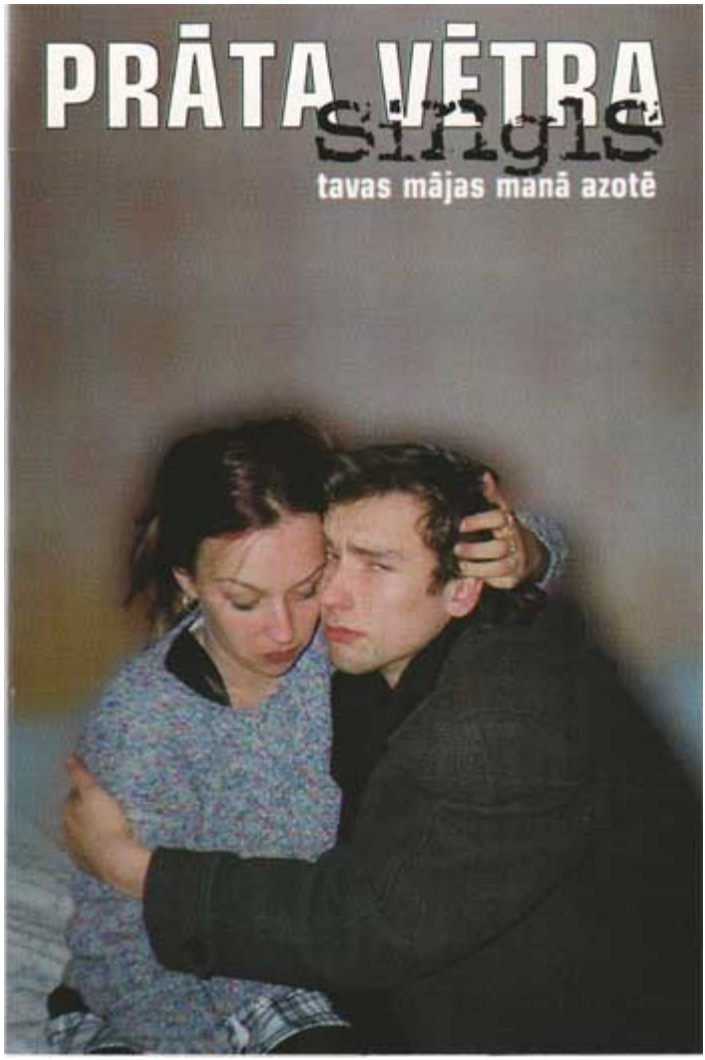
Я старомоден, и в моей модели семьи был патриархат. Это не значит, что мужик бьёт свою женщину со словами «знай своё место». Но моей маме всегда хватало мудрости соглашаться с отцом, даже если он был в чём-то неправ, и это сохраняло здоровый ход энергии в семье. Женщины борются за равноправие полов, но это борьба отчего-то всегда затихает в ресторане, когда приносят счёт. Я представить себе не могу, что буду просить девушек скинуться на ужин. Равноправие – это утопия, глупо отрицать, что мы разные. Я уверен, что власть и так у женщины, несмотря на то что мужчина приносит мамонта в дом. Женщины всегда смогут выиграть в той сфере, где бессильны мужчины, и лично я буду смотреть на это с восхищением. Это создает химию, из которой потом и рождаются отношения.

С годами ты понимаешь, что такое родительская любовь на самом деле. Когда умирала моя бабушка, я был ещё совсем юным, не всё понимал. Отец привёз меня к ней в больницу, как я понимаю теперь – попрощаться. Если говорить о том, когда ты ощущаешь, что тебя по-настоящему любят, то это был тот самый момент. Бабушка была уже очень слаба, она взяла мою руку, ничего не говорила, просто молча смотрела мне в глаза и улыбалась… Я никогда не забуду её лицо в тот момент. Казалось, Бог уже пришёл и присутствует в ней. Она была настолько спокойна и наполнена любовью, она точно отправлялась в рай. Она сама этого ещё не знала, но я это уже видел. Бабушка очень честно прожила всю жизнь, много трудилась, была очень верующая, добрая женщина, истинная христианка. Спокойствие на её лице, улыбка, ясность глаз передали мне огромную любовь и веру, которые до сих помогают в трудные моменты.

Случайное фото с моими детьми, они приехали помочь мне на студии. Сына зовут Лео, дочку – Лея. А фотографию сделала их мама Эвита

Это было время, когда у нас было всё, о чём писали в рок-н-ролльных книгах! Это видно по моему лицу и немытым волосам

Одна из первых наших фотосессий, я снова в шотландской шапке. Мы рекламировали альбом «Vairāk nekā skaļi», который был выпущен на кассете. В те времена компакт-дисков ещё не было, а пластинки мы себе позволить не могли



Это обложка сингла «Tavas Mājas Manā Azotē». Песня была очень популярна, и Гунтарс Рачс предлагал поехать с ней на «Евровидение» вместо «My Star». Рядом со мной – нынешний генеральный директор BrainStorm Айя Аушкапа, мы с ней в тот момент были вместе

Очень классная фотосессия. Это мы в порту города Рига пародируем народный танец

Фото с нашими отцами. Эту идею мы позаимствовали у U2

Ренарс Кауперс:

Я очень люблю своих родителей и благодарен им за всё! Они до сих пор трогательно продолжают заботиться обо мне, как о ребёнке. Например, моя мама всегда привозит очень много еды, когда приезжает к нам в гости. Первые пять минут нашей встречи

проходят так: «Сынок, эту банку в холодильник поставь, а вот это сразу нужно съесть, а это в морозилку убрать». Я поначалу пытался намекнуть: «Мам, ну не стоит еду привозить, мы ведь можем сами в магазин сходить». Я понимал, что мама это делает из лучших побуждений, и очень ценю это, но однажды я не выдержал… Я тысячу раз извинился перед ней, мы всё выяснили, и она сказала: «Очень хорошо, что ты сказал мне об этом. Моя мама в свое время делала точно так же, вот и я…» Может быть, пройдёт время, и я тоже буду привозить своим сыновьям целые сумки гостинцев. Я уже ловлю себя на том, что говорю младшему, как говорили мне мои родители: «Давай-ка шапочку надень, надо-надо». Но не лучше ли отстать от маленького человека – он сам решит! Мы слишком бываем зациклены на вещах, а ведь настоящая фамильная ценность – это любовь. У нас в семье есть традиция – просто встать в круг и обняться. И это всегда один из самых счастливых моментов.

Это единственное, что я могу передать дальше… Впрочем, если моим ребятам что-то понравится из моих вещей, после моего ухода они могут брать, что захотят. И сказать потом своим детям: «Вот, старый дедушка Ренарс любил эту лопату!»

Когда я впервые влюбился, я этого не понял. Девочку звали Мадара, она была дочкой подруги моей мамы. А уже в школе я запомнил другую девочку – очень красивую и активную, ей нравилось брать инициативу в свои руки и самой писать мальчикам записки. Всем ребятам она нравилась, и все ждали, что именно ему она напишет. И вот она написала мне, назначила свидание. Как я волновался! Стоило подумать: «Вау, я первый раз иду на свидание, это будет так круто!», как у меня от волнения ноги подкашивались. Потому и свидание мне не понравилось – когда слишком волнуешься, где уж там радоваться. Мы просто гуляли в парке, разговаривали, но ей хотелось, чтобы всё было по её сценарию. Мне это не понравилось, и наша дружба была короткой. Тогда мне было 13 лет.

А в 18 лет я встретил Агнесс. Это было 29 апреля – я точно помню дату, потому что в этот же день, ровно два года спустя, мы поженились. Был фестиваль на Домской площади в Старой Риге, и Prāta Vētra, как молодую группу, позвали сыграть. Нас встречала девушка из фан-клуба, а вместе с ней приехала её подруга, маленькая и очень приятная барышня по имени Агнесс… ей было 16 лет. Она сразу понравилась мне, и когда она протянула мне книжечку на подпись, я вдруг сказал, что обязательно посвящу ей песню. Почему я так сделал, не знаю. Я ни до этого, ни после больше никому никогда песен не обещал. А тогда прямо захотелось, уже в первые пять минут знакомства.

Дальше уже Агнесс молодец: она у той подружки взяла мой телефон, позвонила, и мы начали созваниваться и встречаться, хоть и жили в разных городах. Мы очень романтично поддерживали связь – записывали друг другу целые аудиокассеты, слушали голоса на расстоянии. Такие аудиосообщения на 45 минут – это было очень мило.

Следующие 20 лет Агнесс меня спрашивала: «Так, и где же моя песня?» Я ей говорил: «Все песни твои!» А потом написал «Рамочку». Это произошло легко и случайно – я учился играть на гитаре, придумал упражнение, наигрывал и вдруг почувствовал, что здесь уже может быть песня. Я взял сборник поэта Имантса Зиедониса, открыл наугад, и первое же стихотворение было «Рамочка», на латышском так и есть. Я смотрел на слова, напевал, играл – и получалось славно! Я записал эту песню и подарил Агнесс на день рождения. Потом Сергей Тимофеев её чудесно перевёл на русский язык, очень близко по смыслу, но, конечно, есть отличия. Например, вместо «я тогда был трубачом в цирковом оркестре» на латышском будет «я тогда был толстым турком в халате и чалме».

Я думаю, что для всего происходящего нужно две вещи – высшее благословение и наше желание.

За любовью надо ухаживать, как за прекрасным садом. Иногда ловишь себя на том, что пустил всё на самотёк, и сразу же в саду появляются сорняки и плоды червивенькие. Разумеется, трудности бывают у всех. В нашей семье рано появились дети, причём сразу близнецы – там было не до философии, надо было выживать. С годами между нами появилось особое чувство магнетической теплоты. Бывает, что отношения заходят в тупик, день за днём мы держимся на расстоянии, в непонимании или апатии. Мы будто плаваем где-то в открытом океане недалеко от нашей лодки и ждём спасательного круга. В один момент он вдруг появляется и притягивает нас как магнит. Просто секунда – мы как-то по-особенному взглянули друг на друга, обнялись, и мир снова повернулся на 360 градусов. Каждый раз я думаю – как же так, ещё пять минут назад мы не знали, как быть дальше, но, видимо, накопленное за годы внутреннее тепло снова оказалось сильнее.

В семье мне важнее мир, чем собственная правота. Когда мы с Агнесс женились, моя бабушка сказала мне только одну вещь: «Уважайте друг друга». Я часто вспоминаю эти слова и понимаю, насколько это важно. Вы можете иметь радикально разные взгляды на вещи, но, если есть любовь и уважение, ты не должен обижать другого просто потому, что не согласен с ним. В конфликте я могу отойти в сторону, даже если я прав. Я могу

извиниться, даже если кажется, будто я не должен. Просто переступить свою гордыню и сказать: «Извини, пожалуйста, я слишком увлёкся своими делами и забыл что-то важное для любимого человека. Я постараюсь быть лучше, внимательней. Это лучшее, что я сейчас могу сделать – извиниться!» Помните, как трогательно Боно сделал, когда забыл поздравить свою жену с Днем рождения? Он вместе с U2 снял клип «The Sweetest Thing», чтобы извиниться перед ней! Ошибиться может любой, главное – суметь в этом признаться и красиво всё исправить. И в этой песне ведь совершенно замечательные слова – любовь может нас подбрасывать, как мячик, может нас поджигать, как солому, может лить дождём в солнечный день – но всё равно это самая прекрасная вещь на всей Земле.

Один из флешмобов на концерте в Москве. Огромный латвийский флаг из множества бумажек. Очень трогательно

Муминьш, посмотри, как капитан второй команды круто кепку надел – у вас нет шансов! Спортивные игры вместе с фанатами BrainStorm, 1998 год

Три поколения Кауперсов. С папой и сыновьями. Изидорс, Ренарс, Эдгарс, Эмилс, Аронс

Визуальное напоминание, как назывался садик, где мы встретились с Каспарсом. Моя мама до сих пор там работает заведующей. Правильно, дети – «Зем-ля-нич-ка»!

Мы всегда очень рады флешмобам наших зрителей!

Янис «Мэджик» Юбалтс:

Я думаю, что заполнен любовью на половину. У меня – волчья любовь. Я люблю свою стаю, за неё я готов на всё. Переживать за каждую былинку в мире, отдавать себя всем вокруг слишком трудно – честно. Если ты всем открыт, иногда люди

пытаюсь присосаться к тебе, обесточить. Ты не сразу чувствуешь это, отдаёшь, а сам становишься ранимым и даже злым на себя и на других. Как будто кто-то украл у тебя любовь. Поэтому я всем сердцем за свою стаю – это семья и BrainStorm.

Любовь – это ограниченный ресурс, его источник в обратной связи. По-другому я это не чувствую. Я не верю, что любовь – это некая энергия сверху, которая просто падает на тебя. Во многом это вопрос сознания – чем больше сила, тем выше и ответственность. Сделав выбор не ставить капканы в лесу, не стрелять в оленей, а любоваться, как они бегают, смотрят тебе в глаза – это тоже любовь. Я человек из плоти и крови, мне нужен физический обмен, не только энергетический. Любовь – это действие.

В ней всегда присутствует жертва, это не чистая эзотерика. Вот я сейчас сижу и рассуждаю об этом, а где-то далеко моя жена ведёт наших детей в школу, кормит их, заботится. А ведь ей тоже, может быть, хотелось бы сейчас пойти в кафе с подругами или улететь отдыхать на тропический остров. Я бы хотел беззаветной библейской любви, где никто ничего никому не должен, но в нашем структурированном мире это не работает. Если человеку кажется иначе – это иллюзия, и за его спиной кто-то выполняет чёрную работу, пока он рассуждает о большой и чистой любви. Я не стану лукавить, чтобы обо мне подумали лучше.

Одна из русских пословиц, которую европейцы не понимают: «Бьёт – значит, любит». Однако если такие пословицы существуют, значит, доля правды там есть. Любовь бывает разная. Я считаю, что, если люди вместе, они должны стремиться к взаимопониманию – не чтобы просто сгладить острые углы, а чтобы ДЕЙСТВИТЕЛЬНО узнать друг друга.

Мы знакомы с женой со школы, и, мне кажется, уже так срослись, что по одному взгляду можем услышать, что хочет сказать другой. Разумеется, у нас бывали кризисы, и каждый раз я прокручивал одни и те же мысли. Но что означает новый человек? Надо с нуля выучить все его привычки, взгляды, увлечения, пройти этот огромный путь заново, и никто тебе не даст гарантии, что ты идёшь правильно. Я не готов к этому. Лучше перебороть кризис и оставаться с тем, кого ты когда-то выбрал. Это как волны в океане – волна сначала маленькая, потом растёт, становится огромной, а потом снова спадает. Так и в отношениях. Если что-то не заладилось, а ты думаешь: «Эй, жизнь коротка, надо идти дальше, пробовать кого-то нового!» – это неправильно, это слабость. Нет идеальных людей, с любым будут свои трудности, надо просто честно себе признаться – готов ли ты встретить их достойно или предпочитаешь сбежать.

Недавно мы с женой были в Израиле и решили пересечь границу с Палестиной пешком. Все говорили, что это опасно, лучше ехать на автобусе с экскурсией, но нам хотелось увидеть отель Бэнкси The Walled Off в Вифлееме, прямо у пограничной бетонной стены. На таможне мы спросили одну женщину, как лучше пройти – она плохо понимала по-английски, но охотно согласилась нам помочь.

Она объяснила нам, что, как только мы выйдем, на нас набросятся таксисты, будут нас буквально разрывать, но надо будет идти за ней, не оглядываясь и не поднимая глаз. Это была дикая ситуация, я смотрел на свою жену – она ничего не говорила мне, но я видел, как ей страшно. Мне тоже было не по себе, но я мужчина, должен держаться.

Как только мы вышли из таможни – люди, как собаки, стали бросаться со всех сторон, кричать, ругаться с этой женщиной, которая вела нас. Жена вцепилась мне в руку, мы старались не показать виду, что нам страшно – но я, конечно, её чувствовал без слов, на уровне вибраций. Женщина довела нас до гостиницы, мы поблагодарили её за помощь и попрощались. Она была нам будто послана судьбой, как проводник на том этапе. Так и с партнёром в жизни – вы вместе проходите какой-то участок пути, достигаете своих целей, но никто не скажет заранее – это навсегда или только на время. Никто не скажет, какое расстояние вы пройдёте вместе – весь ваш земной путь или только один отрезок. Я думаю, что самое верное – жить по совести и не загадывать, ценить того, кто сейчас рядом с тобой, и всегда помнить, что без этого человека ты был бы не здесь и не таким.

Презентация альбома «7 Steps Of Fresh Air»

На сцене – жизнь

Всю жизнь мечтал тебя встретить

Любовь к морю, праздник Лиго с любимой семьёй в Павилосте

Александр Петров:

BrainStorm для меня вечные – они появились в 1989 году, а я в том году родился. Они «пьют кровь младенцев»: я не знаю как, но они всегда молодые, выглядят и реагируют на вещи как подростки. Это особая категория людей, Олег Евгеньевич Меньшиков такой же – ты вроде понимаешь, сколько ему лет, но стоит перед тобой молодой парень, и всё тут. Мне вообще

кажется, что это самое главное в жизни – не зачерстветь, сохранить инстинкты, страхи, оголённость какую-то, и в BrainStorm это есть. Видно, что они с мышцами уже ребята, знают, что такое концерт, аудитория… но за кулисами у них фантастическая атмосфера! Я много где был, но у них просто чудо как всё просто, легко, дружелюбно. Они не закрываются до концерта, к ним может зайти любой человек – они удивительно щедрые на внимание, причём это всё искренне. Как они разогревают себя, поддерживают друг друга, как идут на сцену – одно удовольствие наблюдать. Наверное, потому они и существуют так долго и успешно – в них есть эта свежесть и живая искра. Такие люди живут другим топливом, у них иная связь со Вселенной и ремеслом. Казалось бы, ты просто играешь музыку, люди в зале просто радуются, ничего сверхъестественного в этом нет. Но я по себе знаю: выходишь на сцену – и в какой-то момент время останавливается, ты забываешь о своих бытовых проблемах, будто открываешь невидимую дверь в параллельный мир. Можно, конечно, думать, что это психоз – главное возвращаться иногда обратно, по земле ходить.

Работать с BrainStorm – это чистый восторг. Мы впервые встретились на дне рождения телеканала «Дождь», а затем я пригласил их выступить на первом «Эстафетном интервью». Это было важно для меня, начало большого, нового пути, и ребята прекрасно сыграли, запечатали себя в Театре Ермоловой. Я не буду злоупотреблять нашим знакомством и постоянно теперь просить их выступить – равно как и они меня, в них есть эта особая прибалтийская интеллигентность и европейская ментальность. Я очень ценю наше общение, всегда чувствую тепло, с первого дня. Это ведь как в отношениях, ты не можешь объяснить, почему это работает, почему тебе хорошо и приятно с человеком, просто чувствуешь ваше родство душ – soulmates. Это очень просто понять с точки зрения настоящей теплоты, а она идёт из детства, когда ты ощущал, как сильно тебя любят родители.

Я помню, как отчётливо почувствовал это впервые. Мне было лет 5, и мы с папой и сестрой Катей поехали на озеро купаться в моем родном городе Переславль-Залесский. Мы разделись, зашли в воду, ярко светило солнце – и вдруг будто кнопку нажали: начался ливень страшнейший, гроза, ураган, просто кошмар. Папа сгрёб меня в охапку, сильно прижал к себе, накрыл полотенцем и быстро побежал к машине. Катя была постарше и бежала сама, а я маленький, мне было очень страшно, папа меня нёс на руках, и я чувствовал всю его любовь ко мне в тот момент.

Он мокрый сел за руль и привёз нас домой, где ждала мама. В такие моменты ты особенно сильно чувствуешь, как тебя любят, как ты нужен. За эти ощущения я очень благодарен своим родителям, потому что именно по ним ты потом ориентируешься всю жизнь, транслируешь на любимого человека, друзей, весь мир вокруг.

Я думаю, что безответной любви не существует. Люди годами боятся признаться, потому что зачастую взаимность для них важнее, чем собственное чувство. Очень страшно услышать в ответ «я тебя не люблю, извини» и потерять надежду. Человек выбирает жить в иллюзии, поэтому мы так любим концерты, кино и спектакли – там можно поймать другую реальность, отключиться. Я считаю, что надо всё пробовать и идти до конца, не топтаться на одной ступени. Проработать это в себе, представить жизнь с этим человеком – может быть, в этот момент вся любовь и растворится… Хотя жизнь – удивительная вещь, рассуждать можно сколько угодно, но всего объяснить нельзя. Вроде забыл человека, пережил, а потом встречаешь его через много лет, смотришь и понимаешь, что внутри тебя снова что-то происходит, вопреки всему здравому смыслу. Недавно мне один товарищ сказал: «Знаешь, меня сегодня весь день все поздравляют с днём рождения, а я жду одну-единственную смску от человека, с которым точно уже никогда не буду вместе». Это ведь всем знакомо, верно? У тебя уже другая жизнь, всё другое, но смс-ку ты ждёшь именно от того человека. Удивительно. Честно отвечаешь себе на этот вопрос – да, ждёшь. И когда эта смс-ка наконец приходит, там просто три слова: «С днём рождения», тебе сразу становится проще и легче жить. То же самое в песне, искусстве, музыке, кино – есть вещи, которые нельзя объяснить формулами, но они оказывают на тебя огромное воздействие. В этом уникальность любви: в ней все равны – и самые опытные, и новобранцы. Тебе может казаться, что ты многому научился, прошёл большой путь, но стоит снова влюбиться – и всё с нуля.

Желание обладать человеком, равно как песней или спектаклем, всегда приведет в ловушку. Любишь – отпусти, в этом и есть высшее проявление любви. Я практикую это простым способом – учусь прощаться с предметами, которые мне очень дороги. Вот дорогие часы с атрибутикой футбольного клуба, мечта юности! Подарил. Кепка, самая любимая и счастливая – подарил.

Блокнот с только что написанным текстом, браслет классный – подарил. По большому счету человек использует всего несколько пар джинсов, пару маек и пиджаков, у девочек чуть по-другому, но принцип тот же. Если отдать всё лишнее, сразу

станет очень легко. Это только кажется, что «эта кофта мне так нравилась, я когда-нибудь её обязательно снова буду носить», а «это очень особенная памятная хрень», но как только ты от них избавишься – сразу забудешь и станешь свободнее.

Я абсолютный фаталист, я уверен, что каждому человеку обязательно даётся шанс испытать в жизни настоящую любовь, но уже от него зависит, пойдёт он за ней или испугается. Я именно об этом говорю в своих спектаклях, а BrainStorm, мне кажется, в своей музыке. Любовь априори бесконечная, она всегда вокруг нас. У меня не было периодов, когда бы я не был влюблён. Речь не обязательно об отношениях, но о самом чувстве. Можно загасить его в себе, запереть на 25 ключей, не верить, но каждый человек это испытывает постоянно. К прошлому, будущему, мимолётному, случайному – к чему угодно! Любого человека посади сейчас напротив и спроси: «Честно скажи, влюблён ты сейчас в кого-то?» Он ответит: «Да».

Я часто говорю слова «я тебя люблю». Не только конкретному человеку, но и себе в том числе, и самой жизни – это благодарность за радость каждого дня. Я видел в хосписах людей со смертельными заболеваниями – их время ограничено, они умеют ценить каждый день, каждый разговор. Мы часто бежим, не замечаем простых вещей, а ведь это огромное счастье – проснуться, пойти погулять, встретить друзей, увидеть закат – и потом новый рассвет. Не надо стесняться говорить «я тебя люблю», не надо беречь эти простые и важные слова до лучших времён. Я вчера стоял в пробке, опаздывал на спектакль – на Новорижском шоссе была крупная авария с летальным исходом. Я вот думаю – человек же утром проснулся, позавтракал, куда-то поехал, о чём-то мечтал. А к обеду его уже нет. Кто-то его любил, кого-то он – они успели сказать об этом? Жизнь – очень хрупкая материя, поэтому надо меньше бояться, а больше делать, чувствовать, жить. Самое прекрасное случается именно в этот момент, когда ты отпускаешь себя и становишься свободным.

Это тоже момент полного счастья – здесь и сейчас… С Сашей Петровым на концерте BrainStorm в Крокусе в Москве, 2019 год. Исполняем песню «На заре»

Характер

Могу быть лодкой подводной, идущей на базу,
Воздухом, что не кончается сразу,
Человеком в погонах, человеком в пальто,
Целым городом тысяч примерно на сто.

«Только бы ты на меня посмотрела», BrainStorm

«Люди познаются в пути и споре», – сказал Герберт Уэллс, как если бы он только что вернулся из гастрольного тура с BrainStorm. По лесной трассе гонит автобус, зимнее солнце, прячась за елями, бьёт стробоскопом. Ренарс очиняет складным ножиком простой карандаш, чтобы на коленке записать в блокнот карточные клички. Подберёзовик, Термос, Дыня и Пюпитр открывают партию в латвийскую игру «Подошва», которую уважали ещё их прапрадедушки. Вместо стола – кофр от аккордеона, вместо валетов и королей – их собственные довольные физиономии в старинных образах фантазии «Mitava». Джентльменский клуб на колесах увлёк не всех – Марис дочитывает и возвращает Ренарсу книгу о современном художнике, а тот, в свою очередь, молча предлагает угоститься вымытой на заправке черникой. На заднем ряду сидений залёг Мэджик – по старинке он вырезает медиатор для гитары из банковской карты. Всё чинно и благородно.

Второе имя BrainStorm – это спор. Азарт, провокация, ребячество – они поигрывают мускулами и слегка треплют друг друга за загривки, как уличные псы. Сделать ставку на футболе, сбрить брови и волосы (водителю в том числе), отпустить гусарские усы и пройти границу в маске Бэтмена, нарисованной маркером на лице – им не слабо. За ящик садовых яблок и бутылку бренди Ренарс и Каспарс шагали совершенно голыми по улице Александра Чака – это центр Риги. Окей, они были в солнечных очках и кедах, но стёкла в городском троллейбусе всё же запотели.

Интеллигентные прибалтийские мальчики из BrainStorm рьяно пытались обыграть «Чудаков» с MTV – они пили носом

белый ром, сигали в открытые окна, умывались кетчупом и вынюхивали соус Табаско. «Мы просто делаем разные немудрости», – улыбнутся они и доведут до нервного припадка постояльцев отеля, переменив все цифры в коридоре. Лифт открывается на третьем этаже, люди видят на стене цифру «5», двери закрываются, они нажимают свой третий этаж, лифт никуда не едет… Фикус тем временем сотрясается от хохота, за ним прячутся обаятельные мерзавцы. Двери номеров парни тоже наловчились снимали с петель и менять местами, так что вспотевшие гости вызывали не портье, а экзорциста.

BrainStorm – это пазл из четырёх деталей разной формы и цвета. Один боится замкнутых пространств, но отлично плавает – другой готов забиться в пещерную щель, но не полезет в воду. Один изумительно готовит утку в медово-горчичном соусе – для другого максимум – это горячий бутерброд с сосиской. Один хранит на чердаке добротный дубовый гроб себе на будущее, а второй уже завещал развеять свой прах в Балтийском море. Сейчас даже не важно, кто и где. Главное – вместе.

Каспарс Рога:

Я вообще безбашенный. В третьем классе я пошёл на бокс. На первой же тренировке меня выпустили на ринг, я от испуга схватил противника открытой перчаткой за затылок и другой рукой просто начал его колошматить. Подлетел тренер: «Рога, ты псих?!» и пустил ко мне на ринг парня, который уже год занимался. Он меня так отколбасил, что привет. Тренер сразу сказал, что боксёром я не буду, могу забыть – на этом моя карьера и закончилась.

Яйца! Вот главная тема моей жизни. У меня проблема со словом «нет» и «не могу». Это мною руководит, заставляет вечно что-то кому-то доказывать. Человек просто скажет «невозможно» – и этим бросит мне вызов. Во мне есть тяга к саморазрушению. Странно, но это связано с творчеством – после диких выходок освобождается большое количество творческой энергии, я становлюсь на многое способен. Это очень нездоровый образ развития, но я в нём застрял.

Одно время были в моде зимние трассы, где за небольшие деньги можно было полихачить на старых «Жигулях». Тормозов на тех машинах не было, только манёвры на скоростях. Разумеется, я пёр полным газом, даже там, где нужно было тормозить, и однажды со всего маху воткнулся в огромную снежную стену. С интонациями того тренера по боксу ко мне подбежал хозяин трассы: «Храбрости у тебя не отнять, но мозгов мало – вылезай и проваливай». Во мне это есть – люблю дернуть

льва за усы. Я самый радикальный в BrainStorm, люблю всех провоцировать, и очень хорошо, что у нас есть баланс. Ренарс более осторожный и прагматичный, он может иногда пойти на риск, но чаще остановится. А я обязательно возьму палку и ткну в муравейник, ведь это интересно. Я люблю выйти за рамки и вызвать конфронтацию, мне нужен адреналин.

Внутри меня сидят князь Мышкин и Рогожин. Пока они ладят, я в порядке.

Мышкин – это Ганди, мать Тереза, апостол Павел, он за добро и свет, мне с ним хорошо, я бы не прочь так прожить всю жизнь. Но просыпается Рогожин. Он пока сильнее, и с ним все низкие частоты – азарт, деньги, секс. Я не хочу врать никому про то, кто я такой. В юности я был беспринципным, для меня было нормой крутить сразу несколько романов. Но с годами я понимаю – что посеешь, то и пожнёшь. Я против двуличия и лукавства, расхождения слова и дела. Если я пьяница – я так и говорю: «Да, люблю напиться в конце недели!» Если я игрок: «Да, я хожу в казино раз в месяц, мне это нужно».

И да, мне нравятся девушки, что я могу поделать! Такой я человек. Стоит признать свою неидеальность, и сразу станет легче жить. Мне всё равно, что скажут про меня.

Мне повезло, что мои недостатки со скрипом, но вписываются в моральные рамки – я не тра*аю животных, не потрошу людей и не бегаю голым по парку.

Есть деревья, которые гнутся и поднимаются, а есть те, которые ломаются пополам. Я ломаюсь. Я не гнусь. Это и хорошо, и не очень. Это всегда может быть летально – ну, если не физически, то психологически. Стержень во мне поставил отец. Он звал меня Пуйшелс – это что-то вроде Пострелёнка. Ремень в ту пору был нормальным явлением, хотя сестры говорят, что им досталось больше – я был младшим и любимцем в семье. Отец вовремя поймал некий рубеж, за который меня пускать нельзя. Лет в 14 у меня были старшие друзья на грани криминала, и я, как искатель приключений, легко поддавался их влиянию. Папа жестко поставил меня на место, я получил такую пощёчину, что даже кровь из носа пошла. Папа всегда был для меня примером, как находиться в системе и оставаться самим собой, не терять внутреннюю свободу. Первые уроки эстетики, культуры и искусства обращаться с барышнями тоже он мне преподал.

У папы очень сильная харизма. Каждое утро он просыпался, завтракал – и садился за полотно. Дважды в неделю волейбол – меня он всегда тащил с собой. Это поставило корни для меня, и я по сей день живу в его матрице – тоже утром сажусь за барабаны, потом пробежка, дальше прочие дела. Хотят этого родители или

нет, дети будут их копировать.

Я помню концерт, на который мои родители пришли, а я нет. После развала Советского Союза папа получил обратно дедушкин дом. Он был огромный, комнат на двенадцать плюс несколько печей. Целыми днями нужно было колоть эти проклятые дрова – руки все в мозолях, а ты всё лупишь топором. Наверное, тогда я себе и пообещал, что сделаю всё в жизни, чтобы мне не пришлось больше колоть дрова. Барабаны отлично заменяют физическую работу, я лучше по ним поколочу. А тогда я просто постоянно пытался увильнуть. Меня вообще тяготили эти мужские хозяйственные дела по дому с папой – держать конец доски, гвозди подавать… тоска.

В тот день из-за дров мы с папой крепко поругались, я психанул, собрал свои вещи, вылез через окно и сбежал на дачу, где обычно мы жили только летом.

Я остался там ночевать, родители даже не знали, где я. Я был настолько обижен на ситуацию, что на следующий день даже не поехал в Ригу на презентацию мини-альбома BrainStorm – нам не надо было там играть, только присутствовать, но всё же, получается, я немного ребят своих подвёл. Это была моя страшная месть родителям – вот пусть они сейчас там стоят и думают, да! Таков мой резкий характёр. Сейчас, конечно, на семейных праздниках мы можем посмеяться над этим – мы всегда собираемся на Рождество и юбилеи родителей, очень весело всё проходит, иногда вспоминаем детство.

Своим родителям я уже сполна всё доказал. Они перестали сомневаться в моём пути, хотя изначально это казалось полной авантюрой – но в этом чудо группы, когда сходятся пять человек и складывается полный «флэш-рояль». Родители знали, что я всегда, как кошка, приземляюсь на четыре лапы, но не раз отец говорил мне: «Ты витаешь в облаках». Думаю, я смог им показать, куда, если повезёт, приводят мечты.

Очередная фотосессия для журнала. Я всегда свое настроение подгоняю под образ, который мне предлагают стилисты

Берлинская фотосессия. Мы тогда записывали альбом «7 Steps Of Fresh Air»

Рижский порт, дурачимся во время фотосессии. Характёр с годами не меняется

Новогодний корпоратив BrainStorm в очень помпезном месте под названием Deco Bar. Мы любим наши праздники и всегда переодеваемся то в женщин, то в зайцев – нас это забавляет

Моя давняя мечта – совершить кругосветку!

Янис «Мэджик» Юбалтс:

Когда я болею, я превращаюсь в сдутый шарик. Все тут же меня жалеют – и жена, и дети. Я так и говорю: «Я – прилипон!» Могу обнять и не отпускать. Я чувствую свою беспомощность и их любовь, пользуюсь этим. Будь я секретным агентом, я бы смог держать тайну до конца, под любыми пытками, но вот если меня чем-то заразят – всё, я теряю свой стержень. Хорошо, что я очень редко болею.

Я не умею летать, не умею читать мысли, но всё это могу делать во сне – мне снятся очень интересные сны. Я боюсь казаться глупым, боюсь насмешек – это всё из детства. Мне нравится огонь, но я боюсь его. Змей боюсь. Боюсь кого-то потерять. Одиночества боюсь, я к нему не привык. Вообще, я плохо про себя всё понимаю…

Я стараюсь перебороть свои страхи. Помню случай из детства. У нас была дача в пригороде Елгавы, и до автобусной остановки нужно было идти через кладбище. Днём там много народу, идёшь себе и присвистываешь. Но однажды я поехал на дачу, заработался, лег отдохнуть – а проснулся уже в темноте. Без вариантов, надо было ехать домой, ведь мобильников тогда не было, а родители волновались. Полночь, темно, я иду один через кладбище. Страшно было безумно, мозг сразу вытащил лучшие ассоциации – детские страшилки про потревоженных мертвецов, комиксы про зомби, Фредди Крюгер в полосатом свитере. Я шёл, стучал зубами и считал от десяти до одного и обратно – десять, девять, восемь, семь… Я делаю так до сих пор, когда мне страшно. Тогда я переборол свой страх, понял, что я сильнее, а ещё заметил, что на кладбище тихо и спокойно. Получается, что весь страх был внутри.

Внешностью я своей доволен. Всё время переживаю, что у меня большие щеки, но это ничего. В 1996 году мы с BrainStorm поехали на Фарерские острова – это россыпь маленьких островков в Атлантическом океане, между Исландией и Шотландией. Жак-Ив Кусто забирал оттуда участников своей экспедиции, но не нас. А мы поехали туда представлять Латвию на фестивале культуры, а кончилось тем, что мы прокололи себе уши и зашли в парикмахерскую, где Ренарс взял машинку и побрил меня налысо. С тех пор я так и хожу, кремом натираю.

Помню это первое чувство, когда я вышел на улицу, почувствовал тонкое дуновение ветра и подумал: «Ого, как непривычно!» Волосы – отличная защита, я теперь ни зимой, ни летом, ни в баню без шапки пойти не могу!

Бороду и усы я как-то тоже попробовал сбрить, но младшая дочка подошла ко мне и сказала печально: «Знаешь, папа, ты уж, пожалуйста, больше никогда так не делай!» Я себя без бороды называю «человек-сковородка» за плоское лицо. А ребята из BrainStorm ещё дразнят меня, чтобы я отрастил волосы – им кажется, что это будет очень смешно, такая ленинская подковка сзади. Они стараются меня убедить, что я тогда буду самым стильным гитаристом в мире – красный тренировочный костюм и распущенные волосы на затылке. Но я не поддаюсь на их провокации. Мне хватило одного раза, когда я на пару недель

отпустил волосы, а потом увидел себя в зеркале… Больше я в это не впишусь никогда!

Было время, когда мы с BrainStorm много путешествовали на гастрольном автобусе, и Каспарс, которому мы дали кличку Зорге-синема, делал подборку фильмов, чтобы не скучать в дороге. Мы много раз смотрели «Пролетая над гнездом кукушки» и представляли, кто каким персонажем мог бы стать.

Ренарс был героем Дени де Вито, который всё время нервно ломал сигаретки. Каспарс, конечно, хотел бы быть Джеком Николсоном. Кем был я – не помню… Я, скорее, хулиган с красным носом из советского мультика про спортсменов «Метеор на ринге».

Спорт во многом сформировал мой характёр. В советское время все большие заводы проводили летние спартакиады, куда выезжали семьями с палатками на 3–4 дня. Надо было быстро бегать, переправляться через реку по двум канатам, разводить костёр, ориентироваться. В моём характёре максимально выкладываться и становиться первым, меня никогда не устраивало второе место. В детстве проигрывать было очень тяжело. Я пожимал сопернику руку и очень злился на себя, но эта злость помогала мне стать лучше. Одну медаль я запомнил особенно.

Мне было 14 лет, и на городских соревнованиях я прыгнул на высоту 187 сантиметра. Когда я стоял на пьедестале и мне вручали кубок и медаль, на весь стадион в громкоговорители объявляли моё имя, фамилию и школу – я себя чувствовал Олимпийским чемпионом.

Но моя главная Олимпиада – это я сам. Я должен перебороть себя, победить лень и боль, получить потом свой кайф.

В BrainStorm, конечно, парни подшучивают надо мной за мою тягу к спорту. Мы все разные, каждому своё! Каспарс – решительный, целеустремлённый, оратор, эгоист (как и я), белка в колесе. Он бы не хотел испытывать судьбу, мне кажется. Ему важна свита, как у короля. Он всегда уходит, если ему нужно – резко встал и ушёл. Мы уже не удивляемся. Ренарс очень дружелюбный и в то же время замкнутый. Он всегда всех пропускает вперёд, давая понять, что никуда не спешит и уважает других людей. Он дисциплинированный, начитанный, умный, имеет своё мнение, но не всегда его высказывает. Я думаю, что Ренарс – идеальный фронтмен.

Марис очень трудолюбивый, дружелюбный и любознательный, он всегда говорит, что, была бы возможность, он полетел бы в космос. У него изысканный вкус – Марис может очень долго выбирать и сыр в магазине, и звучание в песне.

Ингарс – феноменальный музыкант. У него есть хобби – он собирает и чинит старые музыкальные инструменты. Мне кажется, басисты все друг на друга немножко похожи, они тихие и замкнутые, но если отпустят себя – перед тобой появляется другой человек. Когда мы ещё выпивали с ним, мы называли этот момент так: «Сейчас начнут расти винные зубы». На Айю мы можем положиться более чем на 100 процентов, благодаря ей в нашей жизни и бизнесе всё в порядке. Я знаю, как часто многие группы меняют свой менеджмент, но это не про BrainStorm. Мы вместе прошли через все испытания и медные трубы – славу, деньги, любовь, и очень ценим людей, которые работают с нами. В России у нас тоже отличная команда – Марина Пушкина, наш тонкий и чуткий директор, который умеет удивительным образом собрать музыкальную любовь вокруг группы. Катя Тебекина не даёт нам спуску в туре и коллаборациях с другими артистами, а с идеями Насти Грачёвой мы можем двигаться вперёд уже не шагами, а целыми прыжками. BrainStorm работает, как хорошие часы. Есть стрелки и циферблат, на которые смотрят все, но за ними много винтиков и пружинок, со своими характёрами и талантами, без которых не будет действовать весь механизм.

Наконец-то я добрался до первого плана

В туре можно научиться и не такому. Каспарс даёт мне мастер-класс по игре на барабанах

Я. Просто я… и моя сущность!

Каспарс всегда готов к дружеским озорным идеям. Делает мне татуировку маркером

Я как всегда – весь в огне!

За облаками всегда есть солнце!

Марис Михельсонс:

Если BrainStorm стал бы настоящим цирком, то Рога был бы клоуном, ему даже репетировать не надо. Ренарс – фокусник, он бы ловко вытаскивал кроликов из цилиндра и выпускал голубей из рукава. Я бы катался на лошади. Стоя. А Мэджик мог бы укрощать львов, тигров и тюленей, стать третьим братом Запашным, только ему нужен кожаный жилет на голое тело и

волосы длинные – пусть отрастит!

Мне кажется, я слишком внимателен к деталям. Например, в магазине я складываю продукты в тележку в определенном порядке, как в «Тетрисе», а дома стаканы должны стоять в ряду по два, а не по три. Есть у меня такие пунктики, которым я придаю слишком много значения. Я бы и рад с ними расстаться: это мешает, – но не могу. Меня успокаивает, когда вещи стоят на своих местах. Бывает, что вокруг меня царствует логический бардак, в котором я всё могу найти, поэтому его не надо разрушать!

У Мэджика тоже забавные привычки есть – с ним, наверное, я провёл больше всего времени на гастролях. Утром всегда дико интересно наблюдать, как он завтракает в гостинице – все обычно идут к столам, что-то берут, садятся за столики и едят. А Мэджик может целую вечность делать себе бутерброд – четко, как по линеечке, режет яйцо, на кусочек хлеба кладёт масло и начинает мучительно долго и аккуратно его размазывать. Это выглядит, как настоящая церемония – причём очень серьёзная. Мы все дразним его, говорим: «А! Рига ещё не готова». Это самая известная и любимая легенда всех рижан. Считается, что ровно в полночь в укромном уголке Старой Риги появляется Дух города. Он может быть в любом облике – господин в сюртуке и с тростью, старушка с корзинкой яблок, русалка, вынырнувшая из реки, чёрт с рогами, а то и просто ворон. Дух города спрашивает первого, кто попадётся ему на глаза: «Готова ли Рига?»

Считается, что если ему ответить: «Да, Рига готова, она достроена!», то город сразу же потонет – его поглотят воды реки Даугава. Поэтому, конечно, все отвечают: «Нет, Рига ещё не готова!» В Латвии это уже крылатое выражение о деле, которое не завершится никогда. И мы всегда подшучиваем над Мэджиком! Например, кончается саундчек, все уходят в гримерку, а Мэджик остаётся на сцене крутить свои педали и кнопочки. Я два часа репетировал, устал, хочется тишины и покоя, а со сцены доносится: «Пиууу-уэээу-уиу». Хочется изо всех сил крикнуть: «Мэджик! Пожалуйста! ЗАТКНИСЬ!»

Когда Мэджик наконец скажет, что все его педали и кнопочки окончательно готовы, наш BrainStorm пойдёт ко дну. Но этого не случится никогда! Так гласит легенда Латвии.

Когда люди едут в другую страну, они привозят сувениры – магниты, шапочки с надписями, одежду, конфетки. А мне нравится привозить из поездок вещи, которыми я смогу пользоваться. С возрастом мне стало нравиться заниматься садоводством, и ради любопытства я стал сажать семена от фруктов, которые ем – манго, авокадо, финики. Случалось, что

вырастало, и я решил пойти дальше – привезти что-то живое из путешествия. Однажды в Израиле мы с Мэджиком набрали по охапке эвкалиптовых веток – у меня ровно половина чемодана была ими занята. А в Португалии, на прибрежной скале, я разглядел одну колючку, вроде как родственницу кактуса. Во что бы то ни стало она мне понадобилась. Я раздобыл бутылку от минеральной воды, разрезал её на две части – получилось два горшочка.

Незаметно (как мне казалось) свистнул ложку на завтраке – серебряную, винтажную, суповую. И вот крутой мишленовский ресторан, белоснежная терраса, внизу шумит океан, а я с пластиковым горшочком из бутылки и серебряной ложкой лезу через балюстраду и карабкаюсь по скале. Мне тогда казалось, что это совсем незаметно, но моя девушка Лаура сняла видео – и это, конечно, полный привет. Выкопал я свою колючку, вернул ложку, привез кактус в Латвию, и он засох у меня через два месяца.

Я такими вещами болею – надо мне в дом что-то странное притащить. Однажды в крошечном марокканском городке я увидел дверь своей мечты. «Продаётся?» – «Продаётся». И мы с продавцом поволокли эту дверь по маленьким кривым улочкам на почту.

Там меня уверили, что смогут отправить дверь в Латвию. Так близко к мечте я ещё никогда не был! Но мой автобус в отель уходил через 15 минут, и я должен был быстро решиться оставить крупную сумму. А ну как меня обманут? Но всё же верить людям надо – я оставил свой адрес, номер телефона, деньги и уехал. Пару недель спустя я был уже в Риге, и мне приходит смс от того продавца: «Ну что, дорогой, дошла дверь?». Я побежал на почту: «Где моя дверь?», – спрашиваю. Они на меня глаза вылупили: «Не видели мы никакой двери!» А тут продавец мой арабский присылает её фото – она вернулась к нему, потому что телефон мой неправильно был указан. Пришлось заново пересылать из Марокко в Латвию. Такая вот дверь-путешественница, стоит теперь в моей рижской квартире и ухмыляется.

Очередной корпоративный праздник – мы всегда любим дурачиться и надевать разные маски

Это тоже кадр Антона Корбайна примерно 2003 год. С

булочками – его идея. Как будто это большие языки у нас

Промодни в Польше удались

Это мы в Дании записываем альбом на студии PUK, где работал и Элтон Джон, и Джордж Майкл, и группа Roxette. Студия находилась в открытом поле, кроме нас никого, и мы решили сделать откровенную фотосессию

Каспарс Рога и режиссёр Папа Чи для очередного тура снимали музыкальные ролики на каждую песню. У меня образ человека, который когда-нибудь хочет попасть в космос… это видеозарисовка к песне «На заре»

Фотография со съёмок клипа на песню «Don’t You Get It?».

Режиссёр клипа Каспарс Рога придумал, что мы в комнате с несколькими дверьми, в которые по очереди стучим и ждем, что нам откроет девушка. Самое интересное, что коридор постоянно вращался!

Ренарс Кауперс:

Я боюсь высоты. Даже на балконах всегда стою чуть подавшись назад. Однажды мы с командой BrainStorm и менеджментом поехали на тимбилдинг в Сигулду, на канатную дорогу. Я сразу сказал, что не буду прыгать, а потом смотрю, девчонки все попрыгали, визжат, и думаю – ну, а я что же? Надели на меня всю амуницию, привязали резинку к ногам, я минут 15 стоял, готовился – и не смог прыгнуть. Мне было стыдно и неприятно. Вроде как стыдно бояться, потому что хочется, чтобы тебя любили, не разочаровывались в тебе, но эту планку всегда держать спина устаёт. Там был один парень, который тоже очень боялся, но всё-таки прыгнул. Я потом спрашивал его: «Ну как, переборол свой страх?» А он сказал: «Нет, это было ужасно и противоестественно, лучше бы я послушал свой внутренний голос и не прыгал».

В юности ты живёшь моментом, а жизнь кажется бесконечной. Но ты взрослеешь, встречаешься с миром, с разными судьбами, людьми. В какой-то момент осознаешь, что жизнь тебе неподвластна, произойти может всякое, ты не супергерой. Ты становишься терпеливее и смиреннее. Находишь в себе тормоза и пользуешься ими. Посмотрите на прохожих – вот шагает молодой человек по улице, увидел лёд и йууу-ху, прокатился с разбегу. А следом идёт старичок лет 80-ти, ступает очень осторожно, потому что каждое падение для него может быть фатальным. Думаю, физическое и психологическое взросление идут на одной скорости. Но я, конечно, по льду бы прокатился.

Я всегда старался выстаривать свою реальность так, чтобы всё было в радость. Ученые говорят, что дети 95 % времени занимаются только тем, что им интересно. И они счастливы!

Я иду этим путём. Стараюсь держать уровень моего быта чуть ниже, чем могу поднять. Готов жить в студенческой скромности, на хлебе, сыре и сладостях. Я не ущемляю себя, но и не прыгаю выше головы. Иногда переживаю, что потенциал мой больше, но внутренний голос говорит – всё хорошо. Или, может, это голос лени? Вот Каспарс говорит: «По звездам надо стрелять – попадёшь в орла».

Я консервативен и опасаюсь новых предметов в доме. Окей, стиральная машина – это хорошая штука. Но сушильная – зачем? Ведь можно развесить на верёвочке с прищепками, одежда сама

высохнет! А посудомоечная машина – зачем ставить этот ящик в кухню, если можно ручками всё помыть? Но сейчас они обе есть, и слава Богу! Я долго сопротивлялся телефону с тачскрином, у меня была Nokia с кнопочками, и я даже чувствовал себя сильным в этой непокорности – но это смешно, конечно.

Мне просто всегда нужно время, чтобы принять новое. Я не люблю, когда меня подталкивают. Однако в делах мне нужен хозяин. Я слишком неусидчивый и вспыльчивый, не всегда довожу дело до конца. Может быть, хозяин и есть я сам, но не показываю этого, потому что мне правда важен второй человек, его идеи, чтобы вместе выйти к успеху. Любопытно, что в одном из интервью Ингарс назвал меня очень целеустремлённым. Я был очень удивлён, никогда не замечал в себе это качество.

Существует два Ренарса – общественный и домашний. Я меняюсь, как только выхожу из дома. Моя жена Агнесс шутит, что заведет однажды страничку в Инстаграм под названием «Реальный Рени». Она иногда фотографирует меня, когда я не вижу и не позирую, и тогда на снимках какой-то гном получается, я едва узнаю себя.

У нас очень интересный дом – это длинное одноэтажное здание XIX века. Прежде здесь располагалась фабрика шапок, затем иголок, потом ателье, где красили ткани, гладили и делали плиссировку. На чердаке мы нашли металлические рекламные щиты, на них нарисованы красивые женщины в элегантных нарядах и есть надписи на немецком и русском. А теперь этот дом разделен на несколько квартир, и на данный момент занято три из них.

Главы семей – три добрососеда: Пустячок, Йоханесс и я, Пощёчина. Мы, как три поросёнка, вместе ухаживаем за домом, за общей территорией. Я, например, – мусорный король! Моя обязанность – следить, чтобы городские службы вовремя вывозили мусор. Недавно мы, как кроты, рыли землю, мешали бетон и выкладывали дорожки. Летом играем на воздухе в шахматы, настольный теннис и петанк. Только вот детей поблизости маловато, и мой младший сын Аронс очень похож на меня тем, что растёт практически один. Поскольку его старшие братья уже живут своей жизнью. Ему не хватает своего Каспарса.

О Каспарсе! Есть примета – если Каспарс снял штаны, значит, начинается репетиция. Как только мы его видим в трусах, сразу хватаемся за инструменты и микрофон. А всё потому, что он так энергично барабанит, что ему жарко, и первым делом он снимает брюки.

А вот Мэджик смешно иногда вскидывает головой, как Андрей Миронов, будто у него ещё много волос и они красиво

развеваются. А ещё Мэджик всегда готов защитить друга – в Хельсинки, например, был случай, когда возле клуба ко мне приставал какой-то настойчивый драгдиллер, а Мэджик сказал мне: «Ну-ка подержи мои перчатки, пожалуйста», и через секунду бамс – и финский парень упал. Марис обычно приезжает на репетицию с мешком морковки, потому что грызть всегда что-то охота, а сладости вредно.

Честно говоря, за все эти годы у меня иногда бывало ощущение, что вот я – фронтмен, стою впереди, исполняю эти песни, многие из которых я сам сочинил – и это круто. «Ты можешь идти своей дорогой», – шептала мне гордыня, но, слава Богу, она во мне недостаточно велика. Я вижу, какая это мощь – BrainStorm, как мы сыграны с ребятами, соединены уже химически. Это наша общая площадка для познания самих себя.

Почему не в камеру, Ренарс Изидорсович? Фотосессия в поддержку сингла «Na Zare» в Китае, 2019 год

Кривляться – это наше! Пошёл 32-й совместный год…

Рига, лето, порт Андрейоста. Любимое фото Мэджика

Все ушли на обед и тебя не позвали? Пока не будет текста для «Four Shores» – никаких трапез!

Барин при всём своём обаянии. Съёмки клипа «Касаясь земли» вместе с Би-2 и Найком Борзовым

Как мы любим летние фотосессии! Никаких красных носов и не надо притворяться, что тепло и беззаботно (как случается, когда в декабре надо в маечках сниматься)

Господа, а кто ещё может в «пацанчика»?

Наш первый менеджер Алдис Хофманис присматривает – оправдается ли в этом случае скандинавская защита?

Влади (Каста):

С BrainStorm мы знакомы уже более десяти лет. Было время, мы работали в одной студии в Риге и пересекались почти каждый день. Музыкальным продюсером их альбома был мой друг Арстарулсмирус, латвийская рэп-звезда под псевдонимом Gustavo. Он исполнял припев в одной из песен BrainStorm и предложил мне перевести и прочитать его в русскоязычной версии альбома «Шаг». Я с удовольствием согласился – и оказался на фите в песне «Ступени». До нашего знакомства я знал о BrainStorm как о большой знаменитой европейской рок-группе, а оказалось, что большие европейские звезды свободно говорят по-русски и с интересом слушают песни Касты в студии. Я увидел западных фирмачей – интеллигентных, почувствовавших славу и признание, живущих артистично. Они не спеша оценивали каждый нюанс звука, пили необычные алкогольные напитки, упомянутые в европейской классике. Работали над звуком самой высокой планки: не нравится им бас в комбиках – в студию приезжает грузовик с какими-то другими легендарными комбиками. Не нравится, как звучит ревер из устройств – им устанавливают микрофоны в соседних помещениях и записывают натуральный ревер через золотые провода и плёнку. Дружелюбные, спокойные и открытые ребята, постигнувшие какую-то рок-н-ролльно-буддистскую мудрость.

Когда мы работали над совместной песней «Про секс», было интересно наблюдать, как они предлагают хорошие решения по аранжировкам и им это даётся легко, как они мягко настаивают. Интересен их внутренний парламентаризм, когда дело касается выбора. И это при том, что сами парни очень разные.

Ренарс с удовольствием идёт на контакт. Прямо сейчас в разговоре можно дойти до чего-то не поверхностного. В беседе с ним хочется высказываться положительно, не пошлить, тоже говорить что-то значимое. Ренарс щедр на похвалу. Он легко и лаконично описал разницу от работы на концертах для русской и иностранной аудитории: «Каким бы европейскими ни были BrainStorm, всё-таки в России их считают своими».

Мэджик – бодрый и энергичный мужчина. От него всегда исходят непредсказуемые ответвления при совместных обсуждениях сценария, аранжировки, идеи.

Кажется, что он внимателен только в начале разговора, а дальше отправляется в свой полёт и в конце выдаёт что-то постороннее, хотя нередко любопытное. Мне он чем-то напоминает нашего Хамиля из Касты.

У Каспарса редкий склад ума, в нём высоко развито и художественное, и аналитическое мышление. Мне с ним всегда хочется общаться больше, но никогда не получается – кажется, он занят ощутимо больше других.

Михельсон, на мой взгляд, интроверт. Выяснилось, что он любитель (а может, и мастер) всё делать своими руками. Хотя, как я знаю, клавишникам это противопоказано. После съёмок клипа «Про секс» он подошёл ко мне и детально расспросил про все непонятные моменты или двойные смыслы в тексте песни про секс.

И все эти ребята, кроме Ренарса, смотрели мультики на своих ноутах во время длительных ожиданий на съёмках клипа «Про секс». При этом у них там был образ настоящих крутых рокеров, живчиков с гитарами, в коже, в обтягивающей джинсе. Я однозначно воспринимаю BrainStorm как рок-группу, хотя в последнее время их музыка стала гораздо мягче.

С песней «Про секс» дело было так. В 2019 году я откликнулся на призыв Ренарса приехать и выступить с ними на их фестивале «VЫXODNЫE», но я не мог взять и посадить себя на самолёт, просто чтобы спеть старейший припев в не самой известной песне «Ступени». У меня родилось ответное предложение: «А давайте напишем и споём на этом концерте новую песню». Ренарс даже не задумался: «Да, давай, здорово!»

Мы встретились в Москве и, сидя в баре, стали по кругу рассказывать, что для каждого из нас является самой

интенсивной темой в данный момент жизни. Михельсон говорил, что у него есть собственная канатная дорога на гору. Ренарс рассказывал о том, как в его сознании борются стремления выглядеть актуально и модно с необходимостью соответствовать своим годам, своёму поколению, как он ищет здесь баланс. Я эту тему тоже подхватил и сказал, что я иногда одеваюсь, как Билли Айлиш, и мне это нравится, потому что я и в 20 лет одевался, как Билли Айлиш сегодня, если говорить про фасон. Рога говорил о медитации, он назвал индийского мудреца Садгуру, мысли которого сейчас ему очень близки. А Мэджик как будто немного подзабыл, о чём мы говорим, и рассказал историю про юбилей своего папы, на котором он вместо тоста встал и спросил: «Папа, а почему, когда я был юным, ты никогда не рассказывал мне про секс?». К моему удивлению, все прекратили свои диалоги и с повышенным интересом слушали рассказ Мэджика. Мне стало понятно, что мы нашли тему, именно про это должна быть песня – и все согласились.

Готовая мелодия уже была у Ренарса. Он предлагал демку на английском Земфире, но ответа долго не было, и он показал её нам – так мелодия почти без изменений вошла в песню. Я поделился вводными со своими ребятами из Касты, и мы сочинили текст за пару дней. Много наших раскопанных историй из детства, связанных с сексуальным взрослением, много хохм не вошли в текст, потому что песня – это всего лишь 4 минуты. На эту тему в нашем детстве стеснялись говорить, я помню лишь, что в отрочестве папа мне заявил, что писюн – это вообще-то очень важно, но в подробности не ушёл.

Моему старшему сыну было 7 лет, когда мы записывали «Про секс». Одно время он ходил и напевал эту песню, но взрослым становилось неудобно, и он перестал. Вообще, с рождением детей мне жить стало гораздо интереснее. Дети помогают выживать и хорошо держаться, ведь я ещё долго буду для них примером.

Одна из главных вещей, которой я хочу их научить – не бросать начатое, если всего лишь утомился или отвлекся. Не сдаваться на волне усталости, суметь превозмочь это и пойти дальше. Это важно, так как даёт преимущество перед теми, кто не осилил. Даже в быту очень полезно. Например: поздний час, мы ещё в машине, дети орут, тем не менее, надо как-то правильно и спокойно завершить день, приехать, переодеться, почистить зубы, уложить их спать. Хотя больше всего хочется тоже поорать. Но иногда можно и не сдерживаться. Однажды я купил кофе на улице, в бомжарском пластмассовом стаканчике, шёл дождь. На остановке меня облила маршрутка из лужи. Я обошёл её, открыл дверь водителя и вылил на него кофе. Не горжусь. Но и не

стыжусь.

С группой Каста – серьёзно и ответственно. А как же, ведь мы только что снимались в клипе «Про секс»! 2019 год

Успех

День проснулся, город дышит.
Мы уйдём, пока никто не слышит:
Ты к рассвету, я – к закату.
Всё равно придём куда-то.

«Выходные», BrainStorm

1990 год, апрель. Всю ночь пятеро школьников, пыхтя и сбивая пальцы в кровь, таскают парты со всех этажей школы в спортзал. Из музыкального класса они приволокут фортепиано, а из подсобки – синий свет для дискотеки.

Сто тридцать школьных парт крепко стянуты верёвками и накрыты сверху танковым парашютом – так будет выглядеть сцена для второго концерта в истории безымянной елгавской группы. Ребята напишут гуашью на ватманах «Cuttlefish» («Каракатица») или даже «BAGIL-5» («Пятеро лучших американских парней в Латвии»). Они купят несколько ящиков «Фанты», чтобы с процентом торговать на концерте, а на рассвете залягут вздремнуть в спортзале на скрипучих матах – прямо в концертных костюмах из секонд-хэнда и шведской гуманитарной помощи. Через час их оглушат дикие звуки – юный гитарист Мэджик, не избежав соблазна, выкрутил аппарат на максимум и грянул на гитаре рок-оперу в гулкой акустике школьного спортзала. Барабанщик Рога, раскачавшись на канате, сильно грохнулся спиной об пол, но не судьба ему была выйти из строя в тот день – кто бы тогда пригласил на концерт американскую тётю Брикс, которая после выступления, где было невозможно разобрать ни единого слова, деликатно заметит: «М-да, это прямо какой-то brainstorm у вас получился». Название наконец-то было найдено и тут же переведено на латышский – Prāta Vētra. С ним парни и отправились на свою первую фотосессию в школьный туалет.

2003 год, июль. Город Прага превращается в настоящий торт – икона мирового рок-н-ролла Мик Джаггер встречает здесь свой 60-й день рождения. В гостевой комнате перед концертом бурлит великосветское общество из голливудских актёров и разогрева The Rolling Stones – группы BrainStorm. Внезапно плечистые телохранители оттесняют всех к выходу – Мэтт Дэймон,

завистливо обернувшись на BrainStorm, восхищённо присвистнет: «Ничего себе, вы крутые, раз вам можно остаться!» Крутые, но скромные парни из Восточной Европы приготовили для Мика Джаггера в подарок красивый саксофон – откровенно говоря, год назад они его уже дарили Мэджику, но год прошел, Мэджик им не пользуется, а саксофон по-прежнему красивый. Особенно с новенькой гравировкой «To Mick from BrainStorm With Love». «Ха, он слишком хорош для Мика!», – бросает с порога Кит Ричардс, а Чарли Уоттс тем временем объясняет Роге, как завязывать на кедах полиэтиленовые пакетики, чтобы не скользить на мокрой сцене.

История успеха пишется на расстоянии, но бывают моменты, когда она виноградной косточкой скрипит на зубах. «Пятеро крутых американских парней» из Латвии сложили по кирпичикам не только свою первую сцену, но и всю большую дорогу. Для них жизнь в группе уже вдвое длиннее, чем без неё. Так в чем же измеряется успех? В количестве проданных дисков, индексе узнаваемости, марке автомобиля? В приглашении на Glastonbury или в том, как за кулисами пожилые родители беззвучно скажут: «Ты – молодец»? У каждого своё уравнение с одним неизвестным.

Янис «Мэджик» Юбалтс:

После того концерта с The Rolling Stones в Праге я приехал домой, шёл по улице родной Елгавы и встретил давнего знакомого. Он меня спрашивает: «Ты что же, правда познакомился с The Rolling Stones?» Я говорю: «Да, правда». Тогда он взял и поцеловал мою руку. Я остолбенел. Он спохватился: «Ты ничего не подумай. Просто я никогда в жизни не буду так близко

к своим кумирам, как через тебя». Я был в шоке.

Популярность – это весьма двоякая вещь, ты можешь сильно к ней стремиться, но вместе с тем пугаться. Я до сих пор краснею, когда вспоминаю презентацию нашего самого первого альбома «Vairāk nekā skaļi». Она проходила в магазине «Adidas», нас привезли на машине, постелили красную дорожку, дверь открывается – а я не могу выйти. Понимаю, что надо: там стоят все наши друзья, родители, пресса, а мне так неловко, что я не знаю, куда глаза деть, и слова сказать не могу. Надо радоваться, а у меня от стресса живот скрутило. Это был кошмар. А через несколько лет сложилась обратная ситуация. Нас, простых советских ребят, впервые показали на европейском MTV – это казалось немыслимым! Я был дома, и меня просто распирало от восторга. «Ну, – думаю, – сейчас выйду на улицу – а там всё сразу и начнется – и слава, и стадионы!» Открываю дверь – а там всё как было. Кошка идёт мимо, люди на меня не смотрят, трава зеленее не стала, папарацци на ней не дежурят. Это был грандиознейший облом.

Кстати, не единственный. После большого успеха «Maybe» в Польше мы стали там очень популярными. Однажды я пришёл в офис BrainStorm в Риге, а наш менеджмент прямо с порога говорит: «Мэджик, ты представляешь, в Польше один фанат выбил твой портрет у себя на груди, прямо как профиль Ленина!» Я посмотрел на фото и просто обалдел – ведь это лестно, хоть и странновато. Обрадовался, рассказал ребятам, мы это обсудили. А спустя несколько дней мы с парнями пошли в баню, о чём-то болтали, и тут пар рассеялся, и я увидел татуировку польского фаната на груди у Каспарса…

Тут же всё понял, и все, конечно, заржали как кони, я и сам очухался и тоже хохотал – мне кажется, никто меня так в жизни не разыгрывал, как Рога тогда. Но татуировка была сделана хной, так что больше я грудь Каспарса не украшаю.

В начале пути у BrainStorm было больше «сторма», а теперь «брейна». Мы стали больше размышлять в процессе рождения музыки, и я не в восторге от этого. Я люблю быструю энергию, люблю заряжаться и заряжать. Мне нравилось, как было раньше – песню «Lidmašīnas» мы придумали на ходу для школьного выпускного, она казалась совершенно дурацкой, но люди на концертах взрывались! К нам тогда подошёл ди-джей одной модной радиостанции и сказал, что поставит эту песню в эфир, если мы запишем её ровно так, как она звучит на концертах. Мы так и сделали – за ночь в один микрофон! Каспарс тогда работал оператором на телевидении, мы взяли ночью камеру, нашли там трубы с гофрой, вырезали из них себе шапки и сняли весёлый

клип. В тот год «Lidmašīnas» была настоящим прорывом и впервые в истории Латвии стала популярной и среди русскоязычного населения. До сих пор невозможно представить себе наш латышский концерт без неё – она заводит людей! Это доказывает, что не всегда долгий путь к результату гарантирует успех, а импульсивный «тяп-ляп» – провал. Музыка бесконечна, ты не можешь предсказать её судьбу.

В молодости случаются удачи, которые больше никогда не повторить. Человек с годами становится ленивее, ему уже мало одного желания творить, чтобы сдвинуться с места. Рутина истощает тебя, и в один момент включается блокировка. Эмоциональное выгорание – это психологическая защита от депрессии, когда ты уже в шаге от неё. Кажется, что должна пропасть гравитация, чтобы ты получил наконец новые ощущения.

У меня больше нет яркой звезды, которую хочется достичь, притух азарт этой гонки. Я допускаю, что появится новая искра, и я захочу снова рвануть вперёд, но пока это так. В юношестве я был ультрамаксималистом, реагировал на всё спонтанно и задорно, жил протестом, каждое утро вставал и бросал новый вызов. У нас была мечта – играть на стадионах, выйти на одну сцену с нашими кумирами – это был наш Эверест. С годами это стало похоже на компьютерную игру, где ты просто берешь очередной чекпойнт. Во мне умер тот маленький революционер. Мы делаем много песен на английском, а я понять не могу – зачем? В Англии на наши концерты приходят, в основном, латыши, русские, эстонцы, литовцы, поляки, и все они хотят слышать одну и ту же песню на разных языках. Триязычие всегда было проблемой для нас на выступлениях. И я задаюсь вопросом – зачем мы нужны англоязычному рынку, куда мы прём? Раньше казалось, что мы вот-вот рванём в мировое турне.

Маленькими вспышками у нас это действительно получалось, но большого взрыва так и не случилось. Я устал от этого ожидания. С годами я понимаю, как важно осознавать свои возможности и невозможности, своё место в мире. Все говорят, что нужно расти до конца жизни – я согласен, но кому это нужно и для чего? Каждый должен честно ответить на эти вопросы и не брать на себя лишнюю ответственность под чьим-то давлением.

Я думаю, что успех – это конец пути. Он должен приносить радость и покой. И с ним рядом об руку должно идти счастье. Есть песня, которая олицетворяет эти чувства – «Mana dziesma». Когда на больших концертах я начинаю её играть на акустической гитаре, я испытываю невероятное счастье – за эту музыку, за то ощущение, которое здесь и сейчас, когда с первых аккордов

зажигаются маленькие огни в поле людей, и ты стоишь будто на бескрайнем летающем ковре. Ренарс начинает петь, и этот мерцающий ковер колышется в пространстве, ты теряешь ощущение реальности, это неописуемо, это состояние экстаза. В этот момент я чувствую любовь к людям, к своим друзьям, к музыке, я осознаю, что всё не зря. Я могу иногда быть недовольным, но я обязан трудиться и договариваться, чтобы попасть в этот океан счастья. Мы как ручьи – каждый сам бежит со своего склона, вливается в реку, и вместе мы выходим в открытое море. Люди видят только результат и думают, что песню написать – это как два пальца обос*ать, сплошное веселье. Наверное, так и нужно, пусть для них эти мгновения будут чистым волшебством.

Самая холодная фотосессия с Антоном Корбайном

Мы с Ренарсом поздравляем президента Латвии Вайру Вике-Фрейбергу

Мечта моей жизни – встретить группу The Rolling Stones и пожать руку Киту Ричардсу

Большая радость – возвращаться в школу

Всегда старался быть на высоте – первым во всём!

Каспарс Рога:

Америка была нашей детской мечтой, мы всерьёз собирались составить конкуренцию Backstreet Boys. Даже придумали себе благозвучные (как нам казалось) английские имена – Майк Минолта, Питер Скотт Джуниор, Рейнард Кауперс и Джонни Ю Вайт. Я был Ник Уильям Саймон – Ник от никнейма, Уильям – от Робби Уильямса (хотя не помню точно, есть надежда, что от Робина Уильямса), а Саймон – в честь Пола Саймона. Так вот, наша подруга-супермодель умудрилась договориться с менеджером Мадонны об аудиенции – и мы рванули в Нью-Йорк. Помню, мы сидели у него в кабинете, он поставил наш диск и останавливал каждую песню после 30 секунд. «Чего вы хотите?», – спросил он. «Завоевать Америку!», – выпалили мы. «А в своей стране вы популярны?» – «Да, и давно!» – «А в соседней?». Мы честно признались, что нет. «Так не пойдёт, – сказал он, – вы должны как паук соткать свою сеть, постепенно расширяя свои границы». Мы поехали обратно и так и сделали.

Успех – это когда у вас больше хороших песен, чем говна. Говно есть у всех, абсолютно. По нашей статистике, с одного альбома BrainStorm в среднем выживают три песни.

Сегодня из таких песен мы можем сыграть программу на два с половиной часа и удержать внимание 60 тысяч человек. Но если спросить меня, доволен ли я тем, чего достиг BrainStorm, я скажу – нет, ничего такого мы не достигли. Да, мы успешны в родной Латвии, но всё население нашей страны – 1,9 миллионов человек, это как средний европейский город. Для мира нас по-прежнему не

существует. Я человек цели, мне нужна эта морковка перед носом. Просто сочинять музыку для самого себя мне не интересно. Художники вечно спорят – где этот рубеж, вы создаёте искусство для себя или на продажу? Единственный для меня критерий – цепляет меня самого результат или нет. Если не цепляет, значит, я где-то пошёл мимо в мягких тапочках. В них очень удобно, но далеко не уйдёшь. Иногда бывает страшно порезать ноги, но, на мой взгляд, сознательный риск – это единственно возможный путь для творческой личности.

Я уверен, что мы способны на большее, значит, грех халтурить в собственной жизни. Музыка – это не спорт, но музыкант никогда не должен прекращать тренироваться, оттачивать своё мастерство. Мы все до сих пор учимся.

Для меня выйти на сцену – это как поднять самолёт в воздух, ты не можешь ошибиться: умри – но доиграй. Волнение перед концертами до сих пор настолько сильное, что я весь день в неадекватном состоянии. Я пытаюсь поспать днём, но подчас просыпаюсь потом в смертельном страхе, на адреналине. Это короткое время, но очень неприятное и страшное. Это чувства висельника на эшафоте или солдата на войне. Да, в нашем случае мы идём на это добровольно, но, если выходим и ничего не можем сыграть – это всё, смерть.

Большая ловушка начать сравнивать себя с собою прежним. В молодости ты вообще сначала делаешь, а потом думаешь. Концерты, тусовки, вечеринки – всё как в тумане, ресурс организма огромный. А однажды ты вдруг ловишь себя на мысли, что сыграл хуже. Технически, эмоционально или вообще просто так показалось – неважно, это доводит тебя до паранойи. Теперь ты уверен, что облажаешься. У меня так было с «Maybe». Я нормально играл её много лет, а потом вдруг переклинило – весь в поту и руки трясутся. Доходило до того, что парни играли её без меня в акустике или вовсе убирали из сет-листа. Причем дома я мог гениально её играть, всласть импровизировать, а на публике просто парализовало. Но это выбивается клином – надо отработать песню дома до такого автомата, чтобы механически перескочить этот страх.

После первого большого успеха BrainStorm за границей Ренарс вдруг стал единственным, кто получал приличные деньги. Да, он был основным автором песен, мы мало ему в этом помогали, но когда один в группе богатеет, а остальные баранки жуют – это путь в никуда. Тогда я написал на альбомном листе манифест, который назывался «Один кулак – пять пальцев». Мы вместе начинали, таскали колонки, спали вповалку, что-то ремонтировали, доставали, выкручивались. Каждый из нас умеет

что-то, чего не может другой. Мы либо сохраняем это равенство, либо расходимся. С этого дня Ренарс приносил каждому из нас по конвертику денег. Дальше мы уже сразу делили все авторские права поровну, вне зависимости от того, кто написал песню. Я уверен, что это одна из причин, почему мы так долго вместе – у нас нет финансовой дискриминации, это очень важная вещь. А началось всё с песни «My Star», которая выстрелила на «Евровидении».

«Евровидение» – это было полное распиз*яйство. Латвия впервые принимала участие в конкурсе, про него было мало известно, и нам было нечего терять. Само выступление происходило под фонограмму, вживую пел только солист, так что у Ренарса действительно в эфире коленки дрожали, а мы все просто отрывались как могли. Две недели мы кутили в Стокгольме, причём гостиница была настолько близко к площадке, что можно было и на улицу не выходить – был специальный коридор. На банкеты мы заявлялись в банных халатах или вообще устраивали Бал Шапочек – это когда из одежды на вас действительно ТОЛЬКО шляпа. Однажды у Мэджика не оказалось шляпы, и он обмотал голову туалетной бумагой.

Я тогда ещё не знал, что «Евровидение» довольно популярно среди людей другой ориентации, и очень удивлялся, что меня мужики пытаются за задницу схватить. Была проблема и посерьёзней – надо было измерить, сколько людей одновременно влезает в душевую кабину. Кажется, человек четырнадцать, но надо перепроверить. Эпизод со шведками помню… хорошо звучит, сейчас главное – выдержать интригующую паузу! Но на самом деле это был кошмар – шведские группиз вломились в наш номер, и это был тот случай, когда вдруг становится страшно, потому что девушки не совсем адекватные.

Мы заняли третье место на конкурсе и были в шоке, потому что не ожидали ничего. Мы проснулись знаменитыми, хотя даже не ложились спать. Ренарс и Марис вышли на следующее утро на улицу, к ним вдруг стали подходить люди, узнавать, просить автографы и фото. Помню, как ребята были ошарашены и сказали: «Так вот ты какая, слава!» Пожалуй, это было самое яркое ощущение популярности за всю историю BrainStorm. Эта волна держалась ещё некоторое время – я был потрясён, когда на автограф-сессии в Эстонии девушки просто сходили с ума – хватали нас за что придётся, кричали с балконов, охрана еле сдерживала толпу, была давка. Вот тогда мы и стали ненадолго как настоящий американский бойз-бэнд. Но это искажение реальности, истерия, которая к музыке имеет мало отношения.

Фотосессия в Юрмале к туру «Four Shores»

Легендарный момент в истории нашей группы – мы во фраках! Вот так решили выступить на одном из мероприятий в Риге – «латышском Грэмми». У меня в руках награда в номинации «Дебют», мы лучшая молодая группа! На фотографии (второй

справа) – менеджер BrainStorm на тот момент Алдис Хофманис

Фотосессия в Риге. Мы на тот момент выпустили наши самые первые песни, включая наш первый хит «Jo tu nāc» по-русски это означает «Потому что ты приходишь». С этой балладой мы впервые попали в латвийский топ на 8 место. На Ренарсе знаменитая рубашка, в которой он выступал на каждом концерте. А на остальных секонд-хэнд из Швеции: мы разгружали фургоны, и нам разрешали выбрать себе вещи

Фотосессия в моём «Ягуаре», мы представляем себя героями какого-то фильма

Ренарс Кауперс:

Я привык к вниманию на улицах. Помните, крокодил Гена работал в зоопарке крокодилом, а я на улице работаю Ренарсом из BrainStorm. Мне это приятно, и я понимаю людей, которые подходят ко мне, знаю это чувство. Как ты дрожишь внутри! Однажды мы летели из Москвы в Ригу с группой Arcade Fire – а я большой их фанат. Эдвин Батлер очень высокого роста, да ещё в огромной шляпе, я никак не решался к нему подойти. Мэджик негодовал: «Ну мы что, так и не сделаем с ним фотку, что ли?!» Я говорю: «Мэджик, я не могу!» А он мне: «Да ты что, лошара, очкуешь – давай!» В конце концов, Мэджик сам подошёл и вежливо спросил, можно ли нам сделать с ним фото. Эдвин извинился, но отказал – он ехал с сыном, уставший. Я его хорошо понимаю – бывает, я тоже отказываюсь фотографироваться в неподходящий момент – например в магазине, с луком и колбасой наперевес.

В творчестве никто не может быть уверен, что однажды он не проснётся без всякой способности написать новое. У каждого есть свой золотой век, когда он создает свои лучшие вещи. Это период цветения, как у растений, он не может быть вечным. Когда Depeche Mode записали альбом «Violator», на котором были такие песни, как «Enjoy The Silence» и «Personal Jesus», они сели прослушать её в студии и молча переглянулись: «Да, это ОНО». Это особый элемент, прикосновение к Вселенной, острое чувство классики. Я думаю, что золотой век BrainStorm уже позади, он остался в начале двухтысячных. Мы можем за сегодня написать новый альбом, но будут ли это хорошие песни? Я не знаю, поживём – увидим.

Одна из самых красивых песен, что мы когда-либо написали, – «Meklēt vienam otru». Она о любви во Вселенной, о поиске друг друга в самом простом и самом глубоком смысле этого слова. Там очень сильный месседж в тексте – я помню, как приходили эти строчки…

Строчки ловят тебя где угодно. Вдруг наступает момент рождения из ничего, ты зажигаешься этим и хочешь, чтобы он полностью сбылся. Та же «Maybe» – меня часто спрашивают, что же такого произошло особенного, когда я написал её? А ничего! Я просто сидел один дома, наиграл на рояле мелодию, сочинил текст за пятнадцать минут – и готово. Очень много песен ты стараешься поймать за хвост и подтащить к себе, а есть вот такие искренние моменты, когда что-то рождается само, и люди потом это безошибочно чувствуют. Есть там божья искра, которую мы чутко поймали в нужный момент. Думаю, что творческий человек – и посредник, и генератор. Сегодня утром я прочитал, что такое

Провиденция – это божий замысел на длинной дистанции.

Большой вопрос – всё ли, что мы делаем, уже запрограммировано, или у нас есть свободный ход? Кто ответственен за то, сбываются наши мечты или нет? Библия говорит, что ни один волос не упадёт с головы человека без воли Господа, а народная пословица – на Бога надейся, а сам не плошай!

Успех BrainStorm – это избранность. Оглядываясь на 30 лет назад, я вижу, как иногда неправильно и нелогично мы двигались, но всякий раз нас будто кто-то снова ставил на рельсы. Конечно, каждый из нас много трудился для этого результата, но глупо отрицать, что мы везунчики. В Латвии постоянно появляются новые хорошие группы, и каждый раз мы уже опускаем уши: «Ну вот, сейчас эти ребята нас подвинут». Есть концерты, после которых я думаю – если это был последний концерт BrainStorm, пусть так. Я внутренне готов к этому, но в то же время, я, конечно, надеюсь, что мы сможем играть музыку ещё много лет.

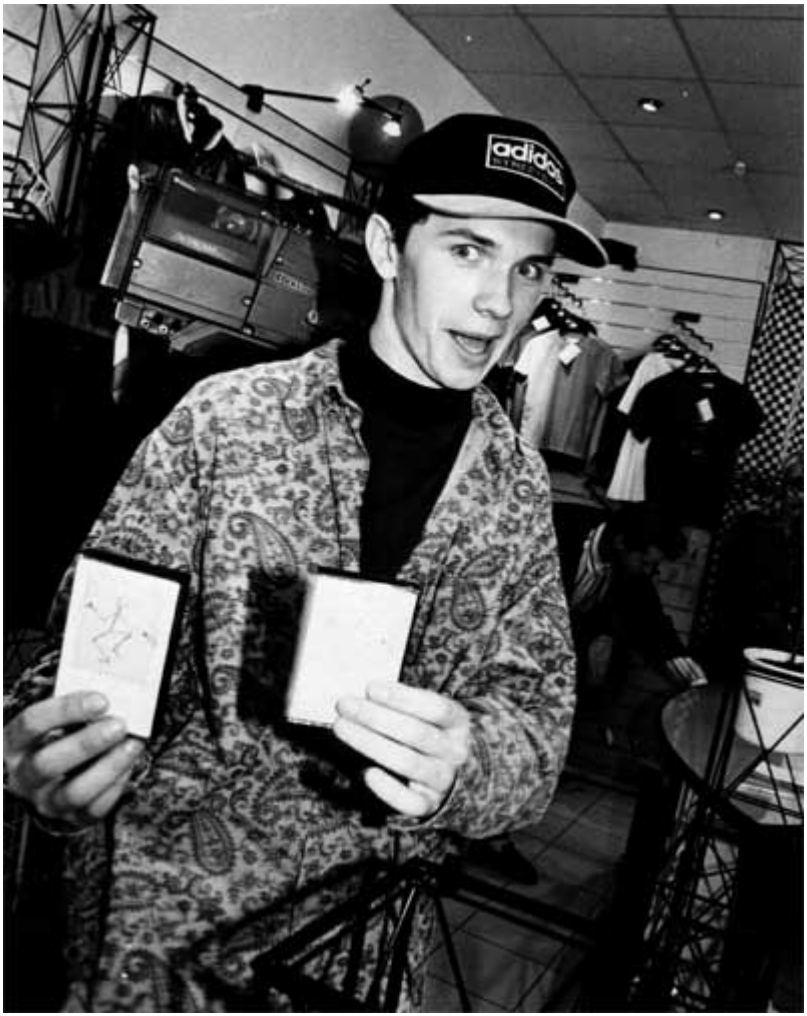
Я помню день, когда BrainStorm фактически распался. Мы только что записали альбом «Шаг», он очень трудно нам дался – девять месяцев изнуряющей работы. Мы не ладили между собой, у меня были проблемы со здоровьем, ребята уплыли по своим делам. Я сидел один в студии и написал всем такую смс: «Всё, давайте сделаем паузу». Все собрались во дворе студии, возле гаражей. Никто не произносил этого вслух, но всем было понятно, что пауза может продлиться и группы не станет. Наступила ночь, а наутро мы созвонились, встретились, и, мне кажется, осознали, что зашли не туда – с этого момента все живо включились, вернулись в команду, и BrainStorm поехал дальше. Иногда ты понимаешь ценность чего-либо, только едва не потеряв это.

Нам с парнями повезло однажды встретиться и вместе пройти через многое. Колоссальное чувство сейчас выступать перед огромной аудиторией людей, которые любят нашу музыку и вспоминать, как когда-то мы с ребятами забегали в вагон берлинского метро и пели песню «Closer to fine» Indigo Girls, потому что других на английском не знали. Через две станции прыгали в другой вагон и так по кругу. Заработанных немецких марок нам вполне хватало на ужин и пиво, мы были счастливы. На улицах тоже играли, а Каспарс катался по кругу на роликах и собирал деньги в шапку. В метро, кстати, тоже он собирал – Каспарс всегда чувствовал энергию денег (смеётся).

Есть музыканты, которые говорят: «Мне всё равно, слушают мои песни или нет!» Прекрасно, если это искренне и человек живёт в гармонии с собой. Вот похвалили тебя – хорошо! А

сказали «дурак ты такой!», и ты в ответ: «Ну дурак, так дурак, спасибо», – и пошёл себе дальше, забыл через минуту. Я так пока не умею, мне важна похвала и меня легко задеть критикой. Я пытаюсь развивать в себе безоценочное суждение, независимость от чужого мнения, но это нелегко. Именно поэтому я не читаю никаких отзывов на наши концерты, группу, рецензии альбомов – очень редко могу посмотреть в газете, но в интернете никогда. Меня даже слово «рокенролльщик» смущает. Я никогда не видел нас рок-группой. Помню, бывали вручения музыкальных наград, где нам давали, например, «Лучший рок-альбом», я всегда чувствовал себя неловко, потому что рядом сидели пацаны в кожаных штанах с клёпками и такие на нас: «Ха! Рок-группа пошла, видали?!» Я предпочитаю не вникать в критику. Берегу себя, чтобы оставаться спокойным, как поплавок на гладкой воде. В особенно сильные, исторические для BrainStorm моменты мне важно заземляться, ловить моменты down to earth. Например, наш концерт в Межапарке, где было 60 тысяч человек – до площадки и обратно я добирался на велосипеде. Это особенное очарование рижских концертов, 40 минут назад я стоял на сцене и был Элвисом – а теперь мою тарелки дома на кухне и мне очень хорошо.

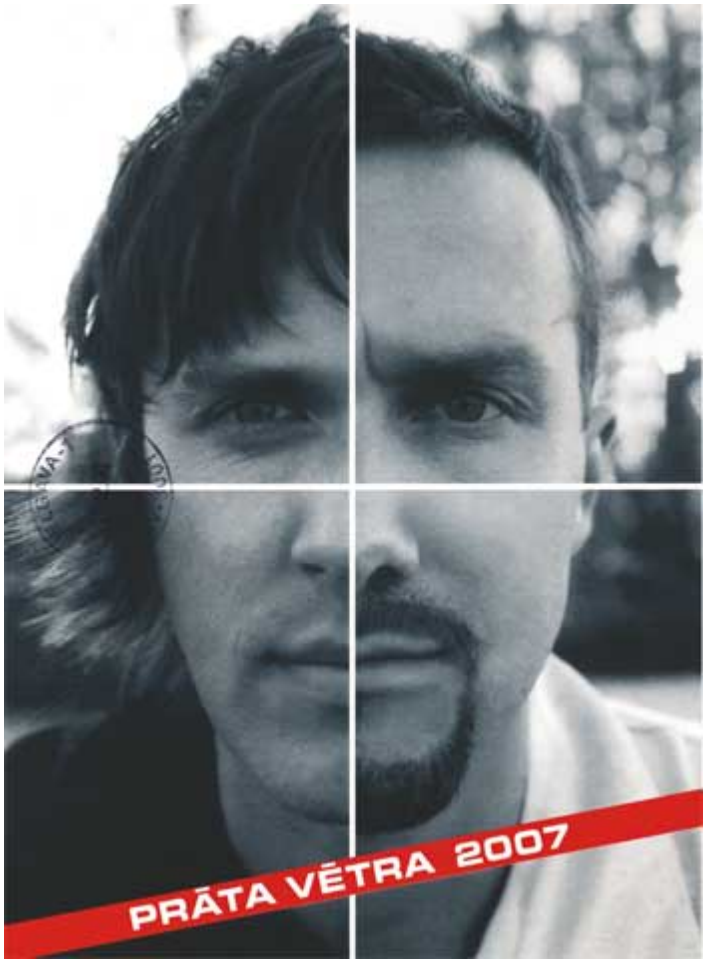
Ну зря вы так, Ренарс Изидорсович, ногу на классиков осмелились поднять. Впрочем, пластика и композиция – барин, санки, плакат – вполне изящно



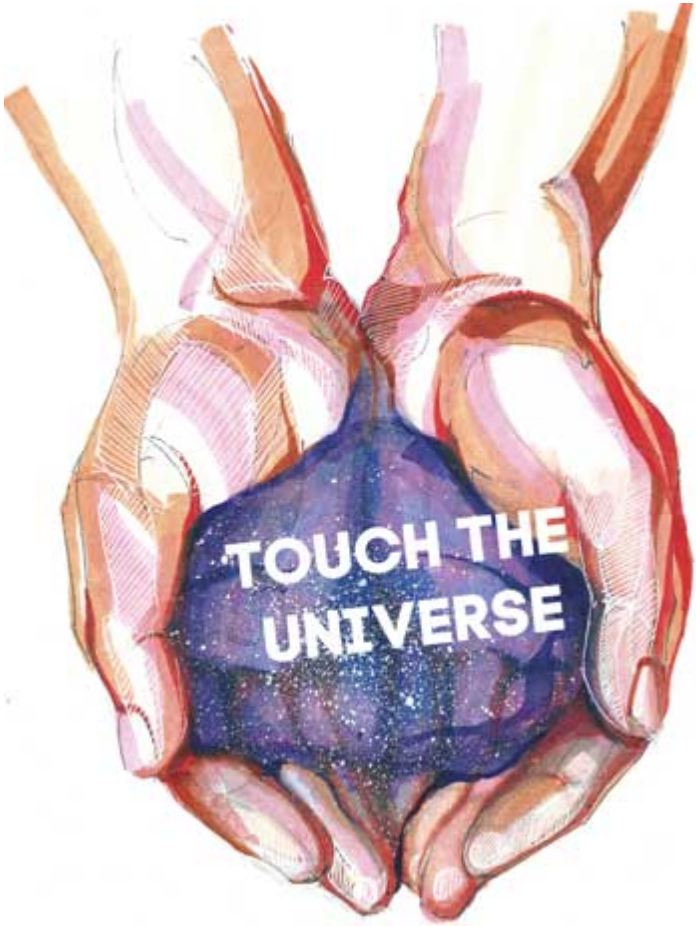
Наша первая кассета, а уже какие спонсоры!

Ух! Аж глаза захотелось прикрыть от ярких нарядов. Ведём «Евровидение» с Marie N. 2003 год

Ведь учила мама не сидеть на столе!



Среднеарифметический брейнштормовец! Рождественская карточка



Марис Михельсонс:

Mikrofons '92

TOP 10 TOP 10 TOP 10 TOP 10

Augusts

1.(1) Klusumā ..... Aigars Grāvers
2.(3) Mana mīļā meitene ..... Bet Bet
3.(2) Spēle ..... Linga
4.(4) Kad mēness jūrā krīt ..... Jauns Mēness
5.(9) Paliec lūdzu tu ..... Spogulis
6.(5) Ceļš ..... Nejautā
7.(6) Atkal brīvs 4-Atā
8.(–) Jo tu nāc ..... Prāta Vētra
9.(7) Saullēkts ..... Tango
10.(–) Maziņā neziņā ..... Juku Jukām

В 90-х самой крутой группой в Латвии была Jumprava. Мы с Ренарсом были их большими фанатами, я не пропускал ни одного концерта и знал все песни наизусть. Они напоминали Depeche Mode, но были невероятными сами по себе – сначала играли только на синтезаторах и барабанах, а позже сделали на сцене огромную железную установку, к ней были прикручены разные детали, и музыканты били по ней молотками – это укладывалось в ноты, ложилось на песню, но создавало какую-то нереальную атмосферу индустриального звучания, рабочего цеха. Я их просто обожал. И однажды мы с Ренарсом набрались храбрости и подошли к солисту Юмправы – Айгарсу Граверсу. Он, кстати, похож на нашего Рогу. Было очень страшно, коленки тряслись, в горле пересохло. Но мы не просто так подошли – Граверс в ту пору открыл свою студию «Četratā», («Вчетвером») и помогал молодым группам. И нам удалось с ним договориться. На студии было дико страшно, это ведь другие времена – сейчас ты пишешь в компьютер сколько угодно, а тогда мы писали на ленту, это огромная ответственность. Рядом сидит твой кумир, а ты играешь и думаешь, как бы не ошибиться, чтобы поменьше плёнки извести. Руки дрожат, пальцы скользят – кошмар! Но всё было не зря – у нас появилась первая настоящая студийная запись, наш сингл «Jo tu nāc», который было уже не стыдно предложить на радио. С «Jo tu nāc» мы вздумали участвовать в национальном

конкурсе песни «Mikrofons», который выходил ежегодно с 1968 года. Голосовать можно было купончиками из газет, и обычно там побеждали наши кумиры, в том числе Jumprava и Раймонд Паулс. Мы скупили все газеты, навырезали тонну этих купончиков, сагитировали всех друзей и прохожих на улице за нас проголосовать и в итоге вырвались на первое место из двадцати возможных. Победители должны были выступать на центральной площади Риги, и тут только мы поняли, что натворили со своей медленной, криво записанной и никому не известной песней.

К счастью, поняли это не только мы, но и организаторы конкурса. «Ну-ка, подите-ка сюда», – сказали они нам, когда мы приехали в редакцию, и завели нас в кабинет. «Ребята, вы КАКИМ-ТО образом обогнали самые популярные группы Латвии. Мы понимаем, вы старались, но давайте мы всё же аккуратно подвинем вас на восьмое место». Мы густо покраснели и с радостью согласились. Это было очень круто для нас, и мы сыграли на Домской площади – там, кстати, Ренарс и познакомился с Агнесс. Благодаря этому конкурсу о нас узнали, и вскоре мы подписали контракт с «Microphone Records», который вывел нас на другой уровень.

Мы поднимались в непростое время – развал Советского Союза, расцвет капитализма, падение железного занавеса. Это были дикие девяностые – мы сами устраивали себе концерты, расплачивались с залом за аренду и только иногда получали что-то сверху. После концерта к нам могли подбежать и сказать: «Скорее прыгайте в машину и уезжайте: местные рэкетиры хотят забрать кассу». Однажды мы играли в Доме Культуры, было довольно много людей, хороший концерт – и только потом мы

узнали, что у некоторых зрителей нашли огнестрельное оружие. Слава богу, что всё обошлось. Но невольно задумываешься – как же так, ты хочешь просто играть свои песни, дарить людям радость, но в любой момент в толпе может произойти что-то страшное, и ты косвенно будешь в этом виноват. Но было и смешное – во-первых, все предпочитали тогда дискотеки, и поэтому, как только мы начинали играть в клубе, людей ветром сдувало в бар за «отвёртками» – самым популярным коктейлем 1990-х, – водка с апельсиновым соком. А во-вторых, тогда только появились первые мобильные телефоны, большие, как кирпичи, и бандиты стояли в первом ряду и каждые пять-десять секунд нажимали кнопку телефона, чтобы загорался зелёный экран, и все видели, что у них есть мобильники.

За все годы в BrainStorm я овладел искусством компромисса. Я не уверен, что он хорош в творчестве в широком смысле, но в группе необходим. С самого начала каждый из нас мнил себя большой личностью – хотя какая уж там большая личность в 13 лет. Но ведь никто нас не заставлял изо дня в день собираться вместе и репетировать, двигать группу вперёд. Это была наша общая страсть, ради которой мы учились подстраиваться друг под друга. Она жива и теперь – как бы ни было тяжело, я знаю, что вместе мы справимся, сделаем песню и вскоре я забуду о том, как было неприятно. Компромисс – это твоя личная жертва, чтобы быть в группе, чтобы группа существовала. Раньше я не умел подстроиться, с моим характёром трудно выносить давление, но я вырос и понял, что нужно уметь работать на преодоление. Мы уважаем друг друга, чтобы BrainStorm двигался вперёд. Если бы каждый стоял только на своём, мы бы ничего не добились.

Шкала улыбки: Михельсон – 1, Кауперс – 3, Мэджик – 6, Рога – 10 (зашкаливает)

Это совместный тур с R.E.M., где мы играли на разогреве. Майкл Стайп тогда вышел и сказал: «R.E.M. выступят позже, а сейчас встречайте классную группу из Латвии – BrainStorm». Нам сразу стало легче выходить и играть, потому что разогревать всегда сложно. Мы с ребятами теперь тоже всегда так делаем, когда у нас играет кто-то на разогреве

Мы в образах каких-то дивных Арлекинов получаем одну из первых музыкальных наград BrainStorm. Для начинающей команды важно, что профессиональное жюри высоко её оценивает. Это хороший пинок для движения вперёд!

Магическая буква «М». Команда из маленького латвийского городка Елгава получает награду MTV в Копенгагене в номинации «Best Baltic Artist»

Фотография из нашей родной школы. Это школьный туалет – мы как могли стильно встали, чтобы фото получилось классным. На тот момент это казалось очень круто!

Михаил Козырев:

Судьба BrainStorm – это восхитительный, триумфальный путь, о котором мечтает каждая группа, но достигает лишь одна из тысячи. Впервые я увидел этих звонких золотых мальчиков в крохотном рижском баре, где было человек тринадцать зрителей, а Ренарс колбасился прямо на барной стойке. Меня потрясло, что

они заполняют собой пространство полупустого клуба ровно с той же отдачей и энергией, как я увидел много лет спустя, они это делают перед бескрайним морем людей на стадионном концерте. Шансов не влюбиться в них тогда просто не было.

BrainStorm хотели стартовать в России с «Lidmašīnas», но я усомнился в этой песне. На одном из концертов в Москве я услышал «Выходные» на латышском языке, и эта мелодия, которая с первого раза западает в память, убедила меня сделать ставку именно на неё. Я предложил Ренарсу и Мэджику придумать цепляющий перевод, и вскоре получил по факсу из Елгавы листочек с неуловимо нерусским текстом. Помимо совершенно нелепых, длинных и заново изобретённых в природе слов, там был и такой оборот: «Мы НЕ гуляем, НЕ крутые, но мы хорошие, не злые». Вторая строчка соответствовала действительности, но с первой надо было что-то решать. «Парни, – сказал я им, – в вашем возрасте надо вести молодёжь за собой в отрыв, и ей совершенно не обязательно знать, что на самом деле вы скромно сидите в своих уютных прибалтийских домиках с семьями». Вскоре состоялся исторический «брейнсторм» на Нашем Радио, где коллективно, по буквам, по словам, был создан перевод песни, и я лично горжусь своей строкой: «Снова день, коты на крышах – нам пора, уходим тише». Это была восхитительная творческая история, и я был окрылён успехом «Выходных».

Несколько лет спустя меня зацепила другая их вещь на латышском – песня «Spogulīt». Мне сразу послышалось в ней «спой мне, спой мне», и я написал перевод за одну ночь. Ребята удивились, но восприняли с энтузиазмом – они вообще открыты к коллаборациям и с ними в кайф что-то придумывать.

На протяжении долгих лет нашей дружбы я предлагал своим друзьям разные проекты, делился какими-то безумными идеями. В 2004 году мы с Максом Виторганом делали «Неголубой огонёк», и когда группа Конец фильма прислала нам песню «Постой, паровоз», наложенную на три самых известных блюзовых аккорда из «The House Of The Rising Sun», мы сразу решили сделать её международной. Куплет на русском пел Женя Феклистов, солист Конца фильма, на украинском Слава Вакарчук из Океан Ельзи, а на латышском – Ренарс Кауперс из BrainStorm. Музыканты тоже все были собраны из трёх коллективов. Понятно, что сегодня такой номер осуществить уже невозможно. Я благодарен BrainStorm за то, что они нашли в себе силы участвовать, потому что в тот год погиб их бас-гитарист, это был страшный удар, они были буквально уничтожены этой трагедией…

Обычно у меня есть интуитивное ощущение, кто из артистов

«споётся», и оно редко подводит. В прошлом году я предложил Саше Петрову исполнить «На заре» с BrainStorm для Дня Дождения – телеканалу «Дождь» исполнялось 9 лет, и мы отмечали большим концертом в Известия Hall. Он мгновенно ответил: «Миша, эта группа – любовь, конечно сделаем, мне очень интересно». Нужно было написать новый текст, по аналогии с тем, что когда-то сделал Женя Гришковец. В какой-то момент я пишу: «Саша, боюсь не успеем, у нас всего три недели». Получаю ответ: «Ковбой всегда успеет!» Первый вариант текста у Саши был про барахтающегося в реке щенка – романтический, но слезливый. Потом буквально за день до выступления Саша его переписал, и в итоге мы попали в десятку – выступление BrainStorm, Петрова и группы Альянс было совершенно фантастическим. Ещё был крутой концерт, который я им организовал в 2013 году – в год, когда они выступили на фестивале Glastonbury. Это была рискованная затея – мы договорились в точности сохранить стилистику выступления, и BrainStorm сыграли на крыше Красного Октября в эфире телеканала «Дождь» полностью англоязычную программу, ровно как на фестивале. Это было превосходное шоу.

Интересно то, что ребята за годы нашего знакомства практически не изменились. Есть такие люди, к которым грязь не липнет. Испытания, через которые проходит большой артист, – это американские горки: слава, деньги, соблазны, наркотики. Но есть порода людей, которые выходят из этого квеста неповреждёнными, слишком мощная в них была заложена основа. BrainStorm – такие. Они вообще очень крепкий коллектив, у них чётко распределены обязанности в группе, у каждого своя «грядка самовыражения» помимо музыки. Например, я восхищён и преклоняюсь перед тем, как Рога ставит концерты, создаёт визуальный ряд и шоу, в котором они могут презентовать себя как группу. Мне кажется, люди в России воспринимают BrainStorm, будто это наша крутая родня с Запада. В этом ещё один секрет теплоты и влюблённости в них российских зрителей.

Есть такой «синдром Никольского». Константину вроде бы принадлежит фраза «новые песни пишут те, у кого старые плохие». Речь об озарении, которое приходит лишь однажды и оставляет шрам на лбу, как у Гарри Поттера. Это божий дар, который действует лишь на короткой дистанции, и после того, как написаны прекрасные песни, наступает тяжёлый период творческого бесплодия. В моём представлении это одно и самых жутких проклятий для писательского цеха. Перед моими глазами пронеслись сотни групп, которые подавали большие надежды, я их поддерживал – и ничего не получалось. К счастью, для

BrainStorm судьба написала самый потрясающий сценарий, который только могла придумать. Время от времени из Латвии доносятся звуки музыки, и я всегда открыт к новым трекам, но пока и близко по калибру к BrainStorm я никого не встречал. Много лет оставаться на вершине, быть номером один в своей стране – это значит постоянно переизобретать себя, искать новые пути. Я всегда внимательно следил за тем, как менялись U2, сбрасывая всё старое и возрождаясь в новой коже. Я думаю, BrainStorm тоже годами задают себе те же вопросы. Как поддержать этот уровень кислорода в крови. Мне нравится, как они выглядят, как достойно взрослеют в музыке.

Сказал бы – «матереют», но это от слова «мать». Тогда они, стало быть, что? Достойно отцеют.

BrainStorm, я уверен, заслуживают мировой славы. Но глобальный международный успех для любой группы в последнюю четверть века сильно зависел от развития музыкальной индустрии. Какие бы изумительные песни ты ни писал, без таланта промоутера, маркетолога и продюсера сделать качественный рывок было невозможно. Советский период оказал дурное влияние на интеграцию прибалтийских стран в мировой шоу-бизнес, они стали тем самым отрубленным пальцем, который вовремя не довезли в больницу. Между Латвией и мировым музыкальным сообществом, как и со всеми странами Восточной Европы, не срослись нервные окончания, и BrainStorm, к сожалению, пали жертвой этого времени, ведь успех – это успеть. Однако я не думаю, что у артистов из бывшего СССР существует некий генетический код, который отторгает мировая музыкальная система. Для BrainStorm сегодня ещё возможен большой рывок, если у них родится безапелляционно хитовый трек. Волшебный икс-фактор, отвечающий за успех, пока не раскрыт никем в мире. Если бы лично я сейчас руководил рекорд-лейблом, задача которого была бы открыть BrainStorm всему миру, я бы искал всенародно любимую песню уровня «Tainted Love» и «Sweet Dreams» и просил парней сделать на неё кавер, который всех удивит. Главное, никогда не сдаваться – а мы будем верить в этих удивительных янтарных ребят.

А это мы с Мишей в Сочи, на фестивале LiveFest Summer 2019

* * *

ЛУЧШИЕ КНИГИ О БИЗНЕСЕ С ЛОГОТИПОМ ВАШЕЙ КОМПАНИИ? ЛЕГКО!

Удивить своих клиентов, бизнес-партнеров, сделать памятный подарок сотрудникам и рассказать о своей компании читателям бизнес-литературы? Приглашаем стать партнерами выпуска актуальных и популярных книг. О вашей компании узнает наиболее активная аудитория.

ПАРТНЕРСКИЕ ОПЦИИ:

- Специальный тираж уже существующих книг с логотипом вашей компании.
- Размещение логотипа на супер-обложке для малых тиражей (от 30 штук).
- Поддержка выхода новинки, которая ранее не была доступна читателям (50 книг в подарок).

ПАРТНЕРСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ:

- Рекламная полоса о вашей компании внутри книги.
- Вступительное слово в книге от первых лиц компании-партнера.
- Обращение первых лиц на суперобложке.
- Отзыв на обороте обложки вложение информационных материалов о вашей компании (закладки, листовки, мини-буклеты).

У вас есть возможность обсудить свои пожелания с менеджерами корпоративных продаж. Как?

Звоните:
+7 495 411 68 59, доб. 2261

Заходите на сайт:
eksmo.ru/b2b